ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Москва

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

8

1982

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ,
АДРЕС РЕДАКЦИИ: 121918, ГСП, МОСКВА, Г-2,
АРБАТ, 20, ТЕЛЕФОНЫ: 291-71-10, 291-72-30

ВАЛЕНТИН СИДОРОВ

СЕМЬ ДНЕЙ В ГИМАЛАЯХ

Памяти К. Е. Антаровой посвящаю

Об Индии существует обширная литература: очерки, путевые записки, стихи, поэмы. Есть вещи удачные, есть менее удачные. Но зачастую они воспроизводят чисто внешние приметы страны. Книга «Семь дней в Гималаях» принадлежит к числу тех произведений, которые вскрывают внутреннюю сторону многоликого индийского бытия. Валентин Сидоров старается вникнуть в глубинный процесс духовно-нравственной жизни Индии, то есть коснуться того, что в большой степени определяет культуру Индии, неповторимый склад ее народа. Русский советский поэт входит в этот процесс не созерцательно, а заинтересованно, проявляя такт и чуткость сердца, и обнаруживает знание материала.

Правда, к поездке в дружественную нам страну — об этом свидетельствуют признания самого автора, сделанные в книге,— Валентин Сидоров был основательно подготовлен изучением индийских философских и литературных источников, картинами Николая Рериха, его трудами и книгами. Не случайно, что индийская тематика в стихах Сидорова, таких, как «Голубые холмы Индостана», «Весть», «Вивекананда», утвердилась задолго до его непосредственного знакомства со страной.

Словом, поэт ехал в Индию не как турист, жаждущий лишь ярких внешних впечатлений, а как человек, вооруженный сердечным знанием страны. Надо отметить, что в путешествии по Индии у него был прекрасный проводник — Николай Константинович Рерих. Автор ехал по его следам, по его маршруту, в связи с подготовкой его столетнего юбилея. Фигура Рериха — в центре повествования, и она дарит особый радостный свет всем индийским впечатлениям автора. На мой взгляд, эти впечатления изложены красочно, выпукло, зримо, живо выписаны образы людей, с которыми свела поэта индийская поездка, с большим вкусом отобраны для книги изречения мудрецов и философов Индии: в этих изречениях как бы сконцентрировалась светоносная мощь многовековой мудрости Индии — радостная, позитивная, созидательная.

Большой принципиальной удачей автора книги следует считать то, что ему удалось без декларативности и искусственных построений сочетать прошлое и настоящее. В книге встречаются два плана: пафос мудрости древней Индии, зовущей к внутреннему преображению каждого человека, и пафос наших революционных идей, зовущих к социальному преобразованию мира. Хочется подчеркнуть, что эти планы в книге соединяются не внешне, прямолинейно, а как бы изнутри, органично, естественно. Этому опять же во многом способствует центральный образ книги — образ Николая Рериха, в творчестве которого гармонично смыкаются в единое целое легенда и реальность, прошлое с его загадочными ликами и устремленное ввысь настоящее. Живая реальность революционного времени — этому в книге посвящено немало страниц — овеществлена в документах, связанных с именем Рериха: послании Махатм двадцать шестого года Советскому правительству, письме, сопровождающем священную для индийцев гималайскую землю на могилу «брата нашего Махатмы Ленина».

Специального разговора заслуживает финал книги — стихи-медитации, объединенные названием «Вместо эпилога». Автор бьет здесь точно в цель, и вот почему.

Во-первых, стихи представляют собой своеобразный итог индийских впечатлений, поэтический отклик на них.

Проза

Во-вторых, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Мы говорим, и говорим справедливо, о влиянии нашей литературы и искусства на индийскую культуру. Но постольку, поскольку между нашими странами существуют обоюдные творческие контакты, очевидно, можно говорить и об обратном явлении: о влиянии индийской культуры на нашу литературу и искусство. Так вот, в стихах Сидорова мы видим творческое освоение индийских тем и мотивов. Стихи Валентина Сидорова являют пример сближения двух поэтических традиций, их взаимного обогащения.

Дневник индийского путешествия поэта вместе с философскими текстами, вплетенными в ткань рассказа, вместе с авторскими отступлениями, сделанными иногда в стихотворной форме, складывается в художественно-гармоничную картину. Главное впечатление от чтения книги Валентина Сидорова: написанная с такой любовью об Индии и с таким проникновением в душу Индии, она, несомненно, будет служить делу сближения между нашими народами.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
вице-президент Общества советско-индийской дружбы,
лауреат премии им. Джавахарлала Неру

Для многих людей планеты — для меня тоже — Гималаи не просто географический термин. Это — слово-пароль, слово-символ. Это, может быть, ключ к расшифровке тех загадок, которые издавна мучат наше воображение.

Древние легенды размещали в недоступной высоте гималайских хребтов Шамбалу — страну духовных подвижников и Учителей человечества; современные экспедиции романтиков от науки с риском для жизни ищут на крутых горных перевалах следы снежного человека, а также места стоянки неопознанных летающих объектов. Непроходимые пропасти и снежные лавины перекрывают пути к священным пещерам. Густая мгла и туманы скрывают от нашего взора остроконечные скалы, на которых то ли природой, то ли людьми высечены строгие мудрые лики. Горам вообще сопутствует тайна. Что же касается Гималаев, то в книгах, посвященных Востоку, нередко можно встретиться с мыслью (иногда она высказана прямо, иногда угадывается в подтексте): здесь самая главная тайна. Для авторов этих книг вершина мира как бы трансформируется в вершину человеческого духа.

Давным-давно кто-то высказал обнадеживающее предположение: мы все с Гималаев. Догадка имеет шансы оказаться пророческой. Существует гипотеза, которая утверждает, что наши предки спустились с Гималайских гор. Двигаясь с востока на запад, в районе Алтая, они разделились на две ветви: одна устремилась в Европу, другая — в Иран. Так образовалось, если верить этой гипотезе, нынешнее человечество. И кто знает, может быть, в сокровенных глубинах души никогда и не умирало воспоминание о наших истоках, о нашей далекой прародине? Может быть, именно этим и объясняется устремление к Гималаям, интуитивно-властное тяготение к высочайшим вершинам планеты, откуда мы все пришли и расселились по лицу земли?

Думаю, все, кому посчастливилось бывать в Гималаях, согласятся со мной: перехвалить этот край невозможно. Описывать космическую красоту гималайских пейзажей не берусь. Делать это после Рериха (имею в виду не только картины, но и его дневники) — все равно что писать музыку для органа после Баха.

О гималайском климате можете судить по такому факту: в долине Кулу в целости и сохранности стоят деревянные здания шестнадцатого века (в одном из них я провел ночь). Выглядят они так, будто лишь вчера пригоняли бревнышко к бревнышку. Да что шестнадцатый век! По здешним глобальным временным масштабам это почти что современность. В Наггаре мне показывали дома одиннадцатого столетия, и я трогал руками их почерневшие и обомшелые стены. Правда, кедр, кото- ... образом употребляется здесь для постройки, дерево весь- ... работе времени. Но

объяснить столь поразительную живучесть старинных строений одними лишь замечательными свойствами кедра, конечно, нельзя.

О гималайском воздухе я уж не говорю. Это действительно нечто особенное. Насыщенный хвойной праной [1] и очищенный сразу и электрическими разрядами высот, и дыханием вечных снегов, он кажется неким целебным напитком. И не вдыхать его надо, а пить глотками, соблюдая, разумеется, поначалу осторожность, чтобы не вызвать с непривычки головную боль.

Гималайские дороги, узкие, извилистые, стремительно несущиеся над пропастью, все время таят неожиданности. Сквозь заросли диковинных растений, о названии которых осведомляешься у попутчиков, вдруг открывается картина, столь привычная для нашего взгляда: поляна, сплошь заросшая белыми цветами с золотисто-рыжими крапинками. Тысячелистник. Чем ближе к небу, тем резче контрасты. Рядом с магнолией, источающей дурманящий запах, спокойно растет белоствольная, типично воронежская березка. Островок чернолесья дышит в лицо сыростью и грибным ароматом. Поневоле понимаешь путешественника, который, очутившись в сердце гималайских гор, с неподдельным восхищением воскликнул:

— Здесь есть все, что есть на земном шаре, и даже больше!

Первое впечатление от Гималаев незабываемо. Выехав ранним утром из Дели, мы мчались сквозь грохот и пыль по шумной автостраде, ведущей на север. «Волга» — машина, конечно, хорошая, но не приспособленная к местным условиям: кондиционер в ней не предусмотрен. Летнее солнце, очень скоро настигшее нас, раскалило ее добела, как консервную банку. Мы задыхались от жары и духоты. Разговоры, такие оживленные вначале, умолкли. И вот, когда солнце было в самом зените, мы незаметно пересекли границу, отделяющую жару от прохлады, и очутились в царстве гигантских кедров и голубых сосен. Неправдоподобная тишина обрушилась на нас. Казалось, некто властной рукою отключил все грохоты, шумы и крики. Случилось это столь неожиданно, что мы попросили шофера остановиться: хотелось освоиться с новой обстановкой. Каюсь, я даже впал в сонное оцепенение, и странное ощущение возникло у меня: мир, оставшийся за некой незримой чертой, с его суетой, треволнениями, гвалтом, нереален, а единственно реально вот это: кедры, сосны, безмолвие. Переживание повторилось на обратном пути, когда так же стремительно мы преодолели рубеж между Гималаями и равнинной местностью. Но теперь ощущение стало иным: единственно реален вот этот мир, нахлынувший на меня дорожной сутолокой, сигналами машин, голосами прохожих, а то, что осталось позади — горы, снега, безмолвие,— нереально, выдумка, сон.

Индия немыслима без Гималаев. Давно и справедливо отмечено, что она повсюду «кульминировалась в народных воображениях... сокровенно таинственными снеговыми великанами». Легко понять, почему в Индии эти горы считают священными. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, несет свои воды воистину животворящая артерия всей страны — Ганг. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, в часы нестерпимого зноя, выжигающего все живое на коричневой и бурой земле, доносится освежающее дыхание ветра, предвещающего долгожданный дождь. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, сейчас, как и в древности, спускаются в долину люди, которые провели в углубленной внутренней работе, в уединении, в пугающем безмолвии гор и снегов годы, а то и десятилетия. Это — духовные наставники индийцев, Махатмы.

Почитание Гуру — Учителя у местного населения в крови. В атмосфере этого почитания здесь растят детей. Поэтому неудивительно, что Махатмы сразу же обрастают густой толпой учеников. В наши дни в этой толпе можно обнаружить европейцев и американцев, пересекших моря и континенты в надежде получить ответы на мучающие их воп-

[1] **Прана** — изначальная всепроникающая энергия.

росы, в надежде услышать наконец-то голос живой истины. Гуру в набедренных повязках по произвольно выбранному маршруту кочуют из селения в селение, из города в город, движимые бескорыстным чувством передать людям малую толику того знания, которое им открылось во время медитаций. Иногда их можно видеть под деревом в классической позе лотоса. Тогда они похожи на ожившие древние статуи.

Но было бы заблуждением думать, что Махатмы отрешены от жизни, что они соприкасаются с современностью лишь символически. Мне рассказывали, что Гуру новой формации патронируют музыкальные школы и литературные академии. Разумеется, они не занимают официальных постов, не имеют никаких регалий. Это для них исключено. Их влияние — это влияние морального авторитета людей, которым ничего не нужно лично для себя. Кстати, слово «авторитет» в применении к Махатмам, пожалуй, неуместно, потому что они против всякого давления на человека извне. Во всех случаях жизни они предпочитают действовать не проповедью (вернее, не только проповедью), но живым примером.

О Махатмах существует обширная литература. В ней, как это часто бывает, выдумка перемежается достоверными сведениями. Индусы полагают, что не все Гуру спускаются с гор. Они верят, что главные Махатмы пребывают в недоступных для простого смертного местах, в полной неподвижности, воздействуя на мир энергией своих мыслей. Мы не знаем подлинной мощи целеустремленной и одухотворенной мысли, говорят индийцы, иначе бы мы поняли, что это самая активная форма участия в жизни.

Одна из примечательных особенностей нашего времени: живя на стыке науки и мифа, мы научились бороться с предубеждением. Сквозь фантастическую оболочку легенд, сквозь наслоения столетий мы понемногу начинаем различать светящееся зернышко истины.

Напомню о картине Николая Рериха «На вершинах». На ледяной площадке высокой горы сидит голый человек в состоянии «самадхи», то есть полной отрешенности от себя и окружающего мира. Чувствуется, что ветры и морозы не причиняют ему ни малейшего беспокойства. Более того: его тело багрово-красное, словно он только что вышел из бани; даже снег под ним слегка подтаял. Я полагал, что это плод творческого воображения художника. Оказывается, написано с натуры.

Таких примеров демонстрации фантастической мощи, скрытой в человеческом организме — в наши дни они становятся подчас предметом научного наблюдения и эксперимента,— известно немало. Никакого противоречия с законами природы (лишь малую часть которых на сегодняшний день нам удалось постичь) здесь, конечно, нет. Если беспределен Макрокосмос, то и Микрокосмос, каковым является человек, тоже беспределен, а значит, и возможности человека практически ничем не ограничены.

Внутреннюю силу, находящуюся в нас в связанном состоянии, в разные времена называли по-разному. В древнеиндийских рукописях она фигурировала под именем «Кундалини», в современных источниках ее окрестили «психической энергией». Но как бы ее ни называли, есть основания думать: это — энергия космического характера и масштаба, и она убедительнейшим образом доказывает беспредельность и неисчерпаемость феномена, имя которому — человек.

Научное исследование этой свернувшейся в клубок космической силы («Змей-Кундалини»), по существу, только-только начинается. Здесь приходится идти на ощупь, по большей части без ясно различимых и привычных ориентиров. Поэтому упреки в адрес науки — дескать, слишком уж медлительна и осторожна — неосновательны. Здесь, может быть, как нигде, следует действовать с оглядкой: ведь тайник энергии при неумелом обращении может взорвать не только тебя, но и нанести вред окружающим. Чтобы этого не случилось, одного знания мало. Нужно нечто другое, не менее важное, чем внешнее знание предмета: внутрен-

няя чистота. Научная проблема оборачивается таким образом сугубо нравственной: слишком велика в данном случае мера ответственности. И становится понятным, сколь справедливы слова, сказанные задолго до устрашающего развития науки и технических новшеств: тот, кто не поинтересовался развитием в себе духовных сил, не может быть тружеником истинной науки.

На Востоке, где с древнейших времен воспитанию внутреннего человека придается исключительное значение, существует такое понятие: Культура сердца. Если хотите, это краеугольный камень всей духовной этики. Чтобы привести человека к гармонии, внутренней и внешней, которая, собственно, и является целью наших усилий, одной лишь культуры ума, знаний, добываемых извне, недостаточно. Нужна еще и иная сила, иная культура — Культура сердца.

Культура сердца — это путь индивидуальной неповторимости человека. Напрасно ум, как нехое животное (по выражению, заимствованному из индийской рукописи), подбирает опыт чужих достижений: здесь ничто внешнее не может помочь. Чтобы завоевать ничтожное звено в Культуре сердца, надо сбросить огромную цепь предрассудков и суеверий. А чтобы выбросить в мир одну истину любви, индийцы, исповедующие теорию перевоплощения, считают, что надо прожить несколько жизней.

Культура сердца не отрицает культуру ума. Она лишь указывает на ограниченность головной работы, лишенной сердечных порывов. Жить от ума нельзя. Творчество, в какой бы форме оно ни выявлялось, есть гармония сердца и мысли. Вот почему восточная мудрость так настоятельно призывает: «Раскрепостите в себе сегодня ум от его постоянной жажды прочесть все новое и новое слово Истины. Усвойте, что только те кусочки Истины могут стать Действием в жизни человека, которые он вскрыл в себе, омыв их своими трудами на общее благо, закрепил их полной верностью своего благоговения и преклонения перед ужасом и величием путей человеческих. И сколько бы он ни читал духовных источников, если сам живет в постоянных компромиссах,— ни крупицы Истины не введет в свое единение с людьми».

Атмосферу, создаваемую Культурой сердца, пожалуй, нигде так не почувствуешь, как в Индии. У Николая Константиновича Рериха есть наблюдение, в правоте которого впоследствии я убедился сам:

«Кто побывал в Индии не туристом, не прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравняются с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любою поверхностью сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество».

Мое путешествие в Индию началось задолго до того, как я ступил на трап самолета, совершавшего свой рейс по маршруту Москва — Дели. Приходится возвращаться на годы и даже десятилетия назад, чтобы вновь пережить момент, когда передо мной впервые обозначились Гималайские горы. В памяти воскресает апрель 1958 года. Кузнецкий

мост, залитый ярким весенним солнцем. Хвост очереди на выставку Николая Рериха.

В то время — очевидно, как и многие — я и не подозревал о существовании русского художника, кончившего свои дни в Индии. Лишь спустя много лет я прочту, восхищаясь точностью формулировок, книгу-эссе Всеволода Никаноровича Иванова.

«Рерих! Это имя человека, которого просто называют и имя которого звучит, как необъятный комплекс идей и образов. Стоит только назвать его, и все знают:

— А! Рерих!

Такое пожалование именем есть высочайшая награда своего народа, который так жалует своего великого знатного мастера. Оно означает, что искусство такого мастера перестает быть личным искусством живописца, выражением высокого уменья. Имя становится жизнью. Имя становится обозначением целого мира».

К сожалению, тогда лишь единицы могли разделять пафос этих слов. Пик Рериха был скрыт от нас туманом легенд, непонимания, кривотолков. Нужны были долгие годы работы, чтобы рассеять туман, чтобы в истинном величии предстал перед нами лик русского творца и мыслителя, которого в Индии звали Гуру-Дэвом[1], лик Мастера, энциклопедически совместившего в себе самые разнообразные дарования: художника и философа, писателя и ученого, путешественника и общественного деятеля. Переступая порог выставочного зала, я, естественно, и не ведал, что мне в числе других предстояло заняться этой работой.

Признаюсь: я шел на выставку с некоторым недоверием, ибо в ту пору, следуя моде, считал себя почитателем Пикассо и Шагала. Восток, которым занимался Рерих, меня не интересовал совершенно. И вот — полотна неизвестного мне живописца. Их было много. Стремясь, очевидно, как можно шире представить творчество художника, их густо развесили на стенах. Небывалая цветовая гамма ударила мне в лицо. В первое мгновение хотелось даже закрыть глаза. Ничего подобного этому я не видел. Я не мог бы выделить отдельного сюжета или пейзажа, все для меня слилось в единое звучащее целое. Потом, оправившись от первого потрясения, помню, я долго стоял у картины, излучающей синий спокойный свет: «Огни на Ганге». Я чувствовал, как отдыхаю душой, каким умиротворением веет от таинственного вечернего сумрака, от фигуры женщины, пускающей вниз по течению реки яркие лепестки огня. Возвращаясь к тогдашнему ощущению, могу сказать: произошло нечто, похожее на замыкание тока. Как будто молния ударила в меня и сожгла что-то во мне навсегда. Но, конечно, осознать, а тем более четко сформулировать все это для себя тогда я не мог.

Восточная мудрость, на которую я буду постоянно ссылаться в книге, ибо сам замысел книги возник под ее импульсом, утверждает: «Все истинные изменения в людях происходят всегда мгновенно. Мгновенно именно потому, что раскрывается новый аспект любви в сердце, скорее сверкнувшей молнии. Если люди неустойчивы, их внутреннее преображение, совершающееся в одну минуту, сопровождается таким длительным и нудным периодом умирания старой личности, что они смешивают этот период муки с блаженным мигом счастья самого их преображения».

Справедливость этих слов я мог бы подтвердить собственным примером, потому что «нудный период умирания старой личности» у меня действительно растянулся на годы. Правда, воспоминание о Рерихе жило теперь во мне постоянно, но Гималайские горы на долгое-долгое время удалились, или, вернее, ушли в тайники подсознания.

Выплыли они оттуда и снова приблизились ко мне спустя двенадцать лет, когда я писал стихи «Голубые холмы Индостана». Для меня самого эти стихи — доказательство интуитивности творческого процесса, его

---

[1] Гуру-Дэв — божественный Учитель.

непредсказуемости. Отлично помню, что мысли мои были далеки от Индии. Толчком к стихам послужил совсем пустяковый повод. Перелистывая том Большой советской энциклопедии, я наткнулся на объяснение, что «Гималаи» в переводе на русский язык означают «Обитель вечных снегов». Казалось, что тут особенного: обитель вечных снегов. Но сознание почему-то замкнулось на этой фразе. Как-будто что-то щелкнуло внутри, и передо мной возникло совершенно отчетливое видение: снежные горы, луна. Первая строфа родилась непроизвольно, прямо-таки выдохнулась: «Гаснет отзвуки лунного эха Гималаев пылающий снег. Над обителью вечного снега Вечность свой замедляет разбег».

Со стихами связана забавная история. Рецензируя мою книгу, критик выделил «Голубые холмы Индостана», отметив при этом, что в них хорошо отразились непосредственные впечатления от Индии. Статья, может быть, и льстила авторскому самолюбию, но положение дел в ту пору все же обстояло иначе: до «непосредственных впечатлений» было еще далеко. От Гималаев меня отделял четырехлетний промежуток.

Но именно после индийского цикла, образовавшегося так стихийно, стали как бы сами собой притягиваться в мой дом труды Рериха, его книги. В монографии Сергея Эрнста я обнаружил стихи художника, поразившие меня чрезвычайно: о Рерихе-поэте я не имел ни малейшего понятия. Помню свое переживание: какой-то клубок подкатился к горлу, когда я читал вслух строки, звучащие столь таинственно и торжественно: «Встань, друг. Получена весть. Окончен твой отдых».

Открытие великого духовного континента Индии, который лишь в силу моего предубеждения и нелюбознательности оставался для меня заповедным, было в то же время открытием заново самого себя. То ли материалы пришли кстати, то ли потому, что я воспринимал их сугубо лично, они решительным образом повлияли на весь ритм моей жизни. Даже режим дня изменился: из «совы» я превратился в «жаворонка», то есть оставил утомительные бдения по ночам и целиком переключился на утреннюю работу. Слова, сказанные по тому или иному конкретному поводу, адресованные определенному лицу, мне по большей части казались обращенными именно ко мне — и ни к кому другому. А суждения о сокровенной сути творческого процесса — естественно, я их изучал с особым вниманием — четко согласовывались с моими собственными наблюдениями. «Люди одаренные вовсе не нервно больные, а наоборот, они только тогда могут творить и становятся истинно ценными для своей современности, когда найдут в себе столько мужества и верности своему любимому искусству, что забывают о себе, о своих нервах и личном тщеславии и в полном спокойствии и самообладании несут свой талант окружающим людям. Неорганизованное неустойчивое существо не может носить в себе истинного таланта. Или же оно должно рано умереть, так как гений разорит всякого, кто не может добиться полного самообладания и стать достойным — в гармонии — своего дара».

Чуть ли не сразу я выявил для себя удивительное свойство индийских текстов, позже я понял, что это признак подлинной мудрости: в них я все время узнавал свои мысли. Иногда я даже вздрагивал от неожиданности, настолько казалось, что это — мое, давным-давно уже внутренне продуманное. Просто было недосуг и лень (скорее всего, лень) зафиксировать мысль на бумаге.

Я жил в атмосфере, как бы наэлектризованной Индией и Гималаями, и естественно, что к этому источнику произвольно и непроизвольно подключалось мое творчество. Иногда индийская традиция настолько определяла настрой и содержание моих вещей, что я сопровождал их специальными предисловиями.

Но, конечно, больше всего поразила мое воображение созвучность мыслей духовных Учителей Индии с современностью, перестраивающей на новых основах свое бытие. Тут, разумеется, играло роль и то обстоятельство, что высказывания не были отделены от нас темным и холодным прогалом времени, в текстах при всей специфичности слога отчет-

ливо угадывались реалии нашего века. Я тщательно собирал эти мысли и афоризмы, выписывал и систематизировал их. Выстраивая в определенном порядке, объединяя той или иной темой, я обнаружил, что они превращаются в своеобразные письма-послания, которые можно не только читать самому, но и давать читать другим. Для себя я назвал их «Наукой радости». Такое определение, на мой взгляд, наилучшим образом выявляет существо дела. Впрочем, судите сами по этим выпискам.

«Помни, что радость — непобедимая сила, тогда как уныние и отрицание погубят все, за что бы ты ни взялся. Знание растет не от твоих побед над другими, побед, тебя возвышающих. Но от мудрости, спокойствия и радостности, которые ты добыл в себе тогда, когда этого никто не видал. Побеждай любя — и ты победишь все. Ищи радостно — и все ответит тебе.

Жизнь, вся жизнь Вселенной, всегда утверждение. Строить можно, только утверждая. Кто же не может научиться в своей жизни простого дня, в своих обстоятельствах радости утверждения, тот не может стать светом на пути для других.

Чем больше в человеке инстинктов самости, т. е. чем сильнее он сосредоточивает мысль на своем «я», тем больше и глубже его сомнения, тем чаще катятся слезы из его глаз, тем яростнее его борьба со своею плотью, со своими страстями, со своими буйными, жаждущими, не знающими покоя мыслями.

В борьбе с самим собою еще никто и никогда не обретал спасения. Ибо идут вперед только утверждая, но не отрицая. Не борьба со страстями должна занимать внимание человека, а радость любви к Жизни, благословение Ее во всех формах, стадиях и этапах бытия.

Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новых и новых источников откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, произносимые в мире собственного сердца, достигают большей цели, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

Человек должен жить так, чтобы от него лились эманации мира и отдыха каждому, кто его встречает. Вовсе не задача простого человека стать или пыжиться стать святым. Но задача — непременная, обязательная задача каждого человека — прожить свое простое, будничное сегодня так, чтобы внести в свое и чужое существование каплю мира и радости.

Прост ваш день труда. Обласкайте каждого, кто войдет к вам. Если к вам пришел одинокий, отдайте ему всю любовь сердца, чтобы уходя он понял, что у него есть друг. Если придет скорбный, осветите ему жизнь вашей радостью. Если придет слабый, помогите ему знанием того нового смысла жизни, который вам открылся. И жизнь ваша станет благословением для людей.

Ни в какие мрачные или трагические моменты жизни нельзя забывать самого главного: радости, что вы еще живы, что вы можете кому-то помочь, через свое тело пронеся человеку атмосферу мира и защиты.

Не допускай никогда унылого чувства «недосягаемости» перед чужим величием духа. Всегда благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему было легче достигать еще больших вершин. Проще, легче, веселее — эти слова — целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радостности.

Не набирай на свои плечи долгов и обязанностей, которые на тебя никто не взваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещай себе принять до конца все, что в нем к тебе придет. Творчество сердца человека — в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства своего дня как неизбежные, единственно свои и их очистить любовью, милосердием, пощадой. Но это не значит согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда удается их побеждать. Но внутренне их надо победить любя.

Старайся переносить свои отношения с людьми из мусора мелкого и условного в огонь вечного. Ломай вырастающие перегородки условного между тобой и людьми. И ищи всех возможностей войти в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как тебе разбить препятствия предрассудков, нелепо встающих между людьми, открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях встречи с абсолютно злыми людьми останутся без победы твоей любви.

Братья и друзья! Не то считайте милосердием, что даете сами или дается вам как долг, обязанность, тяжелая ноша. Ибо то еще стадия предрассудочная.

Но то считайте милосердием, что даете в радости, в сияющем счастье жить и любить.

Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, и иначе не может.

И любовь сердца такого человека не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условную, но сама чистая красота, несущая всему мир и успокоение.

Радостью ткется светящаяся материя духа, радостью вводится человек в единение с людьми, а следовательно, и во всей Вселенной[1]».

---

[1] Лишь одну разновидность радости Учителя Индии отвергают решительно, считая ее камнем на пути духовного совершенствования,— «радость о падении ближнего своего». Они справедливо полагают, что чувства зависти, ревности, а также рудиментарной первобытной радости «о падении ближнего своего» базируются на двух главных наших предрассудках: на предрассудке превосходства над другими («не существующем нигде, кроме собственного воображения»,— добавляют учителя Индии) и предрассудке разъединения с другими (существующем тоже лишь в нашем воображении).

Оглядываясь назад, я вижу, что мое активное вживание в индийский материал было внутренней подготовкой к поездке, которая в противном случае грозила бы превратиться в обычное туристское мероприятие. Хочу предупредить читателя: в повествование все время будут вторгаться «письма-послания», содержащие мысли, афоризмы, призывы духовных водителей Индии, тех самых, общение с которыми определило возвышенно-радостный настрой жизни и творчества Рериха.

Может быть, с точки зрения читателя, их окажется слишком много, может быть, они даже составят своего рода книгу в книге. Но без этого — чувствую — нельзя. Ведь в них кульминируется та Культура сердца, без которой невозможно понять особенности психического склада народа Индии.

Я вылетал из Москвы 24 мая. Как известно, семьдесят четвертый год был годом юбилея Рериха. 9 октября исполнялось сто лет со дня его рождения.

К тому времени я оказался прочно вовлеченным в магнитную орбиту Рериха. Таких, как я, в шутку называли «рерихнувшимися». Никогда не чувствовал в себе задатков исследователя, но тут как-то само собой получилось, что я занялся — всерьез и надолго — изучением литературного наследия художника. Постепенно мне становилась ясной принципиальная значимость стихов Рериха для нашей поэзии: в них впервые в нашей художественной практике сливались в единое целое две великие духовные традиции — русская и индийская. В редакциях журналов и газет стихи Рериха встречали хороший прием, и начиная с семьдесят второго года они стали появляться в периодике. Но самое главное — готовилась к изданию книга стихов Рериха. Я написал к ней предисловие, где высказал свою точку зрения на его стихи, а также расшифровал некоторые символы (тогда еще нуждавшиеся в пояснении). Название книги — «Письмена» — я заимствовал у Горького, который именно этим словом определял, а тем самым высвечивал монументальность мысли Рериха, возвышенно-пророческий настрой его поэтических медитаций. К моменту отъезда сигнальный экземпляр сборника был у меня в руках. Я вез его в подарок сыну художника, живущему в Индии,— Святославу Николаевичу Рериху.

Ныне единственный представитель на редкость талантливой семьи Рерихов, он стал продолжателем своего отца на путях творческих. Картины Рериха-младшего запомнились еще по московской выставке шестидесятого года. В них как бы сфокусировалась Индия в ее многообразии и неповторимости: одухотворенные лица людей, многоцветье ярких тропических красок, светоносная мощь горных хребтов и неба. Особое впечатление оставляли портреты Джавахарлала Неру («пандита[1] Неру»), которые художник писал при его жизни, находясь рядом с ним.

Можно сказать, что мой путь в Индию лежал через Рериха. Моя поездка была связана с организацией его юбилея. Я должен был встретиться со Святославом Рерихом, чтобы договориться о его персональной выставке, приуроченной к дням юбилея (она проходила впоследствии в залах Третьяковской галереи). Нужно было также условиться с ним о приезде нашей киногруппы, снимавшей документальный фильм «Николай Рерих». Они надеялись на его помощь. И наконец, редакция журнала «Огонек» (она-то и командировала меня на две недели в Индию) рассчитывала на новые материалы о Рерихе, в особенности об «индийском» периоде его жизни, о его контактах с Рабиндранатом Таго-

[1] Пандит — ученый-брахман. Эта приставка к имени обозначает также особо уважительное отношение к человеку.

ром, о его встречах — в майские дни сорок второго года — с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди.

Трудность моей задачи состояла вот в чем. Я никого не знал в Индии. Я не был знаком — даже заочно — со Святославом Рерихом. Я мог лишь надеяться на то, что ему хотя бы известно мое имя: обо мне упоминал в своих письмах таллинский биограф Рериха, издавший о нем книгу в серии «Жизнь замечательных людей», Павел Федорович Беликов. И потом, прежде чем встретиться со Святославом Рерихом, поначалу следовало его разыскать, что, как мне объяснили, без предварительной договоренности может оказаться делом чрезвычайно сложным. Если он будет у себя в Бангалоре, то связаться с ним не составит труда. Но он может быть в отъезде, и тогда его надо искать по всей Индии. Наконец, он может быть в Гималаях, в доме, оставшемся ему от отца: туда он имеет обыкновение выезжать поздней весной или в начале лета. А чтобы добраться туда по трудным и опасным горным дорогам, нужна машина, нужен хороший опытный шофер. А где и как все это достанешь?

К тому же меня весьма беспокоила проблема языка. Я ехал один, без переводчика. И хотя когда-то в университете я изучал английский язык, приводя в ужас своим произношением преподавателей, к моменту отъезда все эти уроки, разумеется, начисто выветрились из моей памяти.

В нашем посольстве и делийском отделении общества советско-индийской дружбы были осведомлены о моем приезде, но, судя по всему, в Индии я мог рассчитывать лишь на собственную инициативу и... везение.

«Без машины, без переводчика — вот и просидишь в Дели всю командировку»,— предрекали мне мои друзья-скептики.

Несколько поднялa мой дух Людмила Васильевна Шапошникова, волевая, энергичная женщина, счастливо соединяющая в себе ученого и журналиста. Я познакомился с ней накануне отъезда. До этого я знал ее по книге «Дни и годы Мадраса», где непосредственные впечатления автора и исторический материал, собранный ею, складывались в увлекательный рассказ об Индии. Она мне сообщила, что в Индии вот уже без малого год живет ее подруга — Нина Степановна Карпова. Индолог по специальности, она преподает в местном университете и работает над докторской диссертацией о Калидасе[1]. К ней-то она и посоветовала обратиться за помощью. «Она в Агре, но это не так далеко от Дели: сто — сто двадцать миль».

Правда, рекомендация тут же обросла всякими «если». Если разыщете, если не будет занята, если сумеете заинтересовать, если согласится. Но все же это было «что-то». Людмила Васильевна написала письмо и, вручая его мне, добавила с многозначительным выражением в голосе:

«Было бы замечательно, если б удалось уговорить. Хинди она знает как родной. Ходит в сари. Дружна с самыми разнообразными людьми. Она знакома даже с каким-то гималайским Гуру. Он помогает ей готовить докторскую диссертацию».

Далек мой Гуру от меня, и все же
Как близок Он, когда к Нему стремлюсь.

Хочу унять взъерошенные мысли,
Потом предстать перед Твоим лицом.

Одна волна окатывает нас,
Одно мгновенье длится это чудо.

[1] Калидаса (V век н. э.) — великий поэт и драматург древней Индии.

О, сколько было надобно пройти,
Чтоб заработать этот зыбкий миг
Соединенья нашего и встречи.

Усильем духа вновь соединен
С Твоим безмолвьем и Твоим простором.

Учитель мой! Безмолвие Твое
Врачует, охраняет, направляет.

Но даже если слов не разберу,
Мысль о Тебе спасительна, Учитель.

Понятие учителя (в том числе Учителя с большой буквы) общеизвестно. Но, пожалуй, лишь в Индии в него вкладывают столь трепетный и возвышенный смысл. О понятии «Гуру-Махатмы-Учителя» следует сказать особо. Думается, что настает время, когда, исходя из собственных указаний тех же Учителей, его надо очищать от всяких чужеродных примесей и фантастических измышлений.

Первое — и, пожалуй, самое главное — это понятие более объемно, чем мы порою себе представляем. В нем могут быть воплощены как сугубо объективные факторы, так и сугубо субъективные. Конечно, Гуру может быть конкретным лицом, носящим определенное имя, и, как в старину говорилось, прилепившись к нему всеми помыслами, ты идешь по ступеням внутреннего роста, непосредственно руководимый им. Но дело может обстоять и по-другому. В предисловии к циклу стихов «Беседы с Учителем» я говорил, а ныне могу повторить, что в индийской традиции слово Учитель с большой буквы нередко обозначает твое же внутреннее «я», в котором сконцентрированы твои лучшие чувства и помыслы. Как бы отделившись от тебя, это внутреннее «я» живет самостоятельной жизнью, обращается к тебе, наставляет тебя, устремляет ввысь. Это, разумеется, не раздвоение сознания, а устремленное напряжение духа.

И та и другая трактовка понятия, очевидно, одинаково правомерна: объективное и субъективное не находятся здесь в противоположении. Наоборот. Они в тесной и неразрывной взаимосвязи. Ведь Гуру, работая с учеником, обращается к его так называемому высшему «я». Но, с другой стороны, и твоя индивидуальная внутренняя работа, если она вершится в чистоте и бескорыстии, развивая твои лучшие чувства и мысли, по закону взаимного духовного тяготения может привести и обязательно приводит к тому, кого именуют Гуру-Махатмой-Учителем.

Второе. Понятие Учителя настолько широко, что оно включает в себя буквально всю нашу жизнь, требуя пристального внимания и бдительности ко всем явлениям жизни, даже самым незначительным. Зов, пробуждающий дух человека, может прийти отовсюду. («Надо — и муравей гонцом будет».) Поэтому в Индии так популярна поговорка: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе Учитель». Известен другой, более максималистский вариант поговорки: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель». Каждый человек, а значит, и каждая встреча, а значит, и каждое явление жизни. Все зависит лишь от того, насколько ты внимателен, насколько развил в себе дар распознавания. Сказанное может быть подытожено краткой формулировкой, которую я приводил уже раньше в своей книге «На вершинах»: «Все, что зовет вверх, и есть Учитель!»

Третье. Понятие «Учитель», в принципе, носит безличный характер. Во всяком случае, здесь четко выражено устремление к безличному началу. Разумеется, далеко не все Гуру безымянны. Институт Махатм настолько прочно врос даже в социальную почву Индии, что здесь, конечно, хорошо известны имена Учителей как прошлого, так и настоящего. Мы знаем, какой любовью окружено имя Махатмы Ганди. Мы

знаем также, что в письме духовных Учителей Востока, которое Рерихи привезли в двадцать шестом году в Москву для передачи советскому правительству, Махатмой называют Ленина («брат наш, Махатма Ленин»).

И в то же время мы знаем, что многие Учителя Востока и Индии предпочитают выступать под обобщенным именем Махатмы. Твердое, неизменное желание оградить себя от известности, а тем более от широкой популярности — характерная черта всех духовно просветленных существ. В книге «Община», изданной Рерихами в двадцать седьмом году в Улан-Баторе и представляющей собой листы бесед с высоким общинником Востока (то есть лицом, не желающим рекламировать свое имя), говорится: «Для одного мы Махатмы, для другого ученые, для третьего повстанцы, для четвертого комитет революционеров». Нетрудно заметить, что в подтексте звучит все та же мысль о «муравье». Неважно, какой «муравей» принес весть, важно, чтобы она пришла вовремя и чтобы она была правильно воспринята.

Нас, воспитанных в атмосфере иной психологии, подчас озадачивает это настойчивое внутренне убежденное стремление быть безвестным. Оно кажется нам таинственным, странным. А ничего странного нет. Во-первых, в нем, в этом стремлении, запечатлен дух подлинного бескорыстия, которое для многих из нас остается недосягаемым идеалом. Во-вторых, оно проистекает из представления о безымянности истинного творчества.

Понимание анонимности творчества отнюдь не парадоксально, как может показаться с первого взгляда. Оно развито не только на Востоке, но, если пристальней вглядеться в историю нашей культуры, у нас тоже. Безымянны авторы нашего фольклора, неизвестны по большей части имена мастеров древнерусской живописи; не случайно, быть может, не дошло до нас имя автора «Слова о полку Игореве».

В наше время на безличном, а вернее, надличном характере искусства настаивает Рерих. Неоднократно он повторяет мысль об условности авторского имени (не делая исключения и для себя). Ведь каждое произведение искусства (независимо даже от самого создателя) столько вбирает в себя отовсюду, что по справедливости должно считаться плодом коллективного труда. Усвоение этой столь очевидной вещи, по мнению Рериха, необычайно способствовало бы расширению сознания творца. Поэтому он призывает: «Подумайте об анонимности творчества. В нем еще одна ступень в возвеличении духа, за случайными пределами дней в нем еще шаг ускорения прогресса человечества».

Условность авторского имени я мог бы, в частности, продемонстрировать и на примере данной книги. Разумеется, в ней есть то, что принадлежит мне непосредственно: путешествие, которое я пытаюсь описать с документальной точностью, впечатления от встреч с людьми и одухотворенной мыслью Индии. Но я прекрасно отдаю себе отчет в том, что самое главное, определившее весь замысел книги — а именно, одухотворенная мысль Индии,— естественно, мне не принадлежит. Она — результат коллективного творчества Махатм, Учителей. Я также отдаю себе отчет в том, что не мог бы возникнуть замысел и без Конкордии Евгеньевны Антаровой, памяти которой и посвящена эта книга. Выдающаяся певица своего времени (она считалась лучшей исполнительницей партии графини в «Пиковой даме»), одна из близких и преданных учениц Константина Сергеевича Станиславского, она старалась воплотить принципы своего Учителя не только на сцене, но и в жизни. Конкордия Евгеньевна глубоко интересовалась восточной философией, основательно знала древние источники, и через нее у меня началось знакомство с духовной культурой Индии.

Впрочем, каждый пишущий знает, как трудно отделить свое от чужого, заимствованное от оригинального. Современный индийский философ Кришнамурти, отличающийся беспощадной точностью психологи-

анализа, отказывается однозначно определить импульс, вызвавший к жизни то или иное произведение (что это: то ли внешнее воздействие, то ли собственные эмоции, то ли интуиция, то ли все это вместе взятое?). Автор многочисленных статей, книг воспоминаний, стихов, он с обезоруживающей искренностью заявляет: «Мне хотелось бы знать скрытые тонкости этого весьма сложного процесса, который именуется писательским трудом».

Какого б уровня знаний не достигали Махатмы и Учителя в своей непрестанной работе и поиске, они никогда не замыкают на себе устремленную и ищущую мысль человека. В светящейся цепи познания, уходящей ввысь, в бесконечность, они считают себя лишь соединительными звеньями. Вот почему они так непримиримы к суеверным представлениям на свой счет. Вот почему с такой настойчивостью они стараются развеивать легенды о своей исключительности и недосягаемости. Вот почему они не устают повторять: «Не считайте нас существами высшими. В страдании и плаче разворачивалось наше сердце, в тревогах и муке расширялось наше сознание. Когда-то каждый из нас был самым простым, обычным человеком и шел по такому же простому трудовому дню, как идете вы сейчас. Если вы это поймете, если поверите, что все, чего мы достигли, было достигнуто нами только потому, что любовь учила нас самообладанию,— вы найдете тот же путь».

Жадно и суетливо ищущих некоего «откровения», уповающих на встречу с Учителем как на чудо, они честно предупреждают: «Спеша, люди часто слишком многого ждут и от самих себя, и от тех, в ком они ищут себе идеальных руководителей. Не торопитесь». Все фантастические догадки о сверхъестественном разбиваются, как о скалу, об их незыблемое убеждение: в природе нет тайн, а есть только та или иная ступень знания. То, что сегодня кажется недосягаемым, завтра станет доступным, а послезавтра чем-то простым и будничным. Вся обозримая история человечества подтверждает это.

Если Махатмы требуют от своих учеников сдержанности в речи, а то и налагают обет полного молчания («Есть вещи столь великие и священные, что о них не говорят»), то это объясняется не туманно-мистическими, а вполне понятными реальными причинами. В общении с каждым человеком, считают они, должны обязательно учитываться два обстоятельства.

Во-первых, ценность каждого слова. Она так велика, что иногда одно произнесенное не вовремя слово может погубить целый круг людей.

Надо очень думать о каждом слове, которое мы говорим, учат Махатмы. Нет таких слов, которые может безнаказанно выбрасывать в мир человек. Слово — не простое сочетание букв. Оно всегда передает действие силы в человеке. Даже если он не знает ничего о тех силах, что носит в себе, и не думает, какие вулканы страстей и зла можно пробудить неосторожно брошенным словом, даже и тогда нет безнаказанно выброшенных в мир слов. Берегись пересудов не только в словах: даже в мыслях старайся всегда найти оправдание людям и пролить им мир хотя бы на одну ту минуту, когда ты встретил их.

Во-вторых, должна учитываться степень готовности другого человека, в особенности если ты стараешься приобщить его к какому-то новому знанию.

Тайн в мире духовных сил нет, повторяют Махатмы. Есть та или иная ступень знания, то есть та или иная ступень освобождения. Поэтому убеждения людей, их моральные требования, их радостность или уныние в единении друг с другом, доброжелательство или равнодушие и т. д.— все зависит от степени закрепощенности в личных страстях или от их освобожденности.

Субъективизм человека и отрицание им своей современности под тем или иным предлогом всегда служат явным и верным признаком его не-

вежественности. Поэтому думать, что ты можешь кого-либо поднять к более высокому миросозерцанию, если приобщишь его к своей истине, раскрывшейся тебе благодаря твоему собственному труду и любви, составляет такое же заблуждение, как пытаться объяснить немузыкальному человеку прелесть песни.

Отдавая другому самую драгоценную и неоспоримую для себя истину, ты не достигнешь никаких положительных результатов, если друг твой не готов к ее восприятию. А профанировать свою святыню ты всегда рискуешь. И не потому, что человек, которому ты ее открыл, зол или бесчестен. Но только потому, что он еще не готов.

Есть целый ряд знаний, войти в которые может только сам человек. Ввести в них ничья посторонняя мысль не может. Развиваясь, освобожденный человек сам ставит — свои, по-своему — вопросы матери-природе, и она ему отвечает.

Это не значит, что каждый еще ничего не понимающий в пути ученичества человек способен ставить природе те вопросы, до которых он своим умничаньем додумался. Прочел человек десяток-другой умных книжек, побыл членом, секретарем или председателем каких-либо философских или иных обществ, загрузил себя еще бо́льшим числом условных пониманий и решил, что теперь он «готов», что он водитель тех или иных людей, что знания его — вершина мудрости.

Здесь начало всех печальных отклонений. Здесь начало разъединения, упрямства, самомнения, споров о том, кто прав, кто виноват. Вместо доброжелательства друг к другу и мира, что вносят с собою освобожденные, человек, ухвативший мираж знаний, вносит людям раздражение и оставляет их в неудовлетворенности и безрадостности.

Проверь и присмотрись. Тот, кто легче всех прощает людям их греховность, всегда несет людям в каждой встрече доброту, милосердие и мир. В них он каждую встречу начнет, в них ее и кончит. Тот же, кто вошел в дом и принес раздражение, тот всегда неправ, хотя бы свой приход он объяснял самыми важными причинами.

Махатмы с полным основанием полагают, что внешние церемонии и обряды, каким бы ореолом таинственности и торжественности они ни были бы окружены, при отсутствии должной внутренней устремленности не имеют никакого значения для духовного развития человека. Это — предрассудок точно такой же, как и попытка при помощи одних лишь волевых усилий или йогических упражнений раскрыть в себе высшее «я», приблизиться к Гуру. «Путь к Учителю идет только через любовь к людям». Это сформулировано самими Учителями как закон.

К тому, кто встал на путь ученичества, а не разговоров о нем, обращен их призыв: «Рассматривай себя как канал, как соединительное звено между нами, которых ты ставишь так высоко, и людьми, которым сострадаешь. Передавай, разбрасывай полной горстью всем встречным все то, что поймешь от нас и через нас. Все высокое, чего коснешься, неси людям, и выполнишь свою задачу жизни. Но то будет не тяжкий и скучный долг добродетели, а радость и мир твоей собственной звенящей любви. Несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделенного с нами».

Снова радость. Вот главная ось, на которой держится, по существу, духовное делание. Призыв к радости — не дань риторике, как может кое-кому показаться. Он практичен и жизнен прежде всего потому, что учитывает объективные закономерности роста человеческой психики. Что же касается духовных контактов, то суть дела, на мой взгляд, лучше всего проясняют следующие слова:

«Решившись следовать чьим-то указаниям, избрав себе в другом человеке путь, надо быть в гармонии с тем, кого хочешь назвать своим Учителем. Чтобы воспринять указания Учителя и нести их как творящую силу в свой день, надо быть в радости. Только одна радость открывает возможность слиться двум сознаниям, стоящим на разных ступенях

...ния. И чем радостнее и чище низшее сознание ученика, тем легче, проще и дальше оно может влиться в сознание Учителя и тем больше может унести он, радостный, из открывающегося ему высшего сознания».

Старинная восточная поговорка гласит: «Путешествие — это победа над жизнью». Она была исполнена великого смысла, когда путешествие занимало месяцы, а то и годы караванного пути, когда караван, составленный из верблюдов, лошадей, яков, медленно и осторожно двигался от перевала к перевалу, когда незнакомая местность таила неожиданности и опасности: тут тебе и горные обвалы, и песчаные заносы, и снежные вьюги, да и разбойники могли налететь в любую минуту. Требовались воля и мужество незаурядные, ибо на каждом шагу возникали препятствия. Нам нынче трудно представить себе состояние путника, который после таких мытарств и такого напряжения физических и духовных сил — наконец! — достигал намеченной цели. Воистину это было победой над жизнью!

А сейчас? Если и вспоминаешь эту популярную в Азии поговорку, то лишь затем, чтоб придать ей иронический оттенок. Нынешний вариант «хождения за три моря» укладывается в шесть часов воздушной трассы из Москвы в Дели. Что, собственно, «побеждать» во время этого беспосадочного полета, когда сидишь в комфортабельном кресле, обдуваемый легкой струей воздушного вентилятора? Привычку к сигарете, если ты курящий, в момент взлета и посадки? Скуку, которую пытаешься рассеять беседой с попутчиком или ленивым перелистыванием журналов? Собственные мысли, которые изобличают в тебе неустойчивость человека, вырванного из привычной обстановки и оказавшегося между небом и землей? Больше побеждать нечего.

Мы вылетели из Москвы поздним вечером. Легкий ужин. Пассажиры стали готовиться ко сну, откинувшись поудобнее в креслах. Я же читал свои записи и какое-то время боролся со сном. Мне обязательно хотелось увидеть Гималаи, над которыми, как я узнал, мы будем пролетать ранним утром. Но тишина и ровный рокот моторов меня убаюкали. Дрема одолела меня, и Гималаи я проспал.

Проснулся, когда под нами плыли зеленые поля, желтое бугристое плоскогорье. Индия. Утренний кофе прогнал оцепенение, взбодрил.

Самолет пошел на посадку, но оказалось, что это не Дели, а Карачи. В Дели, как потом выяснилось, бушевала песчаная буря. Вот и пришлось, изменив маршрут, приземлиться в Пакистане.

В иллюминатор было видно ровное бетонное поле. У самолета выросли усатые охранники с длинными винтовками за плечами. По радио объявили, что температура воздуха двадцать восемь градусов. Так как меня запугали рассказами об индийской жаре, то я вздохнул с облегчением: такая температура не диковинка и в наших широтах. Но я поторопился радоваться. Когда я вышел на трап самолета, то чуть не задохнулся: было ощущение, что я попал в баню, и не просто в баню, а в парилку — такая здесь стояла духота. Близость моря (Карачи — город портовый) сразу дала себя знать. Воздух был горяч, влажен, да к тому же он был насыщен резким запахом бензина. Мы заторопились — скорей! скорей! — под спасительную крышу аэровокзала: там должен быть кондиционер. Но нам не повезло: кондиционер почему-то забарахлил и вышел из строя. На улице и в зале было одинаково душно.

Словом, два часа вынужденного ожидания в Карачи были хорошей подготовкой к Дели. Когда мы прилетели в Дели, нас встретила сорокаградусная жара. Но воздух сух, ибо климат здесь континентальный. И по сравнению с Карачи это показалось раем.

Кстати, с погодой в Индии мне вообще повезло. Лето в том году было относительно прохладным. Термометр не поднимался выше сорокаградусной отметки, а обычно в это время здесь пятьдесят — пятьдесят два градуса жары.

Выяснилось, что я переношу жару неплохо. А когда я попал в Гималаи, зону умеренного климата, то не только не страдал от жары, но по ночам — теплых вещей я не взял — просто-напросто замерзал. Если бы надо мной не сжалились и не дали женскую шерстяную шаль, в которую я кутался по вечерам, мне бы пришлось плохо.

«Важно отдать твердо самому себе отчет, чего именно ты хочешь. Важно не быть пустым или шатким внутри, когда ты начинаешь свой новый творческий день. Важно, утверждаясь все сильнее в верности тому, что ты избрал себе как жизненный путь, кончать свой день. Кончая его, совершенно четко отдать себе отчет, в чем ты был тверд, в чем отступил от светлой идеи, для которой живешь и трудишься. Важно — жить каждый день, трудясь так легко и честно, как будто это был твой последний день жизни.

Напрасно ждать особых испытаний. В простых серых буднях надо разглядеть главные дела любви, а жить легко свой текущий день — вот самый главный признак ее. В обычном деле обычного дня живущий жизнью любви должен быть звеном духовного единения со всем окружающим.

Ты выбрал тот путь, где героика чувств и мыслей живет не в мечтах и идеалах или фантазиях, а в делах обычного серого дня. Поэтому бдительно постигай любые маленькие факты жизни — те крохотные университеты духа, которых бывают сотни у каждого человека в его простом дне.

Усвой первое правило людей, желающих идти в ногу со своим народом, со своей современностью: н е т д е л м е л к и х. Всякое дело составляет или утверждение Жизни — и тогда оно является сотрудничеством с Нею. Или оно является унылой мыслью о себе, то есть отрицанием, непониманием основного закона существования на земле: все в тебе самом, и все для блага общего, ибо все — любовь. Лишенное этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности.

Привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто окружает тебя.

Нельзя, стремясь к чему-то высшему, путать понятия обывателя с понятиями мудреца. Не тот мудрец и герой, кто сумел совершить однажды великий подвиг. А тот, кто понял, что его собственный трудовой день и есть самое великое, что дала человеку Жизнь.

В жизни каждого человека наступают моменты, когда он начинает по-иному оценивать события жизни. Все мы меняемся, если движемся вперед. Но не самый тот факт важен, что мы меняемся, а к а к *мы входим в изменяющее нас движение Жизни. Если мы в спокойствии и само-*

мы встречаем внешние события, выпадающие нам в дне, мы можем в них подслушать мудрость бьющего для нас часа Жизни. Мы можем увидеть непрестанное движение всей Вселенной, сознать себя ее единицей и понять, как глубоко мы связаны со всем ее движением.

Только не думай, что освобожденный всегда должен быть свободным от внешней суеты, от ее кажущихся пут, от забот быта и его условностей. Лучше всего служит своему народу тот, кто не замечает тягостей суеты, потому что понял основу смысла своей Жизни: нести силу Света именно в эту суету.

В жизни человека не может быть ни мгновения остановки. Человек растет и меняется непрестанно. Все, что носит в себе сознание, меняется, расширяясь. Если же человек не умеет принимать мудро своих меняющихся обстоятельств, не умеет стать их направляющей силой, они его задавят, как мороз давит жизнь грибов, как сушь уничтожает жизнь плесени. И, конечно, тот человек, что не умеет, сам изменяясь, понести легко и просто на своих плечах жизнь новых обстоятельств, будет подобен грибу или плесени, а не блеску закаляющейся и растущей в борьбе творческой мысли.

Нет серого дня, есть сияющий храм, который строит сам человек в своем трудовом дне. Не в далекое небо должен улетать человек, чтобы там глотнуть красоты и отдохнуть от грязи земли. Но на грязную, потную и печальную землю он должен пролить каплю своей доброжелательности. Жизнь человека на земле — это тот кусок Вселенной, что он мог вобрать в себя, в себе творчески обработать, очистить страданьями и вылить обратно во Вселенную, чтобы помочь ей двигаться вперед.

Если люди заняты одним созерцанием, если их сила ума и сердца погружена только в личное искание совершенства, мы знаем, что им закрыт путь вечного движения. Ибо во Вселенной нет возможности жить только личным, не вовлекаясь в жизнь мировую.

Переходы в сознании человека не могут совершаться вверх, если сердце его молчит и он не видит в другом существе то же небо, что открыл в себе.

Расти в силе каждый день. А для этого научись действовать, а не ждать, творить, а не собираться с духом. Действие, действие и действие — вот путь труда земли.

Но свою вечную силу ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше сейчас, если вчера жил только мечтами о действиях. А действовали другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. Но они действовали, а ты думал, как будешь действовать, и упустил в бездействии свою вечную силу, потеряв летящее «сейчас» без пользы и смысла.

Вступая в новый день, живи так, как будто это твой последний день. Но последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и его бескорыстия».

В делийском аэропорту Палам меня встречали. Когда я подошел к таможенной перегородке, меня окликнул по фамилии высокий сухощавый человек с густой проседью в волосах. Это был наш советник по культуре Виктор Иванович Сизов. Он «вычислил» меня по напряженному лицу и озабоченно-ищущему взгляду.

Его спутник — работник делийского отделения Общества советско-индийской дружбы Ижиков — оказался обладателем пышной и короткой, топорщившейся во все стороны прически. Мне даже, грешным делом, подумалось, что ему больше подошла бы фамилия не Ижиков, а Ежиков.

Таможенный чиновник, увидев, что меня встречают наши официальные представители, взял под козырек и не стал осматривать вещи.

Мы вышли на улицу, щурясь от яркого солнца. Сизов сел за руль, и мы направились в город. По дороге я начал посвящать его в свои планы. Узнав, что о поездке я не условился ни со Святославом Рерихом, ни с кем-либо еще, он удивился моей беспечности. А на вопрос о переводчике укоризненно покачал головой:

— Боюсь, что ничем не сможем помочь.— И назидательно-жестко заключил: — В следующий раз не садитесь в самолет, пока не будет переводчика.

Он был прав, и возражать было нечего. Нельзя же, в самом деле, не предупредив, не поставив никого в известность, вторгаться, как торпеда, в чужие планы и чужую жизнь. Вряд ли меня в его глазах могло извинить и то обстоятельство, что опыта таких поездок у меня не было.

После паузы я спросил о Нине Степановне Карповой: нельзя ли связаться с Агрой, чтобы ее разыскать?

— Карпова? Я ее немного знаю,— сообщил Сизов.— Мне кажется даже, что на днях я ее видел в Дели. Сегодня же наведу о ней справки.

Меня устроили в отеле «Дипломат». Номер был со всеми современными удобствами: с ванной, с кондиционером (слава богу, он работал). По тем временам номер стоил дорого: семьдесят семь рупий в день (сейчас, естественно, цены иные).

Я открыл чемодан и вручил гостям «презенты» — каждому по банке балтийской кильки, а также краюху черного хлеба на двоих. Всем этим я по совету Шапошниковой предусмотрительно запасся в Москве. Соленая рыба и в особенности — черный хлеб здесь для нашего брата самый желанный деликатес. Сизов бережно прижал краюху к груди, осторожно разрезал ее на две половины. Крошки привычным движением смахнул в рот. «Для наших домашних это — как праздник»,— сказал он мне.

Потом меня отвезли в наш посольский городок. Сизов дал взаймы местной валюты, чтобы я мог пообедать в здешней столовой. Меня ко всему прочему угораздило прилететь в субботу, когда все банки закрыты, и я не мог разменять свой чек. Сизов пожелал мне приятного аппетита, сказал, что зайдет за мной после обеда. Я остался в одиночестве за столиком, на котором, пробиваясь сквозь желтые занавески, радостно играли солнечные блики. Когда я меланхолично доедал ломоть арбуза, раздумывая, а не выпить ли мне для полноты счастья и стакан холодного компота, вновь появился Сизов. Он пришел с хорошей вестью: Карпова — в Дели. Мало того, она остановилась в посольской гостинице. И мы сейчас же можем направиться к ней.

Нина Степановна Карпова оказалась светловолосой, средних лет женщиной. Ее серые глаза глядели на нас вопрошающе, с удивлением. Сизов представил меня, буркнул: «Ну, теперь вы сами разберетесь» и ушел. Я протянул ей письмо от Шапошниковой. Она бегло просмотрела его, и, как говорится, все сразу стало на свои места.

Нина Степановна пригласила меня (теперь уже как хорошего знакомого!) к столу. Вытащила из холодильника фрукты. В том числе — экзотический золотисто-желтого цвета манго. Вкус у него был непривычный, но пробовать так пробовать, и за разговором незаметно для себя я уничтожил несколько плодов.

Выяснилось, почему Нина Степановна, на мое счастье, не в Агре. Дело в том, что она заболела. Ее направили в делийскую больницу. А потом, когда выздоровела, она неожиданно получила телеграмму от своего знакомого Гуру — от того самого, о котором упоминала Шапошникова. Он просил ее задержаться в Дели, потому что достал для нее какую-то старинную рукопись, предмет долгожданных исканий Нины Степановны. Вот она и задержалась, тем более что занятий в университете у нее в эти дни не было.

Заговорили о Рерихе. И тут меня ждал сюрприз. Рерих и его жена последнее время находились в Дели. Лишь сегодняшним утром они отправились к себе в Гималаи. Я разминулся с ними на несколько часов.

Но это было еще не все. Наслышанная о Святославе Николаевиче от своих друзей-индусов («некоторые из них называют его Махатмой, а вы понимаете, что значит такая похвала для индуса»), Нина Степановна набралась храбрости и два дня назад позвонила Рерихам. Они ее пригласили к себе в отель. Как и следовало ожидать, Святослав Николаевич произвел на Нину Степановну чрезвычайное впечатление. Единственное, о чем она сожалела, что встреча была слишком короткой, и мечтала вновь увидеться с ним. Таким образом, мои планы полностью соответствовали ее желаниям, и она с удовольствием согласилась поехать со мной в Гималаи. «Если достанете транспорт»,— добавила она со вздохом. В ее вздохе чувствовалось сомнение.

У себя в номере я подвел итоги минувшего дня. В общем, они были утешительными. Я знал, где находится Рерих. Была решена проблема переводчика. Оставалось одно — правда, это и было, наверное, самым трудным: добыть машину. Но все равно до начала рабочей недели, то есть до понедельника, решить этот вопрос было нельзя.

Я принял душ и, оглушенный новыми впечатлениями, лег спать под ровный шум кондиционера.

Но поспать мне не пришлось. Тишину прорезал резкий телефонный звонок. Я схватил трубку, судорожно перебирая в уме примитивные английские фразы. Одну из них — защитительную — я приготовил на все случаи жизни: «Ай спик инглиш вери бед». («Я говорю очень плохо по-английски»). Но меня приветствовали на чистейшем русском языке.

Председатель делийского отделения Общества советско-индийской дружбы Юрлов и его жена приглашали меня поужинать с ними. Пришлось вскакивать, наспех приводить себя в порядок. Считанные минуты спустя я был внизу.

И вот мы в просторном зале клуба нашего общества. Кроме нас — никого. На столе рис, заправленный по индийскому образцу острыми соусами. Фрукты. Соки. Содовая вода. Есть мне не хотелось, и я в основном налегал на соки.

Было уютно. Приветливо поблескивая очками, Юрловы внимательно слушали мой рассказ о целях поездки, о моих волнениях и трудностях.

Святослава Николаевича они знали хорошо. Бывали у него в Бангалоре. Гостили у него в долине Кулу.

— Наш активист,— сказал о Святославе Николаевиче Юрлов.— Что ж, как говорится, дело святое. Что-то надо придумать.

После небольшой паузы спросил:

— Если б вам дали транспорт, когда бы вы смогли отправиться в Гималаи?

Я прикинул в уме. В понедельник мне надо быть в посольстве, чтобы официально представиться, а потом... потом я, очевидно, вольная птица...

— Во вторник.

— Значит, 28 мая. Дадим машину и шофера дадим отличного... На какой срок? Давайте прикинем. Дорога туда заберет день, оттуда тоже день. Несколько дней, очевидно, пробудете там. Следовательно, на неделю. Устроит?

Вернулся я поздно, во втором часу, и долго не мог уснуть из-за радостного возбуждения. Еще бы! Проблемы, которые меня так страшили, которые занимали все мои мысли, решены в первый же день! И никаких особых усилий вроде бы не понадобилось.

— Ну, вам, несомненно, какой-то добрый волшебник колдует,— сказала Нина Степановна, когда я сообщил ей о счастливом повороте событий.— Другие годами живут в Индии и не могут попасть в Гималаи. А для вас сразу все двери открылись.

Мы сидели в прохладном полусумраке ее комнаты. Из окна было видно, как на зеленой лужайке двора возле гигантской клумбы, горевшей на солнце алыми лепестками роз, строились на торжественную линейку пионеры.

— Какая красивая клумба! — восхитился я.

— Красивая,— подтвердила Нина Степановна.— А неделю назад эта клумба была в осаде. Ребятишки с палками в руках, пожарные со шлангами. Да нет, не пожар. В клумбе обнаружили змею. Представляете, какой стоял визг и гвалт, пока ее ловили.

Я с опаской покосился на клумбу. Нина Степановна прошла на кухню, принесла вскипевший чайник, печенье.

Я решил, что наступил удобный момент расспросить о ее знакомом Махатме. Нина Степановна с готовностью поддержала разговор. Она показала его фотографию. Устремленный взгляд до боли жгучих, пронзительных глаз не гармонировал с упитанным лицом Махатмы. Я сказал об этом Нине Степановне.

— Что тут поделаешь,— посетовала она.— Вы знаете, как индусы относятся к Махатмам. Его приход в дом — величайший праздник. Каждый старается угостить. Хоть горсточку риса, но он должен съесть. И так везде и всюду. Поэтому полный Махатма в Индии, скорее, правило, а не исключение из правила.

Наш индустриальный век накладывает отпечаток на все. На Махатм тоже. По словам Нины Степановны, ее Махатма страстно увлекается фотографией. Постоянно странствуя, он имеет счастливую возможность делать редчайшие снимки. Коллекция его гималайских пейзажей, по мнению Нины Степановны, уникальна.

— Сколько лет он пробыл в Гималаях? Точно не знаю. Но думаю, что не меньше пятнадцати. Конечно, горный воздух, уединение, постоянные медитации — все это развивает в человеке феноменальные силы. Но сами Махатмы (настоящие Махатмы) не любят демонстрировать феномены, вернее, то, что мы называем феноменами (потому что в конечном счете все это основано на использовании определенных законов природы). Они утверждают, что так называемые чудеса представляют собой насилие над несозревшим духом человека, над его волей, и по большей части не помогают ему, а вредят. Считаясь с постепенностью духовного роста человека, они предпочитают вести работу в форме бе-

сед, где главным образом не слова, а как бы сама атмосфера беседы умиротворяюще и гармонично воздействует на людей.

Но при всей высоте духа они, конечно, не боги, как полагают некоторые суеверные индусы. В чем-то они ушли вперед, чего-то не знают. Во всяком случае, как мне кажется, они нуждаются в информации из внешнего мира. Мой Гуру, например, спрашивал: правда ли, что у вас в России толщина снега достигает полутора метров. Я отвечала: правда. В Сибири это не редкость. Я привозила ему пластинки с музыкой Вагнера, с нашим церковным пением. Он был в восторге. Давала ему читать Толстого и Достоевского (разумеется, в переводе на английский). Понравились мысли, духовный настрой. Но сюжеты, любовные интриги, говорит, для меня это неинтересно. Понять его можно. Его подход к жизни предполагает более строгое, простое и, я бы сказала, молниеносно-четкое, как удар меча, решение жизненных конфликтов и ситуаций, которые нам представляются клубком сложнейших, запутанных, мучительных противоречий.

Впрочем, если у вас есть такое желание, мы можем сегодня ближе к вечеру поехать к моим знакомым индусам. В Дели он обычно останавливается у них. Может быть, он уже там.

Естественно, я согласился с радостью.

— Каковы отношения между Учителем и учеником? Самые разнообразные. Единой модели тут не существует. Правда, если отвлечься от конкретного Гуру и конкретного чела[1] (что, в общем-то, правильно, потому что у каждого Гуру есть свой Гуру, у того — свой и так до бесконечности) и сосредоточиться на обобщенном образе Учителя с большой буквы, то какие-то основные принципы все же можно попытаться выделить.

Учеников, очевидно, можно разделить на две группы.

Первая — те, что действуют рядом с Учителем. Следуя указаниям Учителя, которого видят и слышат непосредственно, они, по понятиям индусов, отрабатывают карму[2] послушания.

Вторая — те, что действуют вдали от Учителя, не видя и не слыша его непосредственно. По понятиям индусов, они отрабатывают карму инициативы.

Ясно, что вторая карма предпочтительнее, ибо считается, что ученик в наибольшей мере помогает Учителю не тогда, когда живет и действует возле него, а когда он созрел к полному самообладанию и может быть один послан в гущу людей, в толщу их страстей и скорби.

В этом случае человек не только приучается к самостоятельности. Считается, что при должной духовной направленности в нем обостряются внутреннее зрение и внутренний слух. Вдали от Учителя, приступая к любому делу, готовя себя к рабочему состоянию, ученик должен сосредоточить мысли на Учителе, а также собрать все внимание и всю полноту чувств и мыслей только на том, что собирается делать. Как видите, это вовсе не мистика, а сосредоточенность и предельная собранность внимания.

Это постоянное внутреннее предстояние перед тем, кого человек избрал своим Учителем, находится вне умственно-аналитических представлений. Мне приходилось слышать, как говорили, обращаясь к чела:

«Пока ты будешь повторять себе — умом,— что я рядом с тобой, всегда твое самообладание будет пороховой бочкой. Как только ты почувствуешь, что сердце твое живет в моем и мое — в твоем, что рука твоя —

[1] Чела — ученик, руководимый тем или иным Гуру.

[2] Карма — закон причинности. В индийских источниках он связан с верой в перевоплощение человеческой души.

в моей руке, ты уже и думать не будешь о самообладании как о самоцели. Ты будешь его вырабатывать, чтобы всегда быть готовым выполнить возложенную на тебя задачу. И времени думать о себе у тебя не будет... Если ты живешь в полном самообладании, ты всегда держишься за мою руку. И все твои дела — от самых простых до самых сложных — я разделяю с тобой. Если же раздражение вклеивается в твои дела, значит, ты выпустил мою руку, нарушил в себе гармонию и сам не можешь удержать моей руки в своей, хотя я ее и не отнимал. Помни об этом, мой друг, и старайся даже в тяжкие дни хранить в сердце не только равновесие, но и радость».

Насколько я понимаю, главное ученическое правило напоминает наш пионерский призыв: всегда будь готов!

Но, конечно, одной готовности, как таковой, мало. Предполагается еще и верность Учителю и его словам, причем такого характера, что в ней сами собой должны умирать все сомнения и страхи. Вообще любое проявление страха квалифицируется как недостаточная верность Учителю. А закон добровольного повиновения, которому беспрекословно в каких-то случаях жизни следует ученик, объясняется весьма убедительными причинами. Утверждается, что он создан не для того, чтоб превратить ученика в автомат и чтобы давить его волю, а для того, чтобы защищать его от его же чересчур рьяного желания служить всем и каждому и — по недостатку знания — набирать долгов и обязательств свыше меры. Этот закон ограждает ученика от разбрасывания. Ученик должен сознавать себя как бы стоящим на страже и именно у того порохового погреба, где его поставил Учитель.

А чтобы исчезла даже тень сомнения и не было повода для брюзжания, рекомендуется все время помнить, что те широчайшие планы, которые охватывает взор Учителя, не может охватить взор ученика, каким бы умным и мудрым ни был последний. Посвящения ученика в те или иные вещи идут не только по ступеням его личного роста. В нем учитывается и степень его созревшей силы для помощи Учителю, о которой сам ученик, может быть, и не подозревает.

Некоторые ученические правила существуют в виде стихотворных афоризмов и призывов. В переводе с санскрита они звучат вот так.

Нина Степановна на мгновение сосредоточилась, потом прочла:

— Вот три завета жизни и труда:

1. Не повторять, но повторяться.
2. Идти вперед, но помнить о других.
3. Не сомневаться, что Учитель рядом.
   Сомнение предательству равно.

Есть еще одна существенная вещь, на которую все время указывают Махатмы. Некоторые люди слишком буквально воспринимают слово «ученичество», рисуя в своем воображении школу (непременно в тихом, уединенном месте), чуть ли не ученические парты, доброго наставника. Близость к Учителю рисуется ими как некий праздничный отдых. А она, эта близость, держится лишь постоянным, напряженным будничным трудом, который под импульсом Учителя становится лишь интенсивнее.

Неустанно говорится об одном и том же: что в деле ученичества не стоят на месте. Если кого-то ты сделал для себя живым примером, если кого-то ты выбрал себе Учителем, так будь добр не отставать от него. Отставать от Учителя — значит закрепощаться в суевериях и предрассудках. Чтобы этого не случилось, опять-таки требуется полная и бескорыстная отдача труду, разделяемому с Учителем.

Путь к Учителям вроде бы широко открыт. А встречи с ними редки.

Считается, что помимо прочего нам мешает еще один живучий предрассудок — он развит среди индусов, но не только среди них — стремление видеть Учителя в каком-то сказочном обличье. Начисто забывается мудрая поговорка: «Надо — и муравей гонцом будет».

Вот и получается, что какие-то люди все время мечтают об Учителе, о пути с ним и жизни возле него. А когда тем или иным образом они подходят к тропе, на которой могут встретить Учителя, они начинают отрицать эту тропу, критиковать ее, что-то в ней их не устраивает. И выходит, что им важна была не весть, которая до них дошла, а муравей, что ее принес. Внимание их концентрируется на муравье и на собственном духовном умничанье, которое, по представлениям Махатм, является не чем иным, как духовным убожеством.

Гималайские Гуру считают, что никого нельзя поднять к более высокой ступени. Можно только предоставить каждому все возможности подниматься выше, служа ему живым примером. Но если человек не найдет в самом себе любви, он не поймет и встречи с высшим существом и будет жаловаться, что ему не подали достаточно любви и внимания, хотя сам стоит возле них и не видит протянутых ему рук. Естественно, он не понимает того, что лишь по неустойчивости и засоренности своего сердца не может увидеть подаваемой любовной помощи. Отсюда — недовольство, нытье, нарекания.

Словом, как видите, все в человеке. Готов дух человека, созрел он, говорят Махатмы, готова и новая форма труда и деятельности для него. Все упирается в непреложный закон: готов ученик — готов ему и Учитель.

Мы увлеклись разговором и слишком поздно спохватились, что теряем драгоценные утренние часы, когда на улице относительно прохладно. А еще вчера Нина Степановна обещала мне показать Дели. Делать нечего. Вышли из дому в разгар жары, когда время приблизилось к полудню.

Нина Степановна уверенным движением подозвала скуттер. Этот оригинальный экипаж — продукт изобретательного ума индийцев. Он представляет собой симбиоз мотоцикла и средневекового паланкина с полукруглой крышей. Экипаж менее комфортабелен, чем машина, но зато дает экономию на дорогостоящем бензине. Мы взяли скуттер, прельщенные не столько его дешевизной, сколько экзотичностью, и направились в исторический центр города — к Красному Форту. Крепость из красного кирпича, возведенная в XVII веке, ныне более всего знаменита тем, что здесь в августе сорок седьмого года была провозглашена независимость Индии. В присутствии ликующей многотысячной толпы народа Джавахарлал Неру поднял над цитаделью трехцветный флаг индийской республики с чакрамом (колесом, символизирующим неодолимое движение света) посредине.

Улочка, ведущая к Форту, напоминает торговые ряды. По обеим сторонам — магазины, открытые прилавки с товарами. Пестрые ткани. Изделия из бронзы и сандалового дерева. Антикварные вещи. Драгоценности. Продавцы возгласами и жестами зазывают к себе. Тут же бойко торгуют прохладительными напитками, разливая в металлические стаканы ослепительно-белоснежную влагу («сок сахарного тростника»,— пояснила Нина Степановна). Мне немедля захотелось его отведать, но она решительно воспротивилась: «Еще, чего доброго, схватите какую-нибудь инфекцию».

Мы не торопясь прошлись по крытым галереям дворца, построенного во времена Великих Моголов. От той эпохи остались бассейны, выложенные мрамором. Правда, фонтаны давно иссякли, но при желании можно вообразить дышащие прохладой голубые струи воды. В мечети мы долго любовались многоцветной мозаикой камней, складывающихся в гармоничные узоры. Потом с высоты галереи снова всматривались в перспективу залитого солнцем города. На улице, стараясь при-

влечь наше внимание, а вслед за ним и наши пайсы[1], пели и плясали полуголые чумазые дети. Во дворе Форта прямо на газонах (в Индии не существует наших запретов) сидели люди, расстелив одеяла, и просто так, на траве. Какая-то семья, сбившись в полукруг, приступала к обеду. В траве мелькали полосатые юркие бурундучки. Людей они (это же Индия!) не боятся и подбегают к самым ногам.

Отношение к «братьям нашим меньшим» здесь, в Индии, действительно совершенно особое. Нина Степановна рассказывала, что здесь с детства воспитывают людей под девизом: остерегайся вносить в день хотя бы малейшую жестокость. Здесь учат, что, если вы видите, как бьют ребенка и не заступились за него, вы столько же согрешили перед ним, сколько и тот, рука которого била ребенка. Если вы слышали жестокое слово, которое, словно плеть, хлестало невинного, и не сумели защитить его, вы виновны перед ним не менее самого ругавшего. И наконец, если вы присутствовали при том, как причиняли физические страдания беззащитному бессловесному существу и не протестовали и не защищали его, вы виновны даже более, чем тот, кто причинял страдания.

А что касается существ бессловесных, то они очень чувствительны к атмосфере мягкости и любви; эта атмосфера формирует их характер и поведение. Я наблюдал, как мирно прогуливались по улицам Дели низкорослые коровы. Некоторые из них с позолоченными рогами, с цветными ленточками на рогах. Это на редкость спокойные животные с постоянно добрым выражением в глазах. Впечатление такое, что они (в отличие от наших коров) и бодаться-то не умеют.

Устав от ходьбы и духоты, мы устремились в кафе под открытым небом. Выпили по бутылке ледяной — прямо из холодильника — кока-колы, расплатились и уже собирались уходить, как неожиданно нас остановил круглолицый индиец лет тридцати, одетый в темный не по сезону костюм. Он спросил о чем-то Нину Степановну, она ответила, после чего он быстро и нараспев заговорил. Нина Степановна засмеялась и обратилась ко мне: «Давайте присядем. Он говорит интересные вещи».

На столе снова появилась кока-кола, еще какие-то напитки. Внимание индийца было целиком поглощено Ниной Степановной. Он продолжал свою горячую, взволнованную речь, которую Нина Степановна прерывала, повторяя одно и то же: «а ча́, а ча́». Кстати, из поездки в Индию я вывез твердое убеждение, что вот это «а ча́, а ча́» — оно означает утверждение («да-да», «хорошо») — воистину магическое слово. Используя его, можно поддерживать беседу, даже не зная языка. Я, во всяком случае, так поступал.

Пользуясь короткими перерывами в разговоре, Нина Степановна наспех объяснила мне суть дела. Индиец, остановивший нас, оказался представителем какой-то родовитой семьи джейпурских раджей. Младший отпрыск знатной фамилии, он пошел по торговой линии, и сейчас ему принадлежат и кафе, в котором мы находимся, и какие-то лавочки в районе форта, и модные магазины в центре Дели. Нину Степановну он узнал по фотографиям в газетах. Недавно индийские газеты опубликовали материалы о русской исследовательнице Калидасы вместе с ее портретами. Нина Степановна обещала мне потом их показать.

Гостеприимный хозяин начал с того, что выразил обиду: зачем она заплатила за напитки? Он даже хотел возвратить деньги — я видел, как он пытался это сделать,— но Нина Степановна, конечно, отказалась. Также отказалась она и от предложения пойти в магазин и выбрать себе в подарок какую-нибудь вещь или камень. Но бывший раджа оказался весьма настойчивым в своем желании обязательно услужить Нине Сте-

[1] Пайса — мелкая разменная монета.

пановне. Он спросил о ее планах. Она сказала, что мы собираемся ехать к Рерихам в Гималаи. О Рерихах хозяин кафе не имел понятия, но местность, где они живут, знал досконально. Он радостно заявил, что неподалеку от Рериха сейчас отдыхает его дядя, а у того дом, оборудованный по последнему слову техники, с кондиционером и прочими удобствами. Он стал упрашивать нас остановиться на день-другой у дяди. Вырвал из блокнота листок, написал адрес. В свою очередь Нина Степановна дала ему телефон своих делийских знакомых, чтобы он мог с нею связаться. (Через день мы уехали, а когда вернулись, Нине Степановне рассказывали, как в ее отсутствие обрывал телефон представитель джейпурских раджей, настойчиво добиваясь сведений о Нине Степановне.)

— Раз вы так популярны в Индии, то за нашу поездку я теперь абсолютно спокоен,— смеясь, сказал я Нине Степановне.— Лучшего Вергилия, чем вы, здесь не найдешь.

Мы возвратились в посольство довольно поздно, как раз перед закрытием столовой. Пообедали, а затем Нина Степановна пошла к себе отдыхать. Я же отправился бродить по ближним кварталам, стараясь не терять из виду родной дом с красным флагом на крыше. Вернувшись, ждал условленного с Ниной Степановной часа на скамейке возле цветочной клумбы, той самой, где недавно изловили змею.

«Подумай, что такое с т р а х. Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живет в человеке одно, но всегда окружено целым роем гадов, не менее разлагающих духовный мир человека, чем самый страх. Страх заражает не только самого человека, он наполняет вокруг него всю атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых ядовитее яда кобры. Тот, кто заполнен страхом, подавлен как активное, разумное и свободно мыслящее существо. Мысль только тогда может литься, правильно улавливая озарения интуиции, когда все существо человека действует гармонично, в равновесии всех сил его организма. Только тогда ты попадаешь — через сознательное — в то сверхсознательное, где живет духовная часть твоего творящего существа. Если же мысль твоя в каменном башмаке страха, тебе невозможно оторваться от животной, одной животной, части организма. Твой дух не раскрывается.

Люди, воображающие себя духовно озаренными, а на самом деле только изредка сбрасывающие каменные башмаки страха, самые жалкие из всех заблуждающихся. Их вечные слезы и стоны о любимых — это только жалкие обрывки эгоизма и плотских привязанностей к текущей форме, без всяких порывов истинного самоотвержения.

Люди, подгоняемые по земле страхом, неполноценные человеческие существа. Строить великие вещи, создавать Жизнь они не могут.

Если вы не можете удержаться от слез, то что же вы можете сделать для пользы других? Чтобы быть полезным кому-то, нужна вся чистая воля человека и такая его любовь, где он должен забыть о себе и действовать, действовать, действовать, ясно видя перед собой только тех, для кого он хочет трудиться. Видеть же, как надо правильно действовать, могут только те глаза, что потеряли способность плакать. Каждый, кто плачет при ударах жизни, разрушает своей неустойчивостью всю атмосферу вокруг себя. Разрушить ее легко, но воссоздать спокойствие в себе и вокруг себя очень трудно. И даже тогда, когда сам плачущий уже успокоился, он долго еще вычеркнут из списка сил, творящих день Вселенной. Каждый, кто с ним встречается, попадает в разбухшее от его раздражения эфирное пространство. Не только помочь никому нельзя, если ты час назад раздражился или кого-либо раздра-

жил, что совершенно тождественно, но такой человек является носителем заразы, действующей не менее молниеносно, чем чума.

Очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: «Я, я, я».

Нельзя вырвать из себя какое-то одно чувство, чтобы весь организм не ответил эхом тому или иному движению духа. Если ты сегодня, в эту минуту, поддался страху — весь твой организм заболел. Если ты двинулся в радости и героическом чувстве — ты вплел в свой организм те залоги победы, которые через некоторое время войдут в действие всей твоей жизни.

Если ты начинаешь учить вперед свои нервы, как им воспринимать то или иное явление, да еще запутываешь их в сеть страха и воспоминаний, ты никогда не воспримешь правильно ни одного факта Жизни.

Мужество, одно мужество и бесстрашие раскрывают всего человека, все его силы и таланты. Старайся найти в себе свободное, не отягченное мусором личных неудач и скорби восприятие Жизни. Никакая скорбь не может сковать той абсолютно независимой сути, что живет в сердце человека.

Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладет на ваше настоящее разъедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто вырастает духом, поняв свое вчерашнее убожество. Тот, кто окреп сегодня, потому что увидел в своем вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решился более ее не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделил судьбу мусорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное.

Не имеет смысла жажда знания без наличия сил духа приложить эти знания к действиям дня.

Истина, прочитанная глазами, которые плачут, не озарит путь человека в его сером дне. И день его с его прочтенной истиной останется днем серым, днем сомнений и терзающих желаний.

Истина, прочитанная глазами, которые перестали плакать, озарит серый день человека. Построит в его дне несколько храмов, так как он ввел истину в дела своего дня. И день его стал сияющим днем счастья жить, а не днем уныния и разложения всех своих духовных сокровищ, что собрал раньше.

Чистота и бесстрашие — первые условия духовного зрения. Вся сила и весь новый смысл твоего существования — научиться ничего не бояться. Добивайся полного бесстрашия. И не забудь, что бесстрашие — это не только отсутствие трусости. Это полная работоспособность всего организма, полное спокойствие в атмосфере опасности.

Но самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации

раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь.

Невозможно таить внутри разлад, страдать и разрываться, а вовне показывать полное якобы спокойствие и этим лицемерным самообладанием помогать человеку переносить его горькие минуты. Только истинно мудрое поведение, то есть внутриубежденное спокойное состояние, может помочь ближнему. Оно может прервать тысячи драм людей только одним своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца. И в каком бы образе он ни встретился человеку, он может поднять его силы к героическому напряжению. Может помочь ему перейти из маленького, о личном горюющего человека одной улицы в одухотворенное понимание себя единицей всей Вселенной. Вселенной, неизбежно подчиненной одному и тому же закону целесообразности, который ведет все живое на земле — от букашки до человека — к совершенству. Вы можете сказать, что все это вы знаете и понимаете. А на самом деле ничего не знаете и не понимаете. Потому что на языке мудрости знать — это значит уметь. А понимать — это значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, а не умеет действовать в своем трудовом дне, в действительности ничего не знает. Он по своей невежественности ничем не отличается от цирковых собак и лошадей, которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

Есть только одна непобедимая сила в жизни, и эта сила — Радость. Каждый раз, когда вам что-то не удается, когда вы хотите победить все препятствия и добиться результатов, побеждайте любя и радуясь. Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернет в вас силы. Каждая ваша слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас[1]».

В сумерках, которые здесь сгущаются чрезвычайно быстро (в этих широтах тьма обрушивается на вас внезапно, по существу, без всякого предупреждения), мы мчались на скуттере с той предельной скоростью, какую может выжать из себя сия машина. За время своего краткого пребывания в Индии я так и не смог постичь правил здешнего уличного движения. Иногда в меня закрадывалось сомнение,— а существуют ли вообще эти правила,— потому что машины здесь вылетают сразу со всех сторон, несутся друг на друга лоб в лоб и лишь в последний момент каким-то чудом избегают столкновения. Выдержка и хладнокровие индийских шоферов поразительны. Вот коричневый форд чуть-чуть не смял наш экипаж — еле-еле мы успели вырулить в сторону. Мы с Ниной Степановной даже вскрикнули от испуга, а наш шофер спокойно обернулся к нам с лучезарной сияющей улыбкой, словно предлагая посмеяться над столь забавным происшествием.

Мы миновали полосу оврагов, каких-то буераков, лесных прогалов. Тьма нас настигла, когда мы въехали в старый район города.

Надобно сказать, что старый и новый Дели — это как бы две разных части света. Нью-Дели раскинулся широко, привольно; он относительно малолюден. Это город офисов, отелей, дипломатических представи-

[1] К слезам, унынию и страху духовные Учителя Индии непримиримы. Они призывают: «Когда приходит то, что люди зовут несчастьем, надо крепко держать стяг Вечности в руках». И лишь одно исключение делают они — для слез радости, ибо, согласно древнему изречению, которое они неоднократно цитируют: «Слезы радости — господне вино».

тельств. Здания посольств — у каждого из них свой стиль: одни тяжеловесные, монументальные, другие ажурно-легкие; за оградами бьют фонтаны — сконцентрировались все в одном месте, как бы образуя особую зону в городе. Нью-Дели спать ложится рано. Примерно к восьми вечера жизнь на улицах замирает, сосредоточиваясь за тяжелыми дверями ресторанов и отелей.

Другое дело — старый Дели. Дома здесь прижались друг к другу, улицы узкие. Теснота такая, что неизвестно, как быстрее достичь цели: на машине или пешком (мне все же кажется, что пешком быстрее). Вечером здесь, наоборот, многолюдно. Жара спáла — народ высыпал на улицу. Крики, разговоры. Базары шумят чуть ли не всю ночь под открытым небом.

Мы остановились у дощатого магазинчика, у которого отсутствовали двери. Нина Степановна пошла к знакомым выяснять обстановку, а я остался в одиночестве, разглядывая развешенные на стенах магазина лубочные картинки с изображением бога Кришны. Вот Кришна — полный, розовощекий, веселый ребенок. Вот он — юноша с лукавым выражением лица. Вот он отрешенно, забыв обо всем окружающем, играет на флейте.

Прошло минут пять, не более, и у машины выросла стройная фигура шестнадцатилетней девушки с живыми и радостными черными глазами. Она приветствовала меня, как это делают везде в Индии, сложив ладони вместе и прижав их к груди: «Намасте». Я отвечал ей тем же. Знаками она пригласила меня идти за собою.

Мы спустились по каменным щербатым ступеням вниз и очутились в узеньком дворике небольшого деревянного дома. Нина Степановна представила меня хозяину — человеку с оливково-смуглым лицом — Нараяне Рао. Его глаза мне показались какими-то безучастными, сонными. Но впечатление было обманчивым, потому что они проснулись и загорелись неистовым огнем, когда разговор коснулся его излюбленных тем. Скромный чиновник столичного банка превратился в философа, поэта, более того, в пророка, убежденного в правоте своих мыслей. Но это выявилось чуть позже.

Мы прошли в дом и уселись на низеньком диванчике в зеленом потертом чехле. Дверь в другую комнату была открыта, и я увидел на стене портрет Гуру — увеличенную копию той фотографии, что мне показывала Нина Степановна.

— Эта комната,— объяснила она,— для членов семьи является своеобразным храмом. Здесь не спят, здесь не обедают, не принимают гостей. Сюда заходят, чтобы медитировать, чтобы сосредоточиться, побыть в безмолвии. В этой комнате всегда останавливается Гуру. Они ждут его со дня на день.

Быстрая, энергичная девушка — ее звали Ракеш — побежала куда-то и принесла нам с Ниной Степановной большие стаканы, наполненные соком сахарного тростника (того самого, на который я с вожделением поглядывал в полдень). Предвкушая удовольствие, я сделал первый глоток и... последний. Увы, мой организм оказался неподготовленным к специфическому вкусу напитка. Я держал стакан в руках, не зная, как выйти из положения. Я вертел его так и эдак, делал вид, что медленно пью, растягивая удовольствие, с отчаянием смотрел на Нину Степановну. Заметив мои страдания, она сказала, что если не нравится, то можно пить не до конца. Какое там до конца! Я не мог больше сделать ни одного глотка. Терзаясь сомнением — а не обижу ли я учтивых хозяев? — я незаметно отодвинул стакан в сторону, в тень, чтоб не было видно, полон он или пуст. А Нина Степановна мужественно осушила свой кубок до дна.

Что такое медитация? Этот термин, пришедший к нам из Индии,— ныне он обрел права гражданства, становится привычным,— оброс вся-

кого рода толкованиями, породил вопросы, у иных — недоумение. Так как я работаю в жанре стихотворных медитаций — жанре, новом для нашей поэзии, мне приходилось давать пояснение этого термина, по необходимости краткое: ведь не мог же я предварять стихи развернутыми трактатами. Я определял медитацию как сосредоточенность на той или иной теме, как внутреннее осознание ее. Естественно, что такое определение никоим образом не могло претендовать на полноту обобщения. Если медитация это сосредоточенность, то уместно спросить, в чем же отличие ее от знакомого нам процесса умственной работы, которая тоже предполагает концентрацию внимания на той или иной теме? Где грань между тем и другим? Существует ли она вообще?

Тут сам собою напрашивается ответ, что между обычным умственным напряжением и состоянием медитации нет непроходимой пропасти, что все отличие между ними, очевидно, заключается лишь в качестве сосредоточенности. Медитация — собранность внимания необычного рода и силы, когда человек как бы целиком сливается с предметом размышления. Это состояние — по большей части бессознательно — испытывали пишущий стихи и музыку, художник, артист. Но не только они. Каждый из нас, если разобраться, переживал когда-то такие моменты.

Достичь слияния с предметом размышления, разумеется, не просто. Чтобы оно осуществилось, требуется особый внутренний настрой. Медитация учит искусству создавать этот настрой.

В процессе медитации человек как бы пробивается к сокровенно-глубинному пласту своего существа, к своему так называемому высшему «я», о котором речь шла раньше.

Что означает полнота внутреннего единства (пусть кратковременная) с точки зрения современной психологии? Она означает, что начинают активно работать планы подсознания, вступает в действие механизм интуиции и вопросы получают молниеносно-мгновенное и четкое решение. Мы привыкли называть это озарением, экстазом.

Соединяя древние знания и достижения современной науки, индийцы полагают, что при медитации происходит подключение человека к своеобразному солнечному и космическому генератору, и светоносная энергия насыщает клетки нашего организма. Эта энергия, считают они, в конечном счете сильнее всех других видов энергии (в том числе и ядерной) и со временем должна вытеснить все остальные виды энергии. При целенаправленной медитации, утверждают они, ее приток увеличивается во сто крат.

Такое понимание значимости внутренней концентрации объясняет исключительное и даже благоговейное отношение к медитации, которое бытует в Индии. Становится понятным возвышенно-поэтический настрой ее характеристик, когда, например, говорится: медитация — это то чудо, когда не ты поднимаешься на гору, а гора спускается к тебе. Становится понятным, почему медитация провозглашается чуть ли не единственным средством, спасающим человека от страха (от страха смерти также). В наш век по-новому прочитывается древняя и чеканная формулировка: медитация — это соединение творца с творением. Если вдуматься в существо формулировки и не замыкать слово «творец» в узкодогматические (а тем более религиозные) рамки, то медитация получает глобальное и космическое толкование как соединение человека с первозданной несотворенной основой бытия.

Но вообще надо признать, что границы медитации чрезвычайно подвижны. Пытаться исчерпать ее существо какой-либо категорической формулой — затея безнадежная. Казалось бы, медитацию, учитывая духовную устремленность людей, занимающихся ею, можно определить как сосредоточенность на предметах высоких и возвышенных. Некоторые так и относятся к медитации, не замечая, что тем самым они обедняют содержание этого воистину всепроникающего термина. Кришна-

муртн, о котором я уже упоминал, несомненно, прав, когда заявляет, что не видит основания, почему нужно заниматься медитацией над каким-то специально избранным предметом или темой, вместо того чтобы направить медитацию на все, что входит в жизнь: будет ли это вопрос, как провести вторую половину дня или какой костюм вам надеть. Такие мысли столь же важны (если отнестись к ним с полным внутренним осознанием), говорит он, как любая философия. Не предмет вашей мысли имеет наиболее важное значение, но качество вашего мышления.

Ну хорошо. Но ведь можно отбросить все эпитеты и попытаться определить медитацию шире широкого. Почему бы не обозначить ее как сосредоточенность на любой без исключения теме? Увы. И эта столь всеобъемлющая на первый взгляд формула содержит неприемлемое для медитации ограничение. Дело в том, что с древнейших времен существует не только медитация, фокусирующая внимание человека на некой единой точке, но и медитация, старающаяся освободить человека от всех мыслей, медитация, устремленная в абсолютное безмолвие. Именно медитацию чистого безмолвия и имеет в виду Кришнамурти, когда призывает человека ловить промежуток между двумя мыслями. А великий философ новой Индии Ауробиндо Гхош[1] заявляет буквально следующее: способность думать — это замечательный дар, но способность не думать — дар еще больший. Он обращает внимание на то обстоятельство, что фактически все открытия делаются, когда мыслительная машина останавливается хотя бы на какое-то мгновение. Этот психологический закон, в общем-то, известен всем нам достаточно хорошо. Так, по признанию Менделеева, знаменитая периодическая система элементов предстала реально перед его внутренним взором не тогда, когда мысль его была в наибольшем напряжении, а во сне. Можно привести и другие не менее убедительные примеры подобного рода.

Таким образом, парадоксальный призыв: «Думайте не о словах, не думайте словами» оказывается основанным на знании тонких, не всегда поддающихся прямолинейному измерению закономерностей человеческой психики. Научившегося «не думать» настигает озарение потому, что он свободен от любого груза и давления, даже невесомого, какое несет с собой мысль.

И еще одно важное соображение. Духовные учителя Индии считают, что медитация может вершиться лишь в условиях внутреннего отказа от собственности, в том числе от главного вида собственности — тела, и самого утонченного вида собственности — мысли. Тогда теряешь все точки опоры в мире сотворенном и встречаешься с миром несотворенным, то есть происходит соединение с первозданным началом бытия.

Разумеется, все это не означает отрицания мысли, бесповоротного отказа от нее. Нет, здесь имеется в виду другое. Все эти рассуждения преследуют единственную цель — подчеркнуть вспомогательную роль мысли в духовно-познавательном движении человека. Мой собеседник, Нараяна Рао, который оказался горячим сторонником медитации безмолвия, говорил:

— Есть два вида познания: внешнее и внутреннее. Познание, в котором орудие анализа — ум — становится господствующим, непременно приводит к отрицанию мира. Отсюда — пессимистическая формула: «Во многой мудрости много печали».

Внутреннее познание, которое за каждой дробной частицей видит

[1] Ауробиндо Гхош (1873—1950) — философ, поэт, радикальный общественный деятель. В начале века он возглавлял левое крыло национально-освободительного движения в Индии. С его именем связаны экспериментальная школа в Пондишери, а также город будущего, строящийся под эгидой ЮНЕСКО и названный в его честь Ауровиллем.

единство бытия, приводит к радости величайшей. Отсюда оптимистическая формула: «Радость есть особая мудрость».

Оба изречения о мудрости совершенно справедливы, они не противоречат друг другу, ибо каждое из них выражает определенный аспект истины.

Так как ум — орудие анализа, он не может реально представить себе целостность бытия. Слуга превращается в господина, когда забываешь о целостности бытия, когда она перестает звучать в тебе. Когда же вспоминаешь о целостности бытия, ум вновь превращается в слугу верного и послушного.

— Поймите,— восклицал Рао, обращаясь ко мне. Он говорил медленно не только для того, чтобы Нина Степановна успевала переводить, но, очевидно, и для того, чтобы слова, разделенные паузами, звучали весомее,— осознание через мысли не единственный вид сознания. Есть осознание через чувства (правда, примешиваются мысли, но в принципе ведь возможно полное отключение от них). И, наконец, есть осознание через отождествление. С другим предметом. Со всем, что окружает. Здесь — в момент отождествления — исключается как мысль, так и чувство. Это близко к тому состоянию, что называется смертью. Но на самом деле это не смерть, а жизнь Единства, жизнь Абсолюта, если хотите.

И потом надо помнить, постоянно помнить, что познание — процесс двусторонний. Познавая предмет, мы не подозреваем, что для него мы тоже выступаем в качестве объекта исследования. Уровень познания зависит от понимания этого факта. Чувства дают внешнее общение с предметом, в то время как мысль, общаясь с мыслью, излучаемой предметом, уводит в его глубину. Но подлинное познание начинается тогда, когда наш дух прикасается к духу предмета. В духе все мы едины. Говоря другими словами, отождествление с познаваемым предметом достигается тогда, когда границы между объектом и субъектом исчезают.

Но давайте вернемся к начальной точке нашей беседы: что такое мысль?

Как вы знаете, существо и значимость ее раскрываются в многочисленных образах и символах. Выберем то, которое, может быть, является главным: мысль — это крылья духа. Опираясь на них, дух взлетает ввысь.

Трудно найти слова, вскрывающие подлинную мощь мысли. Это энергия, питающая все остальные энергии, это сила, насыщающая все остальные силы. Словом, это величайший инструмент духа, рычаг, посредством которого можно созидать звезды и сдвигать мироздания.

И с другой стороны, та же самая мысль — величайший ограничитель духа. Сила оборачивается слабостью, взлеты сопровождаются падениями. И происходит это потому, что мысль содержит в себе Время и его колеблющиеся токи.

Как бы ни раздвигались пределы, ты остаешься в неких границах. Тебя можно сравнить с птицей, которая вырвалась из тесной клетки и думает, что она на свободе, а на самом деле она — в другой клетке, более просторной. Вырвешься из этой клетки, и опять — в клетке, еще более просторной. И так до бесконечности.

Как преодолеть эти временно-пространственные ограничения? Что означает подлинное осознание себя реально? Преодоление гипноза собственной мысли и умственных представлений. Грубо говоря, надо проснуться. А этому должно предшествовать совершенно четкое понимание, что все наши умственные представления, все, без исключения, условны, приблизительны, искажённы.

Но, конечно, добровольный, ненасильственный отказ от мысли чрез-

вычайно труден, он равнозначен смерти. Ведь мы привыкли отождествлять себя с мыслью. Человек — это мысль. «Я мыслю, следовательно, существую». И это верно. Но кто, собственно говоря, сказал, что надо всеми силами цепляться за существование (подчеркиваю: за существование, а не за жизнь). Может быть, прекращение существования — это благо. Конечно, имеется в виду не внешнее прекращение, а нечто внутреннее и глубинное.

Мысль, отрицая самое себя, попадает в просторы Ничто и Вечности, и мы испытываем то состояние, которое можно назвать смертью. Когда мысль расстается со словом, происходит то же самое, как если бы человек расставался с телом,— она умирает. Безмолвие — это смерть мысли, но и воскресение ее.

Вы можете возразить: но потом ведь опять начинается существование, опять появляется мысль. Это так. Но обратите внимание на мысль: обогащенная импульсом Вечности, она изменила характер, она выглядит обновленной, она дарит вам свежесть, бодрость и силу. И это естественно, ибо мысль, приходящая из безмолвия, неподвластна изменчивым токам времени. Время приходит в гармонию с Вечностью.

Не задумывались ли вы, почему гордыня считалась самым страшным грехом? Нет? А я вот думаю, может быть, потому, что она — свидетельство крайней ограниченности, апофеоз ограниченности, замкнутости в свое личное «я». Человек из живого существа превращается в какую-то окаменелость.

И самый худший вид гордыни — гордыня интеллекта. Интеллектуальные накопления — и это особенно ясно в наш век широковещательной информации — погребают под собой человека. Требование отказа от собственности, которое мы можем найти почти у всех мудрецов и Учителей как Запада, так и Востока, подразумевало не только отказ от материальных ценностей, но и от призрачного и обманчивого блеска интеллектуального богатства. Но отказаться от умственных накоплений для человека ограниченного и честолюбивого (а это характерные признаки интеллекта) равносильно отказу от себя, равносильно смерти. Скорее скряга раздаст свое добро, нежели интеллект поступится хотя бы частицей того хлама, который скопился в его мозгу.

Поэтому великое изречение «владею потому, что отказался», для интеллекта в лучшем случае пустая фраза. В лучшем, потому что интеллект воинствен, нетерпим и может усмотреть в ней обскурантизм, возвращение к дикости. Как это можно — отказываться от завоеваний мысли? Вот и получается, что человек становится рабом умственных представлений, рабом пришедшей к нему мысли.

А между тем отказ от интеллектуальных накоплений несет с собой освобождение и, конечно, ничего страшного собой не представляет. По существу это означает, во-первых, подходить без предубеждения к любому явлению и любой мысли, во-вторых, отдавать всю полноту внимания любому явлению и любой мысли.

Полезно каждый раз вспоминать знаменитый афоризм Сократа: «Я знаю то, что ничего не знаю». Непредубежденность и полнота внимания приводят к тому состоянию, которое принято именовать безмолвием, а оно несет с собой преображение отношения к мысли. Мысль становится твоим послушным аппаратом, а не наоборот: не ты — послушный инструмент мысли, как это случается сплошь и рядом в век торжества голого интеллектуализма.

Рао сделал небольшую паузу.

— Надеюсь, однако, из моих слов вы не вывели заключения, что я стараюсь развести как взаимоисключающие понятия мысль и безмолвие. Эти понятия, как две чаши весов, которые то в равновесии, то в подвижном состоянии. Да и кто рискнет провести границу между безмол-

вием и мыслью? Кто ответит, является ли безмолвие концентрацией мысли (пусть непроизвольной, пусть неосознанной) или дело обстоит как-то по-другому? Тут лишь одно очевидно: и концентрация мысли, и безмолвие, начисто лишенное мыслей, могут быть равнозначны. Есть один-единственный оселок, которым, на мой взгляд, должно мерить истинность пути: устремленность, единство. Эти два слова развеивают любую иллюзию, ибо в них суть. Есть устремленность к единству? Значит есть истина. Нет — значит нет истины.

Можно сказать: все истина, и нет ничего, что выражало бы полностью истину. Вот почему столь важно неотрицание. Отрицание — это привязанность к тому, что отрицаешь, более того, это утверждение того, что отрицаешь. Поэтому можно сформулировать как закон,— Рао вынул из бокового кармана записную книжку, с некоей торжественной интонацией в голосе произнес: — «Не отрицай любое верование. Разберись, что в нем устремлено к единству, и прими это устремление. Разберись, что в нем ведет к раздробленности, и отсеки это.

Не отрицай антиверование. Разберись в нем, и если оно ведет к единству, прими его. Если к раздробленности — отринь его.

Запомни: все, что претендует на исключительность, неистинно, потому что ведет оно к обособленности и раздробленности, потому что оно нарушает главный закон единства».

Как я понял, для Рао проблема времени неразрешима вне одухотворенного поля медитации и безмолвия. Об относительности понятия времени он говорил так:

— Прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее, пока я произносил эти слова, улетучилось. Получается, что как будто нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. А это может означать лишь одно, что они — прошлое, настоящее и будущее — существуют одновременно, одномоментно.

Мы движемся во времени. А надобно добиться того, чтобы время двигалось в нас: убыстрялось, замедлялось, исчезало. Надо передвинуть шкалу времени внутри себя. Пусть время будет в твоем потоке, а не наоборот. В этом — задача медитации.

В обычной жизни человек живет между прошлым и будущим, и это разделение доставляет ему страдание. В процессе медитации и безмолвия исчезают как прошлое, так и будущее, остается лишь настоящее, и это приносит радость. Сделать эту радость законом жизни — значит освободиться, значит победить.

Человека можно представить себе в виде статуи: верхняя половина — будущее, нижняя — прошлое. Гармонизация будущего и прошлого — такова задача нашего настоящего. Тогда лишь осуществляется подключение к непрерывности Вечного, что, собственно, и является целью медитации.

Концепция тотального единства человеческого бытия, которую развернул перед нами Рао, не могла не захватить воображения, хотя какие-то моменты оказались трудными для нашего восприятия. Уверенный в правоте своей точки зрения, Рао говорил громче и энергичнее, чем прежде. Даже ритм его речи, как я заметил, несколько убыстрился.

— Тот, кто живет обычной жизнью, не вкушает жизнь подлинную, ибо существование его отравляет мысль о смерти, тень неизвестного. Жизнь истинная начинается лишь тогда, когда в тебе начинают вибрировать токи трех миров: предбытийного, бытийного, послебытийного. Кстати, сокровенный смысл понятия трех миров, так часто употребляемый в наших древних источниках (победитель в трех мирах и т. п.), имеет в виду прежде всего данный аспект. Одновременное существование в трех мирах — это есть и спасение твое, и воскресение. Достичь такого состояния безумно трудно: верящие в теорию перевоплощения

считают, что на это уходят века и манвантары [1]. Но знание о самой цели человека, о миссии и предназначении его — уже половина победы, то, что может стать основой духовной победы.

У нас говорят: человек знает, что он умрет, но не всегда знает, умер ли он. Прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Предбытийное, бытийное и послебытийное состояния существуют одновременно. Лучшее доказательство этому: практически наш ум не может определить, в каком из состояний мы сейчас находимся. Все, что совершается с нами, может происходить в любом из трех миров. Перегородки между этими мирами ум различить не в силах. Вот почему столь важно ощущение единства всего сущего. Тогда перегородки не имеют значения. В любом из миров может прийти озарение и наступить полнота жизни.

Наша беда, наша трагедия состоит в том, что мы разрушаем незыблемое триединство, и бытие наше становится изолированным и угрюмым. Наш Дом как бы повисает в некоем пространстве, и мы живем в вечном страхе: то ли он разобьется при падении вниз, то ли он погибнет, унесенный неведомым ветром высоты. А между тем все это иллюзия, рожденная разрушением единства. Дом наш стоит на крепкой гранитной основе предбытийного мира, и высота послебытийного мира грозит ему не гибелью, а славой. Разрушаясь, Дом не погибает, а обретает другую, более надежную форму существования. Идеи не умирают. Идея Дома, дух Дома, усиленный токами послебытийного мира, как правило, реализует себя более четко в последующем воплощении.

Для человека непреложны и незыблемы три факта: существую, не существовал, не буду существовать. В общем, для него и предсуществование, и послесуществование сливаются в одно целое, противоположное форме физического бытия. Как проникнуть в таинственные планы предсуществования и послесуществования? Знаменитое изречение «я мыслю, следовательно, существую» очень верно передает суть дела. Оно тем более верно, что четко указывает на ограниченность мысли: ей неподвластны планы несуществования (пред- и послесуществования). Выход один — отказаться от мысли. Этой цели и служат медитация, безмолвие. И ничего нет странного, что, возвращаясь к себе, мы опять используем орудие мысли. На своем плане бытия мы должны действовать на его уровне. Но мысль преображена, и мы сами, используя эту мысль, преображенные. Осознавая ее ограниченность, мы понимаем, что она не может являться прямым выражением истины для человека, что она может лишь приблизить человека к рубежу, за которым начинается истина.

Искусство духовного общения в Индии развито повсеместно. Об индийском собеседнике можно написать целую книгу. Умение слушать — его отличительный дар. Удивительна чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкой в наших спорах, предельное внимание и уважение к вашим словам. Здесь исходят из убеждения, что разговор должен идти не на уровне слов, а выявить что-то, стоящее за словами, то, что на уровне сердца. Ясно, что в этой атмосфере беседа превращается как бы в совместную медитацию на ту или иную тему. Беседа такого рода на языке хинди именуется «сатсангом». Ее самая характерная особенность — направленность в сторону высокого, вечного, беспредельного.

Насколько «сатсанг» чтится индусами, можно судить хотя бы по тому факту, что сама беседа, вне зависимости от ее конечного резуль-

[1] **Манвантара — так в индийских источниках называется гигантский период времени, оканчивающийся всемирным катаклизмом.**

тата, считается наградой за то хорошее, что человек совершил в этой или прошлой жизни (как известно, если не все, то большинство религиозных и философских школ Индии сходятся в одном пункте: они верят в перевоплощение человеческих душ или допускают такую возможность). А «сатсанг» на фоне священных Гималайских гор, в котором мне впоследствии пришлось участвовать, как мне объяснили, уже не просто награда, а двойная, исключительная награда.

Нет нужды говорить, что наша беседа с Нараяной Рао сразу же приобрела форму «сатсанга». Правда, диалога не получилось, получился, скорее, монолог, прерываемый лишь изредка моими односложными восклицаниями и вопросами. Но это был «сатсанг», и он достиг апогея, когда прозвучало слово, столь значимое для моего собеседника: Абсолют.

Миры, замрите, дабы я услышал,
Как бьется в моем сердце Абсолют!

Раскрой в себе просторы Абсолюта —
И свет Его узреешь ты во всем.

Мы все соединяемся в истоке.

Через тебя пусть дышит Абсолют,
А ты живи дыханьем Абсолюта.

Мгновенье, превращаемое в Вечность,—
Вот что тебе дарует Абсолют,
Когда ты духом с Ним соединился.

Был сотворенным. Стал несотворенным.

Ток Абсолюта воскрешает всех.
Никто не может предан быть забвенью.
Соединившись с Абсолютом, каждый
Обрел бессмертье, истину, себя.

Теперь ты обращайся к Абсолюту,
А значит, ни к кому не обращайся.

Эти строки, пожалуй, могут служить эпиграфом к тому, что было сказано потом. Во всяком случае, проблема в них обозначена достаточно четко.

То, что говорил Рао — а говорил он с неподдельным оживлением, то и дело обжигая всех нас своими глазами,— по моему убеждению, было подлинной поэмой об Абсолюте. Именно как поэму я воспринимал его слова, когда впоследствии перечитывал свои дневниковые записи. Обращаясь к соответствующим страницам из «индийской» тетради (на предмет включения в книгу), вижу, что последовательность текстов восстановить не могу, что какие-то моменты — довольно важные — ныне выпали из памяти, что сама «поэма», вероятно, покажется отрывочной, фрагментарной. Но существо дела я передаю точно. За это я могу поручиться.

«Величайшая реальность проявляется вне зависимости от наших вопросов, ибо они сотканы из сомненья и смятенья. Они, как туман, окутывают наше сознание. Молнии должны прорезать туман и мглу, солнце должно взойти над тобою, и лишь тогда появится надежда, что в великой тишине и молчании к тебе прикоснется то, чему нет имени.

Имена — ступени сияющей лестницы. Но Безмолвие, лишенное тьмы и сияния, не имеет названий. Оно есть. Оно есть начало и конец и снова конец и начало.

Абсолют сгущается в слово, Абсолют сгущается в образ, но слово и образ потом утончаются, и вновь пред тобой — Абсолют.

Форма и бесформенное. Вот что такое Абсолют.

Ни формы, ни бесформенного. Вот что такое Абсолют.

Вечное и конечное. Вот что такое Абсолют.

Ни вечного, ни конечного. Вот что такое Абсолют.

Смерть и бессмертие. Вот что такое Абсолют.

Ни смерти, ни бессмертия. Вот что такое Абсолют.

Пусть негативное и позитивное замкнется в тебе и высечет искру Огня, сгорая в котором, ты обретешь слиянье с Абсолютом.

Время и Вечность — два полюса магнита, такие же, как Всё и Ничто. А магнит — Абсолют!

Магнит, разделенный на части, все равно остается магнитом. Так же и Абсолют. Он — целое, и в каждой дробной частице есть Он.

Существуют ли Всё и Ничто всегда? На этот вопрос, в особенности применительно к Ничто, напрашивается сам собою ответ: да, всегда. А уместнее здесь было бы сказать другое: нет.

Представим себе точку, в которой сформулировано Всё. Ведь это не просто точка, которую ставит человек на листе бумаги. Это тончайшая точка, точка точки, абсолютно не ощутимая и абсолютно не видимая. Существует ли в ней, в этой точке, Всё? Существует, но в связанном состоянии, существует потенциальная возможность его проявления. Существует ли в ней, в этой точке, Ничто? Существует, но в связанном состоянии, существует потенциальная возможность его проявления.

Для того чтоб выделилось Ничто, необходима Вечность, для того чтоб образовалось Всё, необходимо Время.

Картина, об условном и приблизительном характере которой нужно постоянно помнить, рисуется так. Вначале выделяется Ничто в обрамлении Вечности. Затем из этого Ничто, как из своеобразного яйца, вылупляется Всё, втиснутое в четкие рамки Времени — этого фрагмента Вечности.

Значит, и Ничто, и Всё имеют период предсуществования. Лишь точка, олицетворяющая Единое (она вырастет в круг и опять превратится в точку), существует всегда. Надвременно и надвечно лишь бытие Единства в Абсолюте.

Единое образует Ничто и Все. В этом легко убедиться на примере математических символов, обозначающих Единое, Всё и Ничто. Единое соответствует единице; ноль — Ничто; множественность — Всё. Единица — эта основа математических чисел, их альфа и омега — содержит в себе и ноль, и множественность. Картина здесь ясна без особых комментариев. Единица, отрицая самое себя (один минус один), дает ноль. Единица, прибавляя к себе самое себя, дает два, то есть дает начало множественности. Можно сказать, что существует только единица, а все остальное (и ноль, и множественность) лишь изменения в трансформации ее.

Абсолют не повторяется — вот непреложный закон Абсолюта. Об этом нужно помнить, ибо условность человеческих представлений может ограничить жизнь Абсолюта схемой, а закон пульсации Космоса может привести к мысли, что движение Абсолюта идет по замкнутому кругу. А ничего этого нет. Явления окружающего мира могут быть похожими друг на друга, равно как и мгновения нашей жизни, но тождественными они не могут быть никогда.

Абсолют не повторяется. Это может быть выражено другими словами: каждое явление, каждая вещь, каждое мгновение неповторимы и незаменимы. Отсюда следует, что каждое явление требует всей полноты нашего внимания, ибо оно — абсолютно новое. Отсюда следует, что каждое мгновение требует всей полноты внутреннего переживания, ибо такого уже не будет никогда.

Мысль об Абсолюте дает незыблемую основу для внутреннего равновесия. Приходится прибегать к парадоксу: нет жизни — нет смерти, поскольку есть жизнь и есть смерть, поскольку они одномоментны, поскольку бытие тождественно небытию. Абсолют в проявлении множественности и времени есть бытие. Абсолют в проявлении целостности (Ничто и Вечность) есть небытие. То, что является смертью для дробной множественности, есть жизнь для монолитной целостности. И наоборот.

Чтобы приблизиться к сокровенному смыслу Абсолюта, чтобы понять, что отличает его от всего окружающего, помни: все, что окружает тебя, все звенья иерархии Вселенной снизу доверху, являются проводниками. А Абсолют есть то, чей импульс и токи проводят.

Мир сотворенный (имеющий начало, а следовательно, и конец) может иметь измерения во времени. Был. Есть. Будет.

Мир несотворенный такого измерения не имеет. В самом деле, разве возможно сказать об Абсолюте: Он был или Он будет? О Нем можно сказать лишь единственное: Он есть.

Материя, поскольку она несотворенная, есть Абсолют. Материя, заключенная в формы, подверженная постоянному процессу формотворчества, есть та материя, с которой мы имеем дело на практике, в опыте. Сотворенное есть несотворенное, но сотворенное не равно несотворенному — вот парадокс, перед которым останавливается человеческая мысль.

Иногда называют иллюзией мир сотворенный, то есть мир видимый и осязаемый. Иногда называют иллюзией мир несотворенный, то есть мир невидимый и неосязаемый. И то и другое утверждения ложны. Иллюзией является единственное — разрыв между ними.

Хочешь исследовать океан — каплю его исследуй. Хочешь приблизиться к Абсолюту — искру Его в себе различи.

Всё и Ничто, соприкасаясь в человеке, рождают искру. И эта искра — мысль!

Закрытое пространство материи есть в то же время открытое про-

странство духа — это знание должно превалировать в человеке, дабы он осознал единство свое с Абсолютом.

Ты не можешь почувствовать себя Абсолютом, но Абсолют может почувствовать себя тобой так же, как может почувствовать себя любой частицей бытия и цельным полем небытия. Ты не можешь быть равным Абсолюту, но Абсолют может быть равен тебе так же, как может быть равен любому атому бытия и неделимому Космосу небытия.

Все источники всех времен утверждают одно и то же: царство небесное внутри нас. Царство! А оно не имеет ни границ, ни пределов. И оно, это царство, внутри тебя, в тебе. Так кто же ты, человек? Абсолют!»

Надеюсь, читателю понятно, почему я уделяю так много внимания встрече с Нараяной Рао. Эта встреча была для меня подлинным подарком судьбы. Я бы, пожалуй, затруднился ответить, чего было больше в нашем «сатсанге»: поэзии философии или философии поэзии? Наверное, того и другого поровну.

Кстати, именно от Рао я услышал впервые слово «дханьявад». Он произнес его, прощаясь, в ответ на мое, усвоенное здесь, в Индии,— «намасте». Примерно это соответствует нашему русскому «спасибо». Но, как мне объяснила Нина Степановна, если обратиться к глубинному, внутреннему смыслу выражения, то перевод будет выглядеть так: «Мы с вами обогатились общением друг с другом».

Дханьявад! Впоследствии этим словом, за которым, как видите, тянется целый философский пласт, я назвал свой первый очерк об Индии.

Следующий день — относительно спокойный — был целиком отдан организационным делам. С утра я был в посольстве. Как и следовало ожидать, моя инициатива, освобождающая руководство от лишних хлопот, получила полное одобрение. Сизов даже посожалел, что не может, воспользовавшись случаем, вместе со мной поехать к Рериху.

Потом я позвонил Юрловым. Мне сказали, что шофер с машиной будет у моего отеля в пять утра. Выезжать нужно как можно раньше, чтоб хоть на какое-то время опередить жаркое индийское солнце.

А вечером с Ниной Степановной — на этот раз на такси — мы опять отправились в старый Дели. Вопреки ожиданию Гуру еще не приехал. Нина Степановна оставила записку о том, что она уезжает — всего на несколько дней! — и надеется на встречу сразу по возвращении.

Ровно в пять утра шофер звонил в мою дверь. К тому времени я уже встал, побрился, уложил вещи. Мы поехали за Ниной Степановной.

Здесь наше терпение подверглось некоторому испытанию, а намечавшийся выигрыш во времени явно оказался под угрозой. Около часа нам пришлось ждать, пока Нина Степановна завершит свой туалет. Мы терпеливо сидели в машине, пытались объясняться с шофером при помощи жестов, потом бросили это занятие. Наконец появилась Нина Степановна в бело-зеленом сари с пластмассовой сумкой в руках.

И вот мы — за чертой города.

Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь дорожат каждым мгновением прохлады. Потому ранним утром на этих дорогах так же тесно и суетно, как у нас в часы «пик». В прозрачной дымке, веющей свежестью, снуют машины, спешат пешеходы; навстречу выворачивается автобус, на ветровом стекле которого красуется цветное изображение Кришны и священное слово «Ом».

Слово «Ом» — в старинной транскрипции «Аум» — нередко можно увидеть и на автобусах, и на фронтонах зданий. Оно очень почитаемо в Индии, и это связано с древними космогоническими представлениями индийцев. Им обозначается (естественно, в достаточной мере условно) тот первичный звук, вибрации которого, согласно древним источникам, образовали мироздание.

Аум есть радость, запечатленная в звуке.
Радость — начало миров и конец,
Ибо она не имеет конца и начала.

Но, конечно, центральная фигура шумных многоголосых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — явление особенное, уникальное. Это — фокусник, маг, чародей. Если Индия страна чудес, то, на мой взгляд, один из главных феноменов ее — велосипедист. Более всего поражает то виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства бойко крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое мальчуганов.

С детства в Индии приучаются владеть своим телом; потому позы седоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут нескончаемую беседу, а если прерывают ее, то только для того, чтобы одарить встречного белозубыми улыбками.

Утренний воздух хорошо нас взбодрил. Нина Степановна оживилась и прочла мне целую лекцию о Калидасе. Рассказ ее изобиловал занимательными подробностями, которые, к сожалению, ныне начисто забылись. Единственное, что осталось в памяти — и то только потому, что я сразу записал это в блокнот,— стихотворный афоризм великого поэта древней Индии. В подстрочном переводе он выглядит так: когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы, покидая мир, ты радостно смеялся, а все вокруг тебя плакали.

В каком-то патетическом месте рассказа Нина Степановна вдруг испуганно вскрикнула и забилась в угол машины. В окно влетело странное насекомое — помесь гигантской мухи с ядовито-зеленой гусеницей — и, прочертив траекторию, с деревянным треском упало на сиденье рядом с нами. Я выхватил носовой платок, поймал крылатое чудище — «только не убивайте!» — закричала Нина Степановна,— выбросил его в окошко. Подхваченное ветром, оно улетело.

— Что это такое? — спросил я у Нины Степановны.

— Понятия не имею. Но гадость, по-моему, ужасная. Я таких насекомых боюсь больше, чем змей,— призналась она.

Над деревьями выкатилось солнце. С каждой минутой оно припекало все сильнее. Мы мчались мимо глинобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высились горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго.

Миновали Чандигарх — город, построенный по проекту Корбюзье. Дома современной планировки нам не понравились. И, как выяснилось,

не зря: нам рассказывали потом индийцы, что они возводились без участа климата. Поэтому днем в них жарко, ночью холодно. Древние строители были, пожалуй, в чем-то мудрее современных. Обычная хижина с глиняными полами существенно облегчает жизнь в жаркие дни. Глина хорошо сохраняет прохладу, и потому, когда пол зальют водой, в доме надолго воцаряется свежесть и влажность.

Наш шофер — он был родом из Непала, из потомственной семьи водителей,— оказался настоящим лихачом. Мы летели по автостраде с бешеной скоростью, практически без остановок. А если останавливались, то лишь для того, чтобы распить по бутылке запотевшей от холода кока-колы.

Первый привал сделали уже в Гималаях. Мы остановились в небольшом Рест Хаузе — домике отдыха для туристов. Было безлюдно. С трудом нам удалось разыскать хозяина горной базы. Позевывая — очевидно, мы прервали его сон,— он провел нас в комнаты, уютные и меблированные. Кухня не работала. Приходилось рассчитывать на собственные запасы. Их оказалось немного. Помидоры, хлеб, фрукты. Нина Степановна применительно к ситуации напомнила наказ индийских Махатм о том, что в пути надо стараться есть мало. Они вообще считают, говорила Нина Степановна, что если человек действительно ищет ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище.

— Нельзя думать, что, не умея подчинить определенной дисциплине свой аппарат, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы набить свой желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах.

Но с другой стороны, Махатмы заявляют, что в ученичестве нет особых строгостей в пище, как, предположим, у монахов. И воздержание в ученичестве не может составлять одного из ограничений для человека, стремящегося обрести тот высокий путь, где можно встретить Учителя. Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в понятиях человека живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа.

До тех пор пока у человека живет мысль об отказе в чем-то себе, он не выше тех, кто ищет наживы для себя. Мысли его вертятся вокруг себя точно так же, как и мысли ищущих наживы. Подвигами, как таковыми, не движутся вперед ученики. Вот почему не следует видеть подвиг в своем ограничении в пище. Но в памяти, конечно, следует неуклонно держать: в пути надо есть мало.

Этим и пришлось нам утешиться.

Небольшая передышка — и снова в путь.

Дороги в Гималаях отличные. Их в свое время строили англичане. Ведущие на север, в сторону нашей границы, дороги имели военно-стратегическое назначение: колониальные власти загипнотизировали и запугали самих себя мифической советской угрозой. Англичане ушли, а дороги остались.

Правда, эти вьющиеся узким серпантином магистрали таят в себе и определенные трудности, и опасности. Может случиться обвал (это здесь не редкость), и тогда застрянешь на несколько дней. Бывают и трагические исходы. У нас, по счастью, особых происшествий не было. Лишь один раз на крутом повороте мы чуть не столкнулись с автобусом. Шофер так резко затормозил, что нас могло сбросить в пропасть. А так все шло без сучка и задоринки.

В Наггар — конечный пункт нашего маршрута — мы прибыли поздним вечером, когда уже было темным-темно. А индийская тьма такова, что ее, кажется, можно резать ножом. Тишина. Никого. В Индии в де-

ревнях и маленьких городах спать ложатся рано. Нам еще повезло, что мы все-таки наткнулись на человека, который знал, как проехать к усадьбе Рериха. Следуя его указаниям, наша машина по узкой обрывистой дороге-тропе медленно поползла вверх. Потом уткнулась в ворота. В свете фар тускло поблескивала медная табличка, на которой было выгравировано: Roerich. Вылезли. Никакого намека на кнопку звонка. Абсолютная непроницаемая тишина. Что делать?

Позже нам пояснили, как поступают в таких случаях благовоспитанные люди, к тому же попавшие в чужую страну с устоявшимися порядками и традициями. Нам надо было спуститься обратно вниз, устроиться на ночь в гостинице, а утром, приведя себя в должный порядок, нанести визит хозяевам дома.

Но, увы, такая простая мысль мне не пришла в голову. Я рассуждал иначе. Позади тысячи километров пути, преодолены всякого рода трудности, и вдруг остановиться перед столь ничтожным препятствием. Я говорю Нине Степановне:

— Вы как хотите, а я полез через забор.

Я выбрал место поудобнее, пониже, спрыгнул на землю. Сделал несколько шагов в густой тьме. Вернулся.

— Нина Степановна, а если я встречу индийских слуг? Ведь они примут меня бог знает за кого. Как я с ними объяснюсь? Давайте и вы через забор.

И Нина Степановна, побросав через забор — тук-тук — белые туфли, подобрав сари, взобралась на ограду и — видели бы в этот момент своего уважаемого профессора студенты! — приземлилась рядом со мною.

Проблуждав несколько минут в темноте в саду, напоминавшем дремучий лес, мы вышли к флигелю двухэтажного дома. Это была кухня. Оттуда доносился стук ножей и ложек. Поскольку двери были раскрыты, то мы без всякого предупреждения выросли на пороге флигеля.

Последовала немая сцена. Слуги — их было несколько человек — превратились в статуи. Описать выражение их округлившихся глаз не берусь. Ведь мы для них буквально свалились с неба.

Первым пришел в себя невысокий, худощавый, седой индус, испуганное лицо которого постепенно стало приобретать выражение замкнутости и некоторой важности. Это был управитель дома Рериха — Вишну. (В скобках замечу, что в Индии, особенно в простых семьях, принято давать детям громкие имена богов и знаменитых героев, очевидно, для того, чтобы в предстоящей нелегкой жизни привлечь к ним на помощь могучие небесные силы.)

Нина Степановна вступила с ним в переговоры. Рерихи вместе с гостями ужинали в столовой. Вишну спросил, как доложить о нас хозяевам. Визитными карточками я тогда еще не обзавелся, поэтому на каком-то клочке бумаги нацарапал свою фамилию, Нина Степановна — свою, а также приписала несколько слов от себя. Так как она была уже знакома с Рерихами, то я уповал на нее, считая, что потом расшифрую свою фамилию.

Появился встревоженный, недоумевающий Святослав Николаевич. Он был явно ошарашен и никак не мог взять в толк, кто я, почему мы вместе. Нина Степановна принялась было объяснять: «Это поэт Сидоров, которого я сопровождаю», но я любезно перебил ее, сказав галантную фразу: «Неизвестно, кто кого у нас сопровождает: может быть, я ее». «Так все же кто кого сопровождает?» — спрашивал вконец запутавшийся Святослав Николаевич. В дверь просунула голову Девика — жена Святослава Николаевича. Увидев Нину Степановну, она в растерянности спросила: «А почему вы не в Ришакеши?» (При встрече с ними Нина Степановна сказала, что в скором времени туда отправится.)

В общем, переполох был полный.

Наконец Святослав Николаевич спросил:

— Где вы остановились?

Так как мы рассчитывали на его гостеприимство, то вопрос нас озадачил.

— В машине,— тут же нашлась Нина Степановна.

— Ах вот, как!

Понемногу ситуация для Святослава Николаевича стала проясняться. Дело осложнялось тем, что к ним как раз приехали гости и все комнаты были заняты. А тут мы как снег на голову, да еще без предупреждения.

— Почему не дали телеграмму? — спросил Святослав Николаевич.

Телеграмму мы дали, но она пришла тогда, когда в ней не было никакой необходимости,— через два дня после нашего приезда.

Святослав Николаевич вызвал Вишну, сказал, что тот спустится с нами вниз и устроит нас в городском Рест Хаузе. А завтра в 9.30 утра он просит нас к себе в дом.

В этой суматохе я сбивчиво объяснил Святославу Николаевичу, откуда я и зачем приехал.

— Так это ведь о вас писал Белинков. Мы вас ждали, но раньше.

— Виза пришла очень поздно,— ответил я.

Святослав Николаевич, прорезая тьму фонариком, попросил показать, где именно мы перелезали через забор. Я показал, а он подозвал Девику и начал ей что-то говорить горячо и взволнованно. Это происшествие — чувствовалось — произвело довольно сильное впечатление на Святослава Николаевича. Потом, в Москве, он, пряча лукавую улыбку в усы и бороду, нередко представлял меня своим знакомым таким образом: «Вот человек, который попал ко мне через забор».

Рест Хауз оказался приспособленным к современным нуждам деревянным замком, принадлежавшим когда-то местному махарадже. В наше распоряжение выделили две огромные проходные комнаты. Одна — с диванами вдоль стен — гостиная. Другая — настоящий парадный зал (метров 150, не меньше), переделанный ныне в спальню. В этом зале стояли четыре двуспальные металлические кровати, внушительный, как крепость, стол, старинные дубовые стулья. Вишну предложил расположиться мне в спальне, Нине Степановне — в гостиной. Девика — я узнал об этом позже — строго-настрого наказала ему, чтоб нас поместили в отдельных комнатах. («Они не муж и жена».) Но гостиная Нине Степановне не понравилась: диваны узкие, в окна заглядывают какие-то люди. И она отвергла это предложение решительно и испуганно. Вишну был шокирован. Святослав Николаевич рассказывал, с каким трагическим тоном в голосе он докладывал по возвращении:

— Мадам отказалась ночевать в отдельной комнате.

А мы остались вдвоем в огромной неуютной и холодной комнате, где мог бы свободно разместиться целый студенческий отряд. Выпили чаю; нас покормили рисом. Мы были донельзя удручены. Проделали такой путь — и вот тебе раз. Нам показалось, что Святослав Николаевич принял нас слишком холодно и отчужденно и что настоящего общения с ним уже не получится.

Мы расположились в противоположных углах бывшей дворцовой залы. Уличный фонарь играл роль своеобразного ночника: сквозь занавеску пробивались его лучи, образуя яркую световую дорожку на полу.

Я заснул почти сразу, но сон был недолог. Меня разбудил грохот падающих стульев, какие-то вскрики. Я настороженно поднял голову. Мне показалось, что кто-то повизгивает.

— Нина Степановна, что с вами?

— Я заблудилась,— послышалось в ответ.

Выяснилось, что ночью ей понадобилось встать. В большом и чужом помещении она не смогла сориентироваться и стала натыкаться на стулья — отсюда грохот,— на кровати, углы бесконечно длинного стола. С трудом добралась до окна, отодвинула занавеску, надеясь на уличное освещение, а за окном — сплошная тьма. Фонарь к тому времени погас. И вот она стоит, держась за гардину, и чуть не плачет. Она говорила потом, что мечтала лишь об одном: как бы разыскать собственную кровать.

— Не трогайтесь с места, чтоб мы не стукнулись лбами,— сказал я ей.

Я встал, включил свет в туалетной комнате — ее дверь находилась как раз за моей кроватью («Пусть горит всю ночь»). А сам закутался с головой в одеяло, надеясь, что все происшествия нынешнего дня наконец-то исчерпаны и больше ничто не потревожит мой сон.

«Путь — это непрестанное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действия самого человека, ворвались гнев или раздражение, так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включиться в симфонию Вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням Вселенной, если он тяжел своим встречным, если его раздраженный окрик или нравоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному успокоиться, но вызывают в нем протест.

Первое звено всей жизни всюду — мир сердца.

Чем в бóльшем мире идет по земле человек, тем дальше и выше он видит. А чем дальше видит, тем все больше понимает, как он мал, как мало может и знает, как много еще ему надо достигать.

Переключите свои мысли, забудьте о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии своими колючими токами. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой,— это тот клей, который стягивает раны раздражения, прикладывает согревающий компресс к синякам бушующих страстей и льет бальзам в огорченное сердце собеседника.

Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна вашим встречным, если вы сами в бунте и разладе. Наиценнейший труд не будет доступен массам, если сам труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или малую идею в массы народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии.

Не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир словами, где и без того немало мусора. Если проповедь новых идей малоэффективна, то это лишь потому, что она чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких целей людей, проповедники чаще всего делают исключения для

самих себя. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а живым примером, всегда достигают успеха.

Иллюзии любви и красоты, создаваемые нашим воображением, до тех пор терзают нас, пока мы не завоюем себе сами полной свободы от них. И только тогда рушатся наши иллюзорные желания всякой красивости вовне, когда в нас оживет все то прекрасное, что мы в себе носим. Все толчки скорби, потерь, разочарований учат нас понимать, что нет счастья в условных иллюзиях. Оно живет только в свободном добровольном труде, не зависящем от наград и похвал, которые нам за него расточат.

Если же вы цените только жизненные блага вроде денег, драгоценностей, богатства и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас излишнее бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончаться разочарованиями.

Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Всё, все чудеса и несчастья носит в себе сам человек. Когда человеку открывается знание, он становится спокойным, ибо мудрость оживает в нем. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание — оно есть. И все, что люди зовут чудесами, все только та или иная степень знания.

Перспектива, открываемая знанием, открывается каждому, как художнику чувство перспективы, не сразу. Книга духовного знания не лежит вовне, она в сердце человека. И читать ее может только тот, кто учится жить свой каждый новый день, в который он вступил, все повышая уровень своего творчества.

Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставляет тебя сомневаться во всем, а привычка скептически принимать все обстоятельства жизни. Привычка думать об одной жизни земли в отрыве от всей жизни Вселенной. Усвой основное правило каждого живого человека: научись диалектически мыслить. Не разрывай связи со всеми радостными силами природы. И когда настанет твой час постичь знание всех элементов стихий природы, принеси к этому моменту в самом себе полный самообладания и гармонии сосуд.

Остерегайтесь умствовать там, где нужна простота мудрости. Научитесь хотя бы только одному: не имея о чем-либо достаточных знаний, не отрицать того, что тебе говорят.

Мудрость не оказывает влияния извне. Она не проникает откуда-то в глубины духа. Она там живет. И пробудить ее в себе может только сам человек. И только сам человек — ограничитель собственного Света.

Если ты полон сияющей радостью, ты сразу увидишь в человеке чудо: он слит с гармонией, он идет в ней, несет в себе ее, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один — потому, что карма держит его цепко и никак он не может освободиться от страха, жадности и ревности, которым служил долгие годы. Другой не может

вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий топчется в лабиринте узкого ума и не может вырваться из него и попасть в творчество интуиции. Четвертый завалил себе выход к освобождению, бегая весь день по добрым делам, а дома сея муть и раздражение и т. д.

Не забудь вовек: все — в человеке. И только он один — творец своего пути. Вернее, каждый человек есть путь, и этот путь настолько близок к творчеству Единой Жизни, насколько смог освободить ее в себе человек».

Сделать визит Святославу Николаевичу нам не пришлось. Ровно за час до назначенного срока Святослав Николаевич появился у нас. Он был в полуфренче стального цвета (на мой взгляд, очень удобный костюм хотя бы потому, что не нужен галстук). При дневном свете я лучше рассмотрел его живое и энергичное лицо, знакомое мне по фотографиям. Карие глаза, уходящие вглубь, которые могли обретать жесткое металлическое выражение (как это было накануне), сейчас поблескивали веселыми, добродушными искорками.

Он извинился за вчерашнее недоразумение.

— Что вы! — отвел я его извинения.— Это я должен просить прощения за то, что вторгся в дом столь экстравагантным способом.

— Считайте, что это весть из России,— я протянул Святославу Николаевичу книгу стихов его отца: маленький томик в белом балакроне.— Может, она окажется той ласточкой, что сделает весну.

Святослав Николаевич объявил, что пришел забрать нас с собой. Гости уехали довольно рано. Комнаты для нас готовы.

Мы попытались расплатиться за ночлег в Рест Хаузе, но Святослав Николаевич решительно воспротивился: «Со вчерашнего дня вы — мои гости». Мы простились со старинным замком, оставив в нем на неопределенное время — Святослав Николаевич обо всем договорился — нашего шофера-непальца.

Девика Рани, юная и одухотворенная красота которой хорошо известна по портретам работы ее мужа, встретила нас в высшей степени приветливо. Она была в ярком праздничном сари, в волосах — гвоздика. Сокрушенно разводя руками, она сообщила, что такой казус, чтоб некуда было поместить гостей, за двадцать девять лет их совместной жизни случился впервые. По ее словам, она так расстроилась, что не спала до двух часов ночи.

— То, что вы приехали,— сказала Девика,— хороший знак. Долина Кулу принимает далеко не всех. Многие хотят сюда попасть, а не могут.

Еще раз выяснилось, какое исключительное стечение обстоятельств благоприятствовало моей гималайской поездке. Обычно Рерихи в жаркое летнее время выезжают к себе в горы на месяц, а то и на два. Но на этот раз, так как год сложился напряженным — столетний юбилей Николая Константиновича Рериха требовал много сил и хлопот,— они вырвались сюда всего лишь на семь-восемь дней. И если бы я приехал в Индию чуть раньше или чуть позже, то вряд ли бы увидел Гималаи.

— Мистер Сидоров! — обратилась ко мне Девика с несколько торжественной интонацией в голосе.— Еще вчера я поняла, что в прежних жизнях вы были индусом. Поэтому я повторяю то, что произнесла вчера мысленно: добро пожаловать на родную землю!

Как я уже говорил, теория перевоплощения пустила цепкие корни в

сознание индусов. Ее придерживается как религия, исповедующая многобожие — индуизм, так и религия без бога — буддизм. Да и многие духовные учения Индии, объявившие о разрыве с догматическими религиозными традициями, тем не менее строят здание своей духовной этики на краеугольном камне теории перевоплощения. Поэтому древнейший и таинственный символ — змея, кусающая свой хвост (его, кстати, можно обнаружить и в рукописях средневековых алхимиков), здесь считается олицетворением кругообразного движения человеческого духа. Человек живет не однажды, верят индусы, не однажды он возвращается на землю, и круг его жизней, разумеется, не замыкается на одном единственном месте. Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощен потом во Франции или в Англии, живущие в промышленных центрах Америки в следующей жизни могут оказаться в затерянных уголках джунглей и т. д.

В цикле человеческих жизней, говорят сторонники теории перевоплощения, не играет особой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если сам человек не привязал себя к ним ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжкой любовью. Среди сил, сковывающих свободу духа человека, наиболее неразрывные связи плетет ненависть. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его, он будет много раз воплощаться в том же самом народе, пока не победит своей любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые явились результатом его ненависти. Точно так же ненависть или презрение к чужой нации или стране, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь, которую надо изживать века и века.

Любопытно сопоставить эти суждения с тонким и вдумчивым замечанием Ромена Роллана, который писал, изучая философско-духовные концепции Индии: «Сколь фантастической ни казалась бы человеку Запада эта теория перевоплощений, она устанавливает самую тесную кровную связь между людьми всех времен и таким образом оказывается родственной нашей современной вере во всеобщее братство».

С нашей точки зрения, эта теория столь же фантастична, сколь и поэтична. Но наука, штурмующая бесстрашно недосягаемые ранее вершины легенд и мифов, ныне подошла вплотную к тем проблемам, которые по-своему — иногда, может быть, слишком прямолинейно — пыталась решить традиционная вера Востока в переселение человеческих душ. Широко известны поразительные психологические феномены, изучаемые современной наукой: человек под гипнотическим воздействием вдруг начинает говорить на языке, который он заведомо не знает, или описывает местность, которую раньше он не видел. Разумеется, сейчас никто не возьмется дать однозначное истолкование этим явлениям. Здесь широкое поле как для экспериментов, так и для гипотез. Ясно одно: в генетическом коде человека зашифровано гораздо больше, чем мы могли предположить, а тем более — разгадать. Науке здесь еще предстоит сказать свое веское и авторитетное слово.

В какой-то беседе (точно не помню, с кем) я выразил сомнение: а не расслабляет ли теория перевоплощения и неразрывное с ней понятие кармы волю человека, не ведет ли к фатализму — ведь согласно представлениям о карме, за все дурное человека должно непременно настигнуть возмездие (в той или иной жизни) так же, как все хорошие поступки в той или иной жизни будут обязательно увенчаны наградой? Не является ли это философией сугубой пассивности?

Помню, как бурно возражали мои собеседники. Философия Индии — это философия действия, сказали мне. Лишь того, кто не знаком с основами нашего миросозерцания, может удивить это. Ваше представление о пассивном характере нашей философии покоится на недоразумении. [illegible] склонны путать с формой действия.

— Вы забываете,— говорили мне,— а иногда и не подозреваете, что так называемая пассивность подчас гораздо результативней прямолинейной активности. Тут многое зависит от конкретной ситуации и конкретных особенностей того или иного народа. История освободительной борьбы Индии, как вы знаете, богата именно формами пассивного сопротивления, которые нередко приносили успех и победу.

Разумеется, мы прекрасно понимаем, что теория перевоплощения рождает — особенно у тех, кто слепо верит в твердокаменные догматы религии — автоматизм в поведении, застой в мыслях и делах. Но Учителя новой Индии, начиная с Вивекананды[1], считали первоочередным долгом бороться с духовным оцепенением своих сограждан, вытекающим из такого верования. Учителя Индии предостерегали и предостерегают:

«Перестаньте так часто говорить слово «карма». У вас создалась привычка все сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжелую земную жизнь благодаря собственной инертности или однобокой, как флюс, энергии — карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире — карму за хвост в виде спасительного змея. Не смогли вы создать себе радостного окружения по причине, конечно, собственной разбросанности и несобранности на единой цели — снова карма. Не вышли вы в большие люди — еще раз карма, и т. д., и т. д.

В результате — полное разочарование в текущей жизни, виновато окружение, выросло в сердце уныние и... или вы погубили воплощение, или вы в раздражении и зависти выковали себе пути к злу. Тот, кто часто повторяет слово «карма», а продолжает жить все так же, как жил год назад, вчера, сегодня, не ища в себе обновляющих сил доброты и радости, тот является таким же мертвецом среди живых, как и тот, кто постоянно думает о смерти и боится ее».

Но возвратимся к рассказу и гостеприимным хозяевам, заботами которых мы были размещены как нельзя лучше.

Нине Степановне отвели комнату внизу, мне — две комнаты с примыкающей к ним ванной наверху. Одна из комнат — бывшая спальня Елены Ивановны и Николая Константиновича Рериха. Это я понял из слов Девики: она любезно взялась показать мне мои апартаменты. Указывая на деревянные кровати, разделенные небольшим промежутком, она сказала: :This is a bed of madam Roerich», «This is a bed of mister Roerich». Здесь все сохраняет прежний вид. Тяжелые тумбочки (от времени они потемнели, потрескались). На стенах на специальных подставках — керосиновые лампы с белыми матовыми пузырями. Электричества тогда не было, и приходилось рассчитывать лишь на такое освещение. Впрочем, нужда в них не отпала и сейчас. При мне несколько раз выходила из строя электростанция, и мы в темноте, чиркая спичками, зажигали керосиновые светильники.

Дверь из спальни вела в другую комнату с книжным шкафом у стены и массивным письменным столом у окна. Это был кабинет Елены Ивановны Рерих. Здесь она работала: ранним утром при свете восходящего солнца, вечером — при свечах. К свечам у Елены Ивановны было особое пристрастие, и она не отказалась от них даже тогда, когда в доме появилось электричество. Выступающие стены угловой комнаты застеклены, и из окон открывается воистину божественная перспектива. Голубой простор. Горы, покрытые лесом. Заснеженные вершины. Видна двуглавая гора, напоминающая букву «М». С легкой руки Елены Ивановны ее так и называли: «гора М». За окнами стояла тишина, прерываемая ровным рокотом реки Биас, бегущей по ущелью с севера

[1] **Вивекананда** (1863—1902) — великий философ и общественный деятель Индии, зачинатель национально-освободительного движения в Индии, первым в стране объявивший себя социалистом.

на юг. Река считается священной. По преданию, на ее каменистом берегу мудрец и поэт древней Индии Вьяси слагал Веды. Впоследствии река получила его имя: Биас — трансформированное временем Вьяси.

Святослав Николаевич провел нас по дому, который теперь больше уже походит на музей, а мы соответственно этому — на экскурсантов. Дом построен, сказал он, сто с небольшим лет назад. Строил его англичанин, хирург по профессии, полковник по званию. Хватка военного человека тут угадывается во всем. Здание надежное, основательное, кирпичные стены чуть ли не метровой толщины. Вознесенное на высоту двух тысяч метров, окруженное высоким забором, оно напоминает крепость.

От прежнего владельца, хотя усадьба попала потом в другие руки, осталось немало вещей. Когда Рерихи договорились о покупке дома, они были удивлены, что на столовом серебре, равно как и на садовой утвари, стояли буквы H. R.— английские инициалы Елены Ивановны (Helene Roerich). Это было совпадением: британского полковника звали Хенри Ренник.

Дом спланирован отлично. К комнатам для хозяев, для гостей, для прислуги примыкают ванные, совмещенные с туалетом.

Из спальни Рерихов — а именно отсюда мы начали свой обход — мы попали в широкий просторный холл. Здесь, в этом зале, где некогда стояла большая позолоченная статуя Будды — впоследствии старший сын Рериха Юрий Николаевич привез ее в Москву,— по вечерам собиралась семья Рерихов. Часы отдыха, часы сокровенных бесед. Заводили патефон, слушали любимые пластинки. Вагнер, Римский-Корсаков, Стравинский, Скрябин. От прежних времен в холле остались: на полу огромный персидский ковер, на стенах тибетские танки.

Дверь из комнаты направо ведет в гостиную с верандой, или, точнее, с балконом, превращенным в веранду. Дверь налево ведет в комнату Святослава Николаевича и Девики.

Холл и гостиная — святая святых рериховского дома. Сюда в былые времена допускались лишь самые близкие люди. Обычно гостей принимали на первом этаже в столовой — главной официальной зале всей усадьбы. Столовая расположена симметрично холлу на втором этаже. Только дверь направо ведет не в гостиную, а в студию Николая Константиновича. Эта комната — мы задержались в ней надолго — с двумя гигантскими окнами, глядящими на запад, почти в течение двух десятилетий была рабочим местом художника.

Последний — гималайский — период был особенно интенсивным в творчестве Рериха. Из пяти или семи тысяч картин (точное количество полотен Рериха до сих пор не установлено) здесь написано около половины. Мастер гор, как его называли уже в те годы, почти ежедневно писал с натуры гималайские пейзажи. Гималайская серия по справедливости считается вершиной творчества Рериха. Она являет собой пример небывалого в истории мировой живописи одухотворенного синтеза тем, мотивов, сюжетов (очень часто легендарных) всех стран, всех континентов, всех народов. Но, как известно — и об этом не раз заявлял сам художник,— главные, ведущие темы ему дали две страны, в его сознании слившиеся в единую Державу Света: Россия и Индия.

Сейчас мастерская превращена в галерею, открытую для каждодневного посещения. На стенах развешано несколько десятков работ художника: этюды, небольшие полотна. Посетителей, когда наступает туристский сезон, немало.

Выйдя из галереи, мы очутились в саду, который не только ночью, но и днем нам показался похожим на чащу леса. Магнолии, лимонные деревья, высокие сосны. С крыши вниз головами свисают ящерицы. То и дело они срываются и шлепаются тяжело и звучно на землю. А вот

царь и повелитель здешнего сада — гигантский кедр, а под ним скульптура Гугу-Чохана — покровителя долины Кулу. Эта старинная скульптура знакома и по многочисленным фотографиям, и по портрету, написанному Святославом Николаевичем: он изобразил рядом с ней своего отца. Увековечена она и на картине Николая Константиновича. Кто бывал на его выставках, тот, наверное, запомнил выразительную фигуру каменного всадника на фоне фантастического цветения деревьев. Правда, пейзаж с той поры несколько изменился. Деревья вырублены, и сейчас Гугу-Чохан как бы парит в открытом пространстве.

По тропинке, выложенной камнями, мы спустились вниз к мемориалу Рериха. Мемориал, пожалуй, слишком громкое слово. Оно может ввести в заблуждение, ибо предполагает целый комплекс неких сооружений. А памятник художнику очень скромен. Это гранитный камень, некогда сорвавшийся с вершины. На нем на языке хинди высечена известная ныне всему миру надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Невысокая ограда. Цветы. Несколько минут мы стояли молча. Потом Святослав Николаевич в задумчивости сказал:

— Когда отцу говорили, дескать, трудно жить на чужбине, он возражал: «Индия не чужбина, а родная сестра Руси». Тем не менее до самой смерти все мысли его были о России. И даже после смерти. Когда сжигали тело отца, я помню, как в языках пламени лицо его медленно повернулось на север. В сторону России.

Нас позвали завтракать. В прохладном полусумраке столовой Девика обратилась ко мне с неожиданным вопросом:

— Мистер Сидоров, а не мешал ли вам спать нынешней ночью призрак?

Оказывается, дворец, в котором мы ночевали, как и положено любому порядочному старинному замку, имеет свое собственное привидение. Существует легенда, что в какие-то давние времена из-за несчастной любви там кончила жизнь самоубийством юная принцесса. И вот теперь после полуночи она бродит по комнатам замка, да еще с кинжалом в руках, до полусмерти пугая постояльцев. И особо дурной славой пользуется та комната, где мы расположились вчера с Ниной Степановной (кто знает, может быть, именно поэтому она и была незанятой?).

Я отвечал, что, судя по всему, роль этого привидения с успехом выполняла Нина Степановна. И рассказал ночную историю, что, естественно, вызвало дружный смех у Святослава Николаевича и Девики.

Честно говоря, наш ночлег в Рест Хаузе явно сослужил нам хорошую службу, ибо давал обильную пищу для шуток. А это с самого начала позволило создать непринужденную атмосферу за столом. У нас установилось негласное правило: во время завтрака и обеда не касаться серьезных тем и проблем, не обсуждать их. Зато не было конца веселым воспоминаниям (одна история влекла за собой другую), юмористическим предположениям («Вы провели с Ниной Степановной романтическую ночь в замке»,— не уставала со значением напоминать мне Девика). Она говорила также, что мы разбудили своим появлением их дом, что мы как будто вернули старые времена, когда точно так же не смолкали за столом смех и шутки.

О Девике Рани мы, разумеется, были наслышаны. Мы знали, что она — внучатая племянница Рабиндраната Тагора, знали, что в свое время она была самой популярной кинозвездой Индии. Газеты называли ее «индийской Мери Пикфорд». Имя Девики Рани неотделимо от

истории отечественного кино: она была не только знаменитой актрисой, но и постановщиком широко известных фильмов. Со Святославом Николаевичем они поженились в сорок пятом году. Сообщая в одном из писем об этом событии, его отец писал:

«Помимо великой славы в своем искусстве, Девика — чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый задушевный член семьи с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери».

Девика рассказала нам о том, как боязно ей было входить в семью Рерихов.

— Ведь они были Махатмы, а я — простой человек. Хотя Елена Ивановна и относилась ко мне замечательно и называла меня «маленькая Лакшми» [1], но на первых порах было очень трудно.

В том, что Рерихи — Махатмы, у Девики нет и тени сомнения. Понизив голос, она доверительно сообщила:

— Вы не представляете, как я испугалась, когда увидела вокруг спящего Святослава голубое пламя.

(Свечение, которое иногда можно наблюдать вокруг человека, в Индии называют аурой. Ее сейчас фиксируют при помощи приборов, изобретенных Кирлианом. Индусы верят, что некоторые люди обладают способностью видеть это свечение. Как я понял, Девика причисляет себя к таким людям. Голубой цвет ауры, по представлениям индусов, свидетельствует о большой духовной высоте и силе человека.)

— А вокруг мадам,— добавила Девика,— когда она спала, всегда горело голубое пламя.

О Елене Ивановне следует сказать особо. Как известно, и муж, и сыновья считали ее добрым гением своей семьи. В речи Святослава Николаевича постоянны ссылки на ее непререкаемый авторитет: «Матушка говорила», «Матушка нас призывала». «Ведущая» — так многозначительно назвал Николай Рерих картину, посвященную Елене Ивановне: женщина ведет своего спутника по крутым обрывистым тропам на светящуюся вершину. Нет ни одной живописной работы Рериха, в которой Елена Ивановна не принимала бы участия. Сюжеты многих картин — лучших картин! — заявлял художник — подсказаны ею. О ее жизни, поражающей воображение постоянным горением духа и сверхчеловеческим напряжением физических и внутренних сил, можно написать целую книгу. Я думаю, что со временем такая книга — и не одна! — будет написана.

Принадлежа к родовитой фамилии — достаточно сказать, что Елена Ивановна была правнучкой фельдмаршала Кутузова, племянницей Мусоргского,— признанная красавица своего круга, она имела возможность сделать блестящую партию. Пророчили ей и великую музыкальную будущность: в ней рано проявился дар пианистки. Но Елена Ивановна предпочла другое. Соединив свою судьбу с судьбой Николая Константиновича Рериха, она избрала многотрудный путь первопроходцев, поставивших перед собой целью синтез восточной и западной духовной культуры. Елена Ивановна много переводила; ее перу принадлежат опубликованные под псевдонимом книги: «Основы буддизма», «Криптограммы Востока». Издано два тома ее писем. Но главный жизненный и духовно-творческий подвиг Елены Ивановны заключается в том, что, общаясь с Махатмами, она сделала достоянием нашего времени их огненную йогу (Агни-йогу), обобщающую опыт прежних йог и дающую древним символам и древним принципам современное научное толкование. Книги, в которых изложены мысли духовных Учителей Востока — их первые публикации относятся к двадцатым — тридцатым годам,— известны под общим названием «Живая этика». Ныне стано-

[1] Лакшми — в индийской мифологии богиня счастья.

вится ясным, что в них поставлены ключевые, неотложные для нашего космического века проблемы.

— Рерихи в Индии на особом положении,— продолжала рассказ Девика.— К нам приезжают, у нас живут немцы, англичане, американцы, французы. Некоторые из них искренне пытаются приспособиться к нашим условиям, ходят в наши храмы, носят нашу национальную одежду. Они становятся как бы индусами. А вот Рерихи в Индии не приспосабливались, они всегда в ней оставались русскими. Но именно они-то и нашли путь к индийской душе, а не те, которые усвоили некоторые особенности нашего внешнего поведения.

Те, кто видел Девику, знают, сколь удивительно ее сходство с изображениями на портретах Святослава Николаевича. Оно тем более удивительно, что минули годы и десятилетия, а Девика все та же. Можно подумать, что она обладает секретом вечной юности и красоты. Некоторые в этом уверены. Помню, как в Москве, улучив удобный момент, моя жена просила Девику поделиться рецептом неувядающей молодости. «Может, нужен какой-то строгий режим дня и питания? — спрашивала она.— Может, существуют какие-то определенные упражнения?» Смеясь, Девика отвечала: «Весь секрет в том, чтоб в голову не приходили никакие желания». Это, по всей вероятности, соответствует истине, но тем не менее Девика — я-то знаю — ежедневно занималась упражнениями по системе йоги, и на них у нее уходило довольно много времени. Из-за этого, как правило, она не появлялась к завтраку.

В Индии хорошо усвоили мысль о том, что тело является своеобразным слугой, причем подчас — весьма строптивым.

Тело в трамплин превращаться не хочет.
Хочет слуга, чтоб служили ему.

Поэтому «слугу» здесь стараются держать в ежовых рукавицах. А вот к нашему увлечению йогой в Индии относятся сдержанно, порой — отрицательно. Узнав о том, что я пытаюсь ставить дыхание по методу Вивекананды, то есть вдыхаю воздух одной ноздрей и, задержав его на несколько секунд в себе, выдыхаю через другую — об этом я сообщил с чувством некоторой гордости,— Девика испуганно всплеснула руками.

— Мистер Сидоров, неужели вы не понимаете, что в условиях города вы вдыхаете яд, а применяя йоговский способ, насыщаете ядом все клетки своего организма. Такие упражнения у нас делают где? На берегу реки, в лесу, в горах.Кстати, не думайте, что везде и всюду можно принимать любые асаны. Самые сложные из них в городе, например, абсолютно противопоказаны.

В Индии, как я убедился, считают, что система физических упражнений, именуемая хатха-йогой (а в основном у нас увлекаются ею), ни в коей мере не может являться самоцелью. Предупреждают, что при низком нравственном уровне человека она обязательно даст уродливые последствия. Хатха-йога, считают здесь, может играть лишь вспомогательно-подчиненную роль на путях внутреннего совершенствования человека. В Индии выделяют четыре главных пути такого совершенствования и соответственно этому выделяют четыре главных йоги: бхакти-йогу (путь любви к людям), карма-йогу (путь постоянного действия), жнани-йогу (путь знания) и, наконец, царственную раджа-йогу (путь исключительно духовных углубленных медитаций и безмолвия).

Неверными оказались и наши предположения насчет вегетарианской кухни в гималайском ашраме[1] Рериха. Мы ехали к Рерихам в полной

[1] Ашрам — школа духовного воспитания человека. Как правило, такие школы располагались в уединенных местах, в высоких горах, на пустынных берегах рек.

уверенности, что какое-то время нам придется поститься. Мы знали, что родители Святослава Николаевича были вегетарианцами, он, мы полагали, тоже. Но нет. В первый день на обед нам подали куриные котлеты. На другой день — баранину. Хозяева, как и мы, спокойно ели мясо.

Точка зрения Святослава Николаевича на вегетарианство проста. Воздержание от мясной пищи — вещь хорошая. Но вегетарианство, как и хатха-йогу, нельзя превращать в самоцель. Если б дело сводилось к отказу от определенного вида пищи, то задача духовного преображения человека крайне бы упрощалась. Стал вегетарианцем, и ты — на высоте. Но в действительности все обстоит несколько иначе. Если гений и злодейство — вещи несовместные, то вегетарианство и злодейство могут, увы, преспокойно уживаться в человеке.

И потом. Быть или не быть вегетарианцем в значительной мере зависит от условий, в которых ты живешь, от обстоятельств, в которых ты очутился. Вивекананда был строгим вегетарианцем. Но в Америке он делал то, что абсолютно неприемлемо для правоверного индуса,— ел говядину. Не надо быть рабом буквы догмата. Остальное, как говорится, приложится.

На почве увлечения вегетарианством со Святославом Николаевичем случилось забавное происшествие. В молодости ему пришлось жить в Париже. В то время в Париже был ресторан — модный и потому довольно дорогой,— который специализировался на вегетарианских блюдах. Святослав Николаевич усердно его посещал. Потом на некоторое время он уехал из Парижа. Вернувшись, он повел свою спутницу — тоже убежденную вегетарианку — в этот ресторан. Метрдотель сразу узнал постоянного посетителя. «Месье, вы очень давно у нас не были». «Я находился в отъезде,— сообщил Святослав Николаевич,— и соскучился по вашей кухне. Особенно мне нравятся ваши овощные супы». Метрдотель согнулся в учтивом поклоне: «О да, месье. Мы ведь делаем их на изысканном мясном бульоне».

Мы весело засмеялись, представив себе, какие лица были у Святослава Николаевича и его спутницы. По словам Святослава Николаевича, та чуть не упала в обморок.

Я сказал, что аналогичная история была и со Львом Николаевичем Толстым, которому Софья Андреевна, заботясь о здоровье мужа (и, конечно, тайком от него), знаменитые рисовые котлеты тоже готовила на курином бульоне.

— Так что, очевидно, справедливо старинное изречение,— заключил я.— Враги человеку — ближние его. Мешают ему, не дают ему стать совершенством.

После обеда в доме Рерихов воцаряется тишина. По порядку, заведенному исстари, все расходятся отдыхать по своим комнатам. Мне не спалось. Я ходил по кабинету Елены Ивановны, трогал руками вещи, любовался горным пейзажем, снегами, сверкающими на солнце, облаками, что наползали на седловину хребта. А потом за столом, где стоит письменный прибор Елены Ивановны, знакомился с материалами военной поры.

От Святослава Николаевича я знал, как встретила весть о начале войны маленькая русская колония в Гималаях. На другой день Юрий и Святослав Рерихи дали телеграмму в Лондон нашему послу Майскому с просьбой зачислить их в ряды действующей армии. Каждый вечер у радиоприемника собиралась вся семья. Слушали московские известия. Святослав Николаевич показывал старые английские газеты с лаконичными сообщениями:

«Академик Рерих и его сын Святослав пожертвовали на Русский

Красный Крест 500 английских фунтов и 10 000 рупий на военные нужды».

«Издательство «Китабистан» в Аллахабаде к семидесятилетию академика Рериха выпускает 12-й том его сочинений под названием «Химават» в пользу Русского Красного Креста».

И вот записи, сделанные рукой Николая Константиновича Рериха в период Великой Отечественной войны. Тревожные и горькие вначале, они становятся все более радостными по мере приближения войны к концу.

«Русские славные победы гремят. Подвиг совершается, «идет война народная, священная война». Эти дни мы все слышали о наших прежних местах. (Запись помечена четвертым февраля сорок четвертого года.) Вот наша станция Волосово, а теперь она уже город. Леможа, Заполярье, Извара — все наши места. Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями.

Все-таки мало знают нашу великую Родину. Хорошо еще, что умножаются уроки русского языка. Пишут, что в России теперь кличка «антикультурный» является ругательством. Русские воины идут вперед с кличем «За Толстого! За Пушкина!» Знаменательно.

Какая героическая молниеносность в русских победах! Неслыханно, чтобы в один день брать тысячи мест, и среди них первоклассные крепости! Какая-то непобедимая лавина! Что-то суворовское и кутузовское!

Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине. 1756, 1813, 1945 — каждое столетие.

Много русских сердец поверх всех преходящих трудностей живут о славе любимой Родины. И эта слава рождается не из шовинизма, но из быстрокрылой мечты о светлом будущем. Привет всем народам Великой Руси. На пожарище возведется дом прекрасный. Израненные стены и башни вознесутся еще краше. Народы еще глубже поймут ценность своего творческого достояния. Да будет! И будет расцвет мысли и творчества».

После чаепития, которое в доме Рерихов тоже является традиционным, мы перебрались в гостиную.

— Вот здесь,— Святослав Рерих указал на угол комнаты, где стояли кресла с выцветшей ситцевой обивкой,— беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с отцом, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу. Здесь он провел неделю. Я воспользовался случаем и написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что о нем знаю, вижу и видел в нем.

Из очерка Николая Константиновича «Неру» мы знаем характер и

содержание бесед. «Говорили об индорусской культурной ассоциации»,— сообщает Рерих. «Пора мыслить о кооперации полезной, созидательной».

Если вспомнить, когда проходила встреча — разгар войны, страшное лето сорок второго года,— то становится понятным, что так спокойно, так обстоятельно о проблемах будущего могли беседовать люди, абсолютно уверенные в будущем. Так могли беседовать лишь мудрецы, которым оно открыто.

— Неру с чувством высочайшего благоговения относился к Ленину,— говорит Святослав Николаевич.— Он считал его Махатмой. Если вы читали его письма, то, конечно, знаете это.

Я читал эти письма — они составили книгу «Взгляд на всемирную историю»,— перед отъездом их вновь перечитывал и отлично помнил слова, адресованные Джавахарлалом Неру своей дочери.

«Год, в котором ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России и Сибири».

— Получилось так,— завершает рассказ Святослав Николаевич,— что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичане вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец. Неру, будучи уже премьер-министром, открывал в Дели первую посмертную выставку моего отца.

От майских дней сорок второго года осталась фотография. Впоследствии она не раз репродуцировалась в журналах и газетах. На переднем плане снимка — Джавахарлал Неру, Николай Рерих, Индира Ганди, Святослав Рерих. На заднем — под большим зонтиком от солнца — Елена Ивановна. Лица ее не видно. Елена Ивановна не любила фотографироваться и соглашалась сниматься лишь в самых исключительных случаях.

Конечно, и в этот день, и в другие, я расспрашивал Святослава Николаевича о нем самом, о его картинах, о его творческих установках. Он охотно отвечал на мои вопросы.

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству — в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался всем, что природа нам дает. И теперь ничто не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разлита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жизни насекомых. И эта радость, которую я ощутил именно в контактах с природой, и есть ключ к моему творчеству и моим картинам.

...Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю во всем, во всем ее сверкании очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг это сделать.

...Мой подход к Индии был не только через искусство, но и через мысль Индии, являющуюся совершенно исключительным феноменом. Она выкристаллизовалась на протяжении столетий, тысячелетий в замечательные философские системы. Все это говорит о древней культуре, которая пронизывает все искусство. Эта культура исключительно высокого уровня, это то, что делает Индию великой страной.

...Можно ли сказать, что мне помогает русский реализм? Да. Мои истоки в России. Я был полон русским искусством, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Невзирая на все уважение к традициям дома, мы в первый же день внесли изменения в устоявшийся распорядок. Припозднились основательно. Перед сном Святослав Николаевич провел нас на балкон, чтобы мы рассмотрели здешнее ночное небо. Указывая на яркий звездный сектор, сказал:

— Созвездие Ориона.

Это созвездие пунктуально, примерно в одиннадцать вечера восходит над гималайским домом Рерихов.

«Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «я». Кто ищет, отягощенный страстями, тот еще больше заблуждается.

Если человек говорит, что любит науку, а не любит людей, для которых он ищет знаний, не видит в людях высших целей — он только гробокопатель науки. Если человек идет по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех, кто сопровождает его в этой жизни, он не дойдет до тех высших путей, по которым идут истинно великие люди. Если в человеке атрофируется нежность, доброта по мере того, как он восходит в высокие степени учености и славы, он сам лишает себя всех возможностей достичь радости общения с людьми, пленяющими его полнотой и размахом своей деятельности. Точно так же обстоит дело и с любовью к природе. Чтобы заметить ее усилия помочь каждому любить ее в себе и себя в ней, надо научиться замечать подвиг жизни своей родной матери. Научиться любить ее, чтобы во всю дальнейшую жизнь навсегда знать, что такое любовь.

Всякая форма любви, где есть страх, непременно будет безобразной.

Ты должен думать, и думать очень крепко, чтоб в сердце твоем не шевелился червь ревности. Большего ужаса, чем пронизать свою жизнь припадками ревности, нельзя себе и представить. Всю жизнь себе и окружающим можно отравить и даже потерять весь смысл долгой жизни только потому, что дни были разъедены ревностью. Можно иметь великий талант, можно увлечь человечество в новые сферы литературы, музыки, живописи — и все же создать себе такую железную клетку страстей в личной семейной жизни, что придется годы и годы изживать ту плесень на своем духе, что нарастил в ревнивой семейной жизни.

В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле или их предрассудки и суеверия или их себялюбие. Истинной любовью будет лишь та, которая раскрывает все способности и таланты к творческой деятельности, которая освобождает дух человека.

Всякая разлука только до тех пор мучительна, пока у человека не созреет сила духа настолько, чтобы посылать творческий ток любви своему любимому с такой энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа так же развивается, как и всякая иная способность человека. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельсов для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Не забывайте, что самые важные встречи человека — это его встречи с детьми. Обращайте больше внимания на них — мы никогда не можем знать, кого мы встречаем в ребенке.

Ребенок — это не тиран, который завладевает всею твоею жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от всего мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок — это новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, у которых будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная на хранение.

Не забывайте, что дети, родившиеся у вас,— не только плоды плоти и крови, принадлежащие вам. Но это те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, улучшение и развитие в них их творческого огня. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что в вашем доме им пожить и погостить суждено какое-то время, чтобы созреть к собственной жизни.

Дети не только цветы земли. Они еще и дары ваши всей Вселенной. Через них вы или помогаете возвышаться человечеству, или остаетесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего леса, лишь через тысячи лет родятся уголь и алмаз.

Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного челоеека до конца, вы — именем его — будете служить миллионам.

Если сегодня любовь в сердце однобока и может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра — по тем или иным причинам — сознание человека может расшириться, и он охватит своею любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что есть везде и всюду такие же люди, как он сам. Этот человек мог продвинуться дальше и выше. Другой мог сильно отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажмуриться, чтобы иметь возможность на него посмотреть.

Важнее для праведника указать другому путь в рай, хотя бы самому и споткнуться. Не тот день считай счастливым, который тебе что-то принес приятное, а тот, когда ты отдал людям свет сердца. Вглядывайся во всех встречаемых. Если ты встретил человека и не сумел подать ему утешающего слова — ты потерял момент счастья в жизни.

Верьте не в чудеса вне вас, а в чудо живущей в вас самом любви, притягивающей к себе весь огонь сердца встречного.

В любви не стоят на месте. Любовь — живая сила, и ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Любовь признает один закон: закон творческой отдачи. И все то, что ты отдаешь людям, любя их, снисходя к ним, все это, как ручьи с гор, посылает тебе Жизнь.

Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца на-

до молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся, ибо в каждом живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого.

Держи сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Лей молча любовь и не приходи в отчаяние, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и непросветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас.

Действовать не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить пробуждение в дух человека, хотя бы вовне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

Сострадать — значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное, чистое сердце могло свободно лить свою любовь. А любовь, пощада и защита — это далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, это и удар любящей руки, если она видит, как падает дух человека, чтобы трамплином своей силы подкинуть огня в снижающийся дух и энергию человека. Это и награда за текущий день, прожитый в чистоте и творчестве.

Не отчаивайся, не считай себя бессильным в иные моменты жизни, когда стоишь перед скорбью и смятением человека и думаешь, что не можешь ему помочь. Нет таких моментов, где бы чистая любовь и истинное сострадание были бессильны, не услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые силы проявляются мгновенно внешней помощью встречному. Факты внешнего благополучия, единственное, что ценят люди как помощь, далеко не всегда составляют истинную помощь. Но каждое мгновение, когда ты вылил помощь любви, как самую простую доброту, ты ввел своего встречного в единственный путь чистой жизни на земле: в путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Разбив в сердце и уме страдальца предвзятое представление, что Жизнь вооружилась против него, что его грехам нет прощения, что, будучи грешным, он не может уже выйти на путь Света и нести этот Свет другим, ты разбиваешь перегородки авторитетов и предрассудков и создаешь ему новые борозды, куда потечет его мысль с этого мгновения.

Никогда не отчаивайся и силу понимай во внутренней работе твоего собственного духа. И чем выше будут твои бескорыстие и радость, когда будешь принимать в сердце скорбь встречного, тем увереннее повернутся факты серого дня для встреченного тобою страдальца. И тем скорее, проще, легче сойдет с него очарование скорби.

Разве любовь умаляется в человеке оттого, что она пролилась и кто-то ее не подобрал? То место, где ты пролил любовь, будет местом мира, хотя бы другой человек при тебе не утешился и остался беспокойным. Твоя любовь, если она была действенна, если Жизнь в тебе неслась вихрем радости к сердцу несчастного, что тебя не понимал, всегда создаст вокруг него освежающую струю. И, оставшись один, он успокоится, приведет себя в порядок и скажет другим: «Я нашел решение своим вопросам».

Поэтому неси только Свет и Мир, неси всю любовь сердца, стой перед Вечностью на дежурстве и не думай о последствиях встречи.

Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о мире, о живущих в нем людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что в момент сосредоточения и тишины вы не видите людей и мир. Вы — люди, вы — мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им успокоение.

Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

Чем выше и дальше каждый из нас идет, тем яснее видит, что предела достижения совершенства не существует. Но дело не в том, какой высоты ты достигнешь сегодня. А только в том, чтобы двигаться вперед вместе с вечным движением Жизни. А войти в него, в это движение, можно только любовью. Если сегодня ты не украсил никому дня твоей простой добротой — твой день пропал. Ты не включился в вечное движение, в котором жила сегодня вся Вселенная; ты отъединился от людей, а значит, не мог подняться ни к какому совершенству. Туда путь один: через любовь к человеку.

Никто не может быть отделен от человечества ни в чем: ни в дурном, ни в хорошем. В каждом из нас воплощено все человечество. Это не риторический оборот, не художественный образ, а реальная действительность.

Все низменное и дурное, вызывающее у тебя естественное чувство отталкивания, протест, брезгливость, живет и в тебе же самом, но оно живет в связанном состоянии, запрятанное так глубоко от тебя, что ты об этом и не подозреваешь. Иногда необходимо чрезвычайное обстоятельство, чтоб оно выявило себя.

Из этого вытекает призыв к неосуждению, которое имеет практический результат для самого тебя: отрицая и обличая других, ты не подозреваешь, что отрицаешь и обличаешь самого себя. Неосуждение важно еще как этап, предшествующий состраданию. Целительная сила сострадания, как некий бумеранг, возвращаясь к тебе же, помогает изжить в тебе то, что глубинно и подчас скрыто от тебя.

Но если в тебе живет все дурное и низменное, то, с другой стороны, в тебе живет все высокое и героическое. Но оно тоже находится в тебе в связанном состоянии, неосознанное тобою. Понимание этой стороны дела уничтожает питательную почву зависти: все высочайшее, что доступно избранным человечества, доступно и тебе. Просто нужно быть внимательным к себе и не бояться себя и силы своей.

Все действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединиться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей и ловишься сам. Тобой создается та или иная атмосфера добра или зла.

Постигни, что служение ближнему — это не порыв доброты, когда ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия

поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной валютой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты связал закрепляющие узлы. Оцени радость жить не для созерцания мудрости, не для знания и восторгов любви, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности обстоятельств»[1].

Утром, причем довольно рано, меня разбудил мелодичный звон колокольчика. Его сопровождало монотонное пение. Звон колокольчика повторялся потом каждое утро, и однажды я спросил у Святослава Николаевича: что это значит? Он пояснил, что, по представлениям индусов, дом его отца — ведь отца здесь называют то Махатмой, то Махариши, то Гуру-Дэвом — священный. Поэтому каждый день вне зависимости от погоды (жара ли, холод, дождь, снег, вьюга — все равно) местный пандит совершает ритуальный обход вокруг дома. Такова традиция.

После завтрака Святослав Николаевич уехал по делам в город. Я же отправился бродить по саду, опять спустился вниз к памятнику Рериха. Возвращаясь, я увидел, что у кедра-великана пандит (тот самый, что разбудил меня утром; он был смугл, худощав) готовится к какому-то обряду. Глиняная чаша была наполнена водой. На постаменте статуи у ног Гугу-Чохана горели благовонные палочки. Потом я узнал, что за два месяца до нашего приезда в дерево ударила молния. Ударила странным образом, не обуглив его, а как бы прорезав секирой. Пандит должен был спросить небо: к чему это — к добру или не к добру? Обряд-гадание заключается в следующем. В воду опускаются три навозных шарика: один — с лепестками розы, другой — с зернышками риса, третий — с травой. Если всплывет шарик с розой — значит к добру, если с рисом — то это еще полбеды, нужно принести очистительные жертвы и все будет в порядке, а вот если с травой — тогда худо. Всплыл шарик с лепестками розы.

Но этого я уже не видел, потому что прошел к себе, чтоб сделать кое-какие пометки в блокноте. Правда, уединение мое длилось недолго, ибо почти немедля Девика послала за мной.

Надо сказать, что Девика принимала во мне — очевидно, как в бывшем индусе — самое живое участие. Она без конца забрасывала меня вопросами: как я себя чувствую? почему грущу? (если на минуту я позволял себе задуматься). Слова «мистер Сидоров» не сходили с ее языка. Она гадала мне по руке и, как водится в таких случаях, наговорила мне кучу приятных вещей.

На этот раз она хотела познакомить меня с пандитом. Мы — Девика, Нина Степановна, я — уселись в плетеные кресла в тени деревьев, а пандит, подобрав ноги под себя, под палящим солнцем, которого он, по-видимому, не опасался,— на земле. Он начал петь, покачивая равномерно головою в такт пению.

— Ригведы,— сообщила Нина Степановна.

В смысл слов я, естественно, проникнуть не мог, но сам ритм был замечательный: бодрый и в то же время умиротворяющий.

Короткая пауза: мы воспользовались ею, чтоб передвинуться поглубже в тень. А пандит поднялся и запел стоя, воздев свои руки к солнцу.

[1] Не правда ли, как это созвучно возвышенно-сострадательной традиции нашей русской литературы? Вспомните Достоевского, для которого одна-единственная слезинка ребенка могла пошатнуть всю гармонию мира и даже разрушить ее, вспомните стихи Маяковского: «Кровь! Выцеди из твоей реки хоть каплю, в которой невинен я!»

Ритм пения резко изменился. Мне даже почудилось, что он стал несколько угрожающим.

— Гимн в честь огня,— сказала Нина Степановна.

Свет есть огонь, разжженный огонь,
Огонь, которым управляют боги.

Этот мантрам о космическом огне, пронизывающем нашу земную сферу, мне показался довольно примечательным. С помощью Нины Степановны я записал его в свой блокнот.

«Огонь подступает к домам, лижет лица людей, а люди не знают. Но все ли люди не знают? Не все.

Тот, кто знает, но хочет знанье свое схоронить от людей — будет сметен!

Тот, кто знает, но в страхе свои закрывает глаза — будет сметен!

Тот, кто не знает и знать не захочет — будет сметен!

Тот, кто не знает, но сердцем чист, как дитя,— будет спасен!

Огонь на огонь — в этом ваше спасенье. Утончайтесь духовным огнем, берегите сердец чистоту.

Аум».

Но вот пение кончилось, и начался наш гималайский сатсанг. Пандит высказал твердое убеждение, что наша сегодняшняя встреча в сердце священных гор может означать лишь одно: все мы связаны кармически прежними рождениями.

Я спросил у пандита, где он учился, откуда он знает столь досконально Веды (Девика говорила, что он может читать их часами наизусть).

Оказалось, что пандит не получил никакого образования — даже обычного, школьного,— а учился он у Махатмы, который жил некогда неподалеку отсюда в горной пещере. Будущий священнослужитель был мальчиком, когда Махатма взял его к себе. Двенадцать лет он был его учеником.

— А потом,— пандит взмахнул руками, как крыльями,— Махатма улетел.

— Как улетел?

— При помощи воздушной йоги. Как птица.

Поскольку в рассказах индусов порою очень трудно провести грань между действительностью и воображением (а сами они, убежденные в реальности тех или иных феноменов, не утруждают себя более или менее весомыми доказательствами), приходится это сообщение, как и многое другое, оставить на совести собеседника.

Узнав о том, что я пишу стихи, пандит одобрительно кивнул, присовокупив к этому короткий мантрам, который в переводе выглядит так:

А творчество возникло из молитвы.
Да будет вновь молитвою оно!

Он убеждал меня быть устремленным в сторону вечного и духовного («Сейчас, как никогда, это исключительно важно для всех людей на земле».). Однако мне, по мнению пандита, следовало освободиться от большого внутреннего недостатка: его можно назвать самопогруженностью, можно — самовлюбленностью, а если быть совсем точным, то привязанностью к своему низшему «я».

— Когда пишешь,— учил меня пандит,— ты должен как бы отойти от жены, от семьи, от всего внешнего. Ты должен быть отстраненным, как махараджа. И все придет само по себе.

Когда я возразил, дескать, трудно полностью отключиться от забот, от суеты, пандит отвечал: совсем не трудно. Нужно решиться лишь один раз и потом не сворачивать с пути.

— Но,— пандит предостерегающе поднял указательный палец,— ни

на мгновенье не надо забывать: все, что звучит в тебе, идет не от тебя, а через тебя, сверху. Необходимо все время помнить об этом.

Должен признаться, что на первых порах меня поражало — потом я привык — упорное стремление индийского собеседника оберегать высокие слова, если они произнесены по тому или иному поводу, от давления своей личности. «Не я, а через меня». В какой-то момент разговора вам обязательно скажут это. Девика, которая призывала меня, собственно, к тому же, к чему призывал пандит, не уставала напоминать: «Но это не Девика вам говорит, а через Девику вам говорится». То же самое заявлял и пандит, когда напутствовал меня, прощаясь. А сказал он мне следующее:

— Вся жизнь — ряд черных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чье ожерелье жизни состояло бы из одних только розовых жемчужин. В каждом ожерелье чередуются все цвета, и каждый связывает жемчужины шнурком своих духовных сил, нося все в себе.

Есть ученики, дарящие жемчужины черные: они идут путем печалей и несут их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, дарящие всем розовые жемчужины радости, и тот путь тебе определен.

Но навсегда запомни, что путь ученичества равно велик перед Вечностью, несешь ли ты в своей чаше розовые жемчужины радости или черные жемчужины скорби. Чаша радостного только кажется легче. На самом же деле людям одинаково трудно нести в достоинстве, равновесии и чести и чашу радости, и чашу скорби.

— Собственно, что такое радость? Если есть примесь личного, то это не радость. Подлинная радость не имеет точки отсчета, ибо личность растворена в Беспредельности. Существо дела можно выразить словами: радость — это жизнь Беспредельного в тебе и через тебя.

Так говорил Святослав Николаевич, продолжая тему, затронутую пандитом. После обеда и короткого отдыха хозяева вызвались показать нам ближайшие окрестности. Мы вышли за ограду дома и вскоре очутились в лесу. Нас предусмотрительно снабдили палками, потому что лес изобиловал крутыми спусками и подъемами и на узкой тропинке легко было поскользнуться. Мне вручили толстую трость с монограммой: N. K.

— Если тоска — это сужение сердца, то радость — его расширение. А радостное расширение сознания называется мудростью.

В некоторых духовных источниках страданию противопоставляется радость, что, на мой взгляд, совершенно неправомерно. Эта дуада противоположностей, очевидно, должна выражаться словами: страдание — удовольствие. Радость (если мы определяем ее как особую мудрость) может быть связана с состоянием удовольствия и страдания, а может быть не связана. Не секрет, что удовольствие, особенно низменного плана, ведет отнюдь не к радости, а к разочарованию и скорби. А страдание, внутренне осмысленное и внутренне пережитое, может привести в светлую гавань радости. Во всяком случае, радость — это то свойство души и духа, к которому надо стремиться, а не изживать, и потому не следует ставить радость в дуаду противоположностей.

Спутницы, увлеченные своим женским разговором, сильно от нас поотстали. Поджидая их, мы сели на сваленное ветром дерево. Святослав Николаевич снял шляпу, положил ее на колени. На его мизинце веселым синим светом играл сапфир. («Дар реки Биас»,— рассказывал Святослав Николаевич. Он нашел камень на берегу реки и отдал оправить его.)

— Мудрецы утверждают, что огонь творчества раскрывает двери духу, и потому творчество дает радость человеку, ни с чем не сравнимую. Путь искусства один из самых трудных на земле хотя бы потому, что не всем, как говорится, дано петь песню своей любви и кто-то дол-

жен петь песню любви лишь для других, проявляя тем самым величайшее самоотверженпе. Учителя Востока считают, что талант, гений не должен выбиваться из состояния радости, в котором он постоянно пребывает как гонец Света. Учителя Востока, обращаясь к служителю Муз, говорят...— Святослав Николаевич помедлил мгновение — память у него отличная, доброжелательно-строгим голосом произнес слова, по всей видимости, давным-давно ему известные: — «Если ты творил свое создание, наполненный личными чувствами, оно затронет в каждом только его личное, и больше ничего. Творец красоты несет ее людям, забыв о себе. Он творит там, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями». А, обращаясь к писателю, Учителя Востока говорят...— Святослав Николаевич хитро прищурился, глядя на меня: — «Пиши просто».— Он сделал многозначительную паузу.— И добавляют: «Но ведь какая бездна мудрости должна жить в сердце человека, чтобы сказать о жизни другого или о своей просто».

И вот что они еще говорят. Путь писателя разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Но, глядишь, прошло четверть века — и забыли писателя люди, хотя и читали его, и награждали его. Другой — мало или даже одну вещь написал, а живет его вещь века, в поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал — временное ему и ответило.

Другой осознал в себе единственную великую силу: огонь Вечности. Он и в других старался его подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов Вечности, и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как другой был счастлив, сливаясь с Вечностью, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать их жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало и стать в обстоятельства каждого, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Как вы знаете, мой отец считал, что наступает время для нового искусства, для искусства принципиально нового типа. Он был убежден, что старые формы художественного самовыражения, по существу, исчерпаны. Доказательство этому в литературе — Толстой и Достоевский. Они обозначили некий предел для искусства, который уже не преступишь, и они же, с другой стороны, вывели искусство на некий рубеж, за которым открываются совершенно новые перспективы. Толстой, как, может быть, никто другой, чувствовал, что новое вино вот-вот прорвет старые меха. Отсюда столь яростное отрицание прежнего себя. Ему казалось, что слово и жизнь разделяет какая-то зыбкая, почти не ощутимая грань. Еще шаг — надо его лишь сделать,— и она будет преодолена.

В чем различие между старым и новым искусством? На мой взгляд, оно в следующем.

Произведения старого искусства мы воспринимаем отстраненно, по большей части созерцательно. Конечно, читая того же Толстого или Достоевского, мы волнуемся, переживаем за героев, испытываем возвышенные чувства. Но, отложив книгу в сторону, мы, как правило, принимаемся за старое. Вот и получается, что искусство катится в одной плоскости, а жизнь наша — в другой. Они как параллели, которые пересекаются лишь в нашем воображении. Искусство нового типа, если хотите, является как бы эхом и отражением той Беспредельности, где эти параллели пересекаются не в воображении, а на самом деле.

Произведения нового искусства — тут прежде всего приходят на ум картины отца — требуют активности и, главное, немедленного подклю-

чения к их току. Контакт с его полотнами не может быть созерцательным. Или он есть, и тогда начинается устремленная внутренняя работа, которая представляет собой как бы совместную медитацию с автором, начинается трансформация, которая имеет шансы стать необратимой. Или его нет, и тогда произведение наглухо закрыто от тебя. В последнем случае требуется одно: не торопиться с выводами. Не надо спешить, не надо суетиться, а тем более в упрямой запальчивости отрицать. Может быть, время твое еще не пришло.

Отличительный признак наших дней — разрыв между мыслью и действием, которым болели предыдущие эпохи, должен сократиться, а завтра сойти на нет. Поэтому завет нового искусства: Мысль — Действие.

Но, конечно, вопрос не ставится в плоскости: какое искусство лучше — старое или новое? И, конечно, нет непроходимой границы между старым и новым искусством. В творениях мастеров прошлого можно увидеть проблески, вспышки искусства грядущего. Просто то, что у них было интуитивным, спонтанным, случайным, сейчас становится вполне осознанным и целенаправленным процессом.

Какие вещи я склонен отнести к искусству нового типа? Стихи-медитации моего отца (вы составляли его сборник и в предисловии слегка затронули эту проблему). И, разумеется, его полотна. Как вы знаете, в Индии их называют медитациями в красках. Это очень точно сказано, и вы правильно написали в свое время об этом:

Сиянье красок, рериховских красок —
Сверкающая мысль Учителей.

Вечером, отдавая мне очередные материалы для работы, Святослав Николаевич сказал:

— Здесь выписки из посланий Махатм. Мне представляется, что это подлинная программа того нового искусства, о котором мы с вами говорили сегодня.

В этот вечер я засиделся допоздна. При свете керосиновой лампы — электричество в тот день отключили — я знакомился с бумагами чуть ли не полувековой давности, собранными в кожаной папке. Вот что я прочел:

«Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый.

Но людей таких, чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности,— мало. Большинство старается примирить слово новое со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии — детские. Устойчивости в них нет, и Вечностью, в ней полагая весь смысл своего текущего сейчас, они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый.

Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход духу, живут, запертые в крепости ограниченно-заземленных идей ума не менее надежно, чем те миллионы, что постоянно ищут духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие духовную жизнь, часто бывают цельнее и находят путь к истине скорее и легче. Вторые — «искатели» — чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном, сером дне живя в лапах личных желаний.

Можно стоять у источника Жизни и не видеть его. Поэтому в предстоящих встречах никогда не удивляйся, если люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла. Будут знакомиться с твоими произведениями, выбирать то, что им будет нравиться, и пожи-

жать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоею им не нравящейся или им непонятною личностью, и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились и потому видеть не могут.

Старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух человека. Шаг за шагом показывай мощь духовного развития в простых, обычных людях, что строят новые формы быта только потому, что их собственная, в них живущая любовь не знает разъединения, а знает твердо и непоколебимо вечную смену форм Единой Жизни.

Проповедуй в произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и понять смысл жизни, кто в своем куске хлеба не ощущает горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти. Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущего. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть остов будущего человечества.

Неси не проповедь, ибо проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Гонец Света должен найти силу жить так, как звучат передаваемые им слова. Он должен утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Только тогда слова ваши взойдут как семена, а не как плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева.

Слово мира и любви неси не как возобновленный догмат: учи людей жить без догмата. Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельный труд, так и самостоятельное духовное развитие необходимо будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их ценного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите восходящих сейчас же плодов вашей работы. Вы — новые пахари; колосья созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвалы за ваш труд.

Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Вы будете унижены и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми. Им нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость — Действие. Она встречает каждого и Она же его провожает».

31 мая — четвертый день нашего пребывания в Гималаях — превратился в типично туристский день. С утра мы выехали в Манали, город, носящий имя древнего законодателя Индии Ману. Город — он в основном состоит из отелей (многие из них деревянные) и старинных индуистских храмов — расположен примерно в двенадцати милях от Наггара. Ныне он стал модным курортом. Летом, спасаясь от жары, сюда стекается много публики (как правило, это люди состоятельные).

В одном из отелей Святослав Николаевич снял для нас два гигантских номера: на первом и втором этаже. Меня погнали наверх.

Мой номер представлял собой четыре комнаты с ванной и верандой. Я понятия не имел, чем мне заняться, бродил по пустынным комнатам, рассматривая английские литографии на стенах, изображавшие старинный Лондон, Темзу под дождем, аккуратные зеленые лужайки. Окончательно соскучившись, спустился вниз.

На мой взгляд, не было особой нужды в таких роскошных апартаментах. Почти сразу по маршруту, намеченному Святославом Рерихом, мы направились в древний храм — храм богини Кали. Он находился в глубине кедрового леса. Когда-то в древние времена там совершались

ритуальные человеческие жертвоприношения. Так как мы постоянно шутливо пикировались с Ниной Степановной, то она предложила возобновить традицию и принести в дар богине мою голову.

— Ну зачем быть столь кровожадной,— возразил Святослав Николаевич.— Мы приготовили богине хороший дар.

Повинуясь его жесту, шофер вытащил из багажника большой полосатый арбуз.

Народу в храме было немного. Читали мантры, кидали к подножию статуи богини цветы и лепестки цветов. Вела службу невысокая жрица с приятным лицом.

Порядок службы, как я понял, особой строгостью не отличается. Прервав ритмическое пение, Девика что-то сказала громко и внятно. Взоры присутствующих обратились к ней. Указывая на меня, Девика сообщила, что я из Москвы, из России. Жрица и прихожане приветливо мне улыбнулись. Снова пение, снова мантры. И снова Девика прерывает службу, чтобы поделиться пришедшей ей в голову мыслью. Указывая на меня, говорит: «Когда гости посещают наши места, на наши поля нисходит благословение».

Святослав Николаевич увековечил на снимке нашу группу тотчас после выхода из храма. Мы сидим на бревне с улыбающимися, несколько отрешенными лицами. На лбу у меня пятнышко от цветочной пыльцы — результат благословения служительницы богини Кали.

После храма — благо это было неподалеку — тибетский базар. Он поразил нас разноязычным гулом, многолюдьем и... обилием хиппи.

Хиппи — длинноволосых, босоногих, в одеждах с яркими цветными заплатками — в то время можно было встретить и в Наггаре, и в Манали, и в других местах. Казалось, что они сговорились оккупировать долину. Они — с некоторыми из них мы заговаривали — съехались отовсюду: из США и Канады, из Англии и Франции. Особое впечатление произвела на нас голубоглазая шведка с двумя кудрявыми ангелоподобными мальчуганами: каждому из них пять-шесть лет, не более. Умиленная Девика гладила их по голове: сначала одного, потом другого.

Нашествие хиппи объяснялось двумя причинами.

Во-первых, относительной дешевизной здешней жизни.

Во-вторых — и это самое главное,— тем немаловажным обстоятельством, что в долине растет индийская конопля, из которой легко при помощи примитивных кустарных средств можно изготовлять гашиш. Хиппи — если не все, то многие — овладели этим способом добывания наркотического эликсира, курят в одиночку и группами гашиш и таким образом без особых трудов и усилий достигают блаженного состояния нирваны.

Местное население относится к ним лояльно. Они примелькались, на них уже и внимания не обращают. Хиппи вообразили, что они обрели землю обетованную. Они даже обратились в ООН с просьбой или требованием (соответствующая петиция была испещрена многочисленными подписями) разрешить основать в долине Кулу суверенное государство, где жили бы только хиппи.

Мы совершили экскурс по магазинчикам шумного торжища, где нам наперебой предлагали старину или подделку под старину. Как здесь принято, перед нами на прилавок, чтоб легче было выбрать, высыпали кучу самоцветных и полудрагоценных камней: бирюзу, бериллы, большие оранжевые топазы. Иногда в груде острыми гранями вспыхивал невиданный камн кристалл: относительно недорогой (ибо до уровня драгоценного камня он не дорос) белый сапфир. Но мы не прицениваись, мы просто любовались вещами. Выбрать для себя что-нибудь в подарок, как просил Святослав Николаевич, мы отказались. Тогда, не спрашивая нашего разрешения, он купил, чтобы осталась память об этом дне, изготовленные местными ремесленниками суконные шапочки с синими отворотами: одну Нине Степановне, одну мне, одну моей дочке — ей был тогда год — на вырост.

Обедали в отеле. Заказывая еду, мы ориентировались на европейскую кухню. Правда, на столе стояло — это уже инициатива Святослава Николаевича — и несколько индийских блюд. Он рекомендовал мне отведать местный фирменный суп, пододвинув тарелку с огненно-красной жидкостью. Но я был уже человек ученый и с опаской зачерпнул небольшую ложку варева, по виду похожего на томатный сок. Как я и ожидал, это оказалось острой, чуть ли не воспламенявшейся во рту смесью. Ни дать ни взять — гремучая ртуть.

— С меня достаточно,— решительно заявил я, отодвигая тарелку.— Мне кажется, я уже получил полное представление о местной кухне.

После обеда маршрут был продолжен. Пятнадцать минут езды на машине — и мы перенеслись на целую эпоху назад. Индийская деревня — почти точная копия какого-нибудь русского дореволюционного села. Была как раз пора обмолота (здесь снимают два-три урожая в год). Крестьяне с обнаженными спинами под палящим солнцем молотили деревянными цепами связки снопов. В пыли барахтались голые ребятишки. Очнувшись от сонного оцепенения, яростно лаяли на чужаков лохматые собаки. Казалось, что перед нами ожила живописная картина прошлого или позапрошлого века.

Правда, в отличие от нашей бывшей деревни дома здесь в основном двухэтажные, с просторными верандами. Но по существу это те же избы, только более высокие. Даже храм Рамы, куда с решительным видом повела нас Девика, был таким невзрачным, что, пожалуй, напоминал сарай.

Мы прошли внутрь помещения. В полумраке поблескивала бронзовая статуя. На ногах и торсе были заметны свежие довольно глубокие вмятины.

Жрец, сопровождавший нас, лаконично и сдержанно объяснил ситуацию. Оказывается, в последние годы на их долину обрушилось подлинное бедствие. Иностранные туристы — по словам священника, в большинстве случаев это американцы — на быстроходных машинах под покровом ночи совершают налеты на храмы, расположенные в глухих местах. Взламывают двери, тащат, что попадется под руку. Проникли они и сюда. Хотели похитить бронзовую статую. Но не учли, что она прочно вмонтирована в бетонный цементированный пол. Пытались взломать бетон, но не хватило времени. Тогда, очевидно со зла, что план не удался, нанесли несколько ударов по бронзовому изображению Рамы.

Солнечные лучи вспыхнули на металлическом лике божества, создавая иллюзию улыбки. Девика прошептала:

— Загадайте желание.

— Зачем?

— Не спрашивайте, но обязательно загадайте.

Потом с детской настойчивостью она допытывалась, что я загадал, но я отвечал, что это — секрет.

Лишь спустя несколько лет я догадался, зачем Девика заставила меня это проделать. Из трансгималайского дневника Рериха я узнал, что в Индии с долиной Кулу связано устойчивое поверье: здесь исполняется любое желание. Вот Девика и решила мне «удружить», не раскрывая в то же время непосвященному сокровенной тайны волшебной долины.

На обратном пути во исполнение заранее намеченной цели я остановил машину. Попросил спутников немного подождать, а сам спустился к реке, рассчитывая собрать на память о поездке два-три десятка гималайских камешков. Девика тут же отправила вслед за мной двух рослых слуг: а вдруг, не дай бог, я поскользнусь и упаду. Но я благополучно избежал их опеки и очутился на берегу стремительно несущегося потока. Конечно, я не был столь везуч, как Святослав Николаевич: никакого сапфира я не нашел. Но зато очень скоро сделался владельцем довольно большой коллекции камней разнообразных форм и оттенков.

Некоторые из них весело поблескивали искорками слюды. Потом в Москве я щедро одаривал этими гималайскими сувенирами своих друзей.

Возвратившись, мы увидели во дворе дома большую группу молодых людей. Это были студенты лесной академии, только что завершившие осмотр галереи Николая Рериха. Святослав Николаевич вступил с ними в разговор. А Девика прошла в дом, вынесла оттуда круглую коробку с конфетами и стала угощать слушателей. К тому времени Святослав Николаевич очутился в центре группы. С ходу он начал импровизированную лекцию об уникальной флоре гималайской местности. Надо сказать, что его познания в области ботаники основательны и обширны. В тридцатые годы, например, он сотрудничал во французских сельскохозяйственных журналах — там появилось немало его статей; в те же годы он вел переписку с директором нашего Института растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым, посылал ему по его просьбе опытные образцы семян редких злаков.

Из рассказа Святослава Николаевича больше всего мне запомнились его слова о валериане.

— Валериана и арника,— говорил Святослав Николаевич,— самые древние долгожители нашей планеты: им десятки миллионов лет. За долгие века человеческой истории накопилось немало сведений об их чудесных и врачующих свойствах. В древности сок валерианы называли животворящей кровью всего растительного мира. Валериановый напиток, изготовленный по рецепту гималайских риши, считался одним из самых действенных средств против болезней, прежде всего нервного характера. Способ его изготовления таков: чайная ложечка измельченного валерианового корня заваривается крутым кипятком; пропорция: стакан воды на ложечку; затем примерно полчаса воду настаивают, процеживают и пьют, как пьют чай.

Способ, как видите, прост, но зато не просты обязательные условия употребления лекарства. Их два.

Первое — регулярность. Чашку валерианового чая надо выпивать ежедневно, ни при каких обстоятельствах не допуская перерыва.

Второе — длительность. Валериановый чай следует пить по меньшей мере в течение полугода, а то и больше.

Кроме того, валериановый эликсир нужно использовать в комплексе с другими вещами. Рекомендуется, в частности, чтение книг, способствующих установлению духовного равновесия. Естественно также, что на это время полностью исключаются алкоголь и курение.

«Лекция» кончилась, но не кончились посетители. Едва мы со Святославом Николаевичем проводили студентов, как у ограды вырос высокий чернобородый юноша с жестким и упрямым выражением на лице. Он задал вопрос, который любого другого человека — но не Святослава Николаевича! — непременно бы ошеломил и поставил в тупик. Он спросил, не может ли мистер Рёрих подсказать, как пройти в Шамбалу? Не вдаваясь в длинные разговоры, «мистер Рёрих» спокойно и односложно ответил, что нет, не может.

Лицо юноши обрело еще более жесткое выражение. Он вновь обратился к Святославу Николаевичу:

— Может быть, путь в Шамбалу знают в буддийском монастыре; говорят, что он неподалеку отсюда.

Святослав Николаевич резонно заметил:

— Об этом надо спросить там. А путь в монастырь я вам могу показать.

Он объяснил, в каком направлении следует идти. Не поблагодарив, не попрощавшись, так же внезапно, как и возник, чернобородый путник исчез в наступающих сумерках.

4

Огонь космический давно бы сжег всю Землю,
Когда б не Шамбала. Она Огонь высот

Как бы экраном неким ослабляет,
Рассеивает жесткие лучи.

Духовной жатвы сроки настают,
И Шамбала в сердца людей стучится.

Не забывай о Шамбале подумать
В тревогах мира, в суете его.

Мысль к Шамбале твоя должна тянуться,
Дабы ее энергию впитать.

Зовите Шамбалу — она ваш зов услышит.
Идите в Шамбалу, коль чуете ее.

Ступеньки творчества всех истинных творцов
Ведут всегда в единую обитель.
Кто знает, не обителью ли этой
Они и посланы людей с собой вести.

...И осенен путь в Шамбалу словами,
Которые просты и не просты.
Три знака, три девиза, три призыва:
Бесстрашье. Бескорыстье. Беспредельность.

Огонь соединяется с Огнем —
Так Шамбала с тобой соединится.

Мы — тонкая материя Огня,
Духовный взлет и устремленность мысли.

Рать Шамбалы готова для похода.
Разведку боем начинайте вы.

Знамена Шамбалы незримые над вами,
Над теми, кто великий бой ведет.

А тьма должна достигнуть апогея,
Сгуститься, чтоб рассеянною быть.

Шамбала, по словам Николая Константиновича Рериха, краеугольное понятие Азии. Сокровенная священная страна риши и Махатм, подвижников и мудрецов в разных легендах и сказаниях выступает под разными наименованиями. Шамбала буддистов, она же таинственная Калапа индусов, она же обетованное Беловодье наших староверов, бежавших во времена церковного раскола на Алтай. Литература о Шамбале, содержащая самые разноречивые сведения, достаточно богата: не только сказки и мифы, тут и записи путешественников, и научные предположения. Наиболее полным образом все это систематизировано и обобщено в гималайском дневнике Рериха «Сердце Азии», во второй части его путевых записок — «Шамбала». Дневник вошел в книгу избранной прозы художника, опубликованной у нас в семьдесят девятом году. К ней я и отсылаю читателя, если он захочет глубоко и обстоятельно ознакомиться с данной проблемой.

Шамбала имеет свои географические ориентиры, правда, смутные и неопределенные: где-то в высоких горах, где-то в Гималаях, где-то в районе Тибета. Есть люди, якобы побывавшие в этой таинственной стране. Если верить их описаниям — а, разумеется, за достоверность их сведений поручиться нельзя,— то в гигантских библиотеках Шамбалы собраны уникальные манускрипты всех времен и народов, а ее лаборатории оснащены неизвестной человечеству техникой: научное исследование процессов на Солнце и космического пространства здесь велось тогда, когда люди еще были твердо убеждены, что Солнце вращается вокруг неподвижной Земли. В большинстве рассказов можно встретить упоминание о многоярусной Башне, где с незапамятных времен хранится главное сокровище Шамбалы — камень счастья (Чинтамани) — дар созвездия Ориона. Этот посланец Космоса вот уже в течение многих веков своими излучениями оказывает исключительно мощное и благо-

творное воздействие и на физическую атмосферу планеты, и на духовно-психическую (ноосферу, если прибегать к термину Вернадского).

Все описания сходятся в одном пункте: в этой заповедной и практически недоступной для людей горной стране живут просветленные существа, опередившие человечество в своем развитии на целую эпоху. Они давно уже овладели тонкими видами энергии, в том числе и так называемой психической энергией.

Благодаря Шамбале находит четкое логическое обоснование наличие тех эзотерических знаний древности, которые поражают наше воображение: трудно, например, понять, откуда задолго до развития современной астрономии могли появиться сведения о двух спутниках Марса. Теперь загадка получает ответ: видимо, все это — обрывки знаний, которые пришли из Шамбалы. Нет нужды объяснять, говорят люди, верящие в ее существование, почему посланцы Шамбалы делятся своими знаниями с сугубой осторожностью, почему посвящают они в свои тайны узкий круг определенных лиц. Ведь при невысоком духовно-нравственном уровне человека добро с легкостью превращается в зло. Превращается оно в зло и в неумелых руках: недаром говорится, что благими намерениями дорога в ад вымощена. Неизвестно еще, сколько раз преждевременно полученные знания являлись причиной катаклизмов и гибели тех или иных цивилизаций.

Нетрудно заметить, что эти сведения о Шамбале (пусть разноречивые, пусть полудостоверные) оказали определенное влияние на устремленную, ищущую мысль современности. Они получили причудливое преломление в научно-фантастической литературе (вспомним хотя бы многочисленные романы о неземных цивилизациях, опередивших нашу); отзвук их чувствуется в некоторых оригинальных космогонических концепциях. Ученые, принимающие Шамбалу в качестве рабочей гипотезы, считают, что это слово может обозначать пункт своеобразной стыковки Земли с Космосом. Через Шамбалу, предполагают они, Космос издревле осуществляет постоянные контакты с нашей планетой.

Итак, согласно этим представлениям, Шамбала имеет свое место под Солнцем. Но вот что очень и очень важно. Шамбала не только и не столько географическое понятие, сколько категория высокого духовного плана. Было бы наивным заблуждением думать, что, узнав о факте существования Шамбалы и преодолев физические препятствия, можно легко и просто достичь ее пределов (так, очевидно, полагал наш сегодняшний чернобородый собеседник). Простая логика подсказывает тут иное. Если Шамбала существует, то, используя тонкие и совершенные виды энергии, она в состоянии поставить вокруг своих границ невидимый, но непреодолимый заслон. Имеются факты, подтверждаемые авторитетными очевидцами, которые как будто свидетельствуют о наличии некоего защитного поля, воздействующего на психику и подсознание живых существ. Из рассказов Пржевальского и Рериха известно, что в центральной Азии есть районы, куда ни за какие блага мира вас не поведут местные проводники. Вблизи тех же заповедных границ животные испытывают необоримое чувство страха: останавливаются как вкопанные, и сдвинуть их с места практически невозможно. Известны феномены и другого порядка. Есть места, которые неожиданно пронизывает волна благовонных ароматов; в небе появляются аппараты странной формы (ныне они фигурируют под общим названием — НЛО).

Если учесть все эти факты и связать их с Шамбалой, то становится очевидным: чтобы попасть в Шамбалу, нужно, наверное, чтоб она пожелала принять тебя. А для этого, в свою очередь, нужно, чтоб, как говорили Учителя древности, «руки были чисты и слова мудры». Нужна внутренняя работа по преображению самого себя. Незыблемо было, есть и остается одно: царство истины внутри нас, главный источник знания в нас. Вскрой этот источник в себе, а все внешние обстоятельства не замедлят себя проявить в соответствии с твоим внутренним импульсом.

Понятие Шамбалы как бы соединяет и внешнее чудо (страна Махатм

и Учителей, которая в принципе может стать для тебя достижимой), и внутреннее, каковым является очищение и преобразование себя. Таким образом, это понятие, олицетворяя собой мечту о лучшем, о сказочном будущем, ставит ее на практические рельсы.

Несомненно, что пробуждению интереса к проблеме Шамбалы весьма способствовали исследования и книги Рериха, а также его знаменитая трансгималайская экспедиция двадцатых годов. В его записках можно найти сообщения о беседах с Махатмами, которых восточная традиция издавна считает представителями Шамбалы. Информация о беседах крайне скупа, но сам факт этих встреч Рерих не отрицает. Более того, собираясь в двадцать шестом году в Советский Союз, в Москву, он официально мотивирует цель поездки тем, что выполняет поручение Махатм. В июне двадцать шестого года Рерих вручил наркому иностранных дел Чичерину послание Махатм. Впервые опубликованное в шестьдесят пятом году в журнале «Международная жизнь», впоследствии оно стало широко известным, многократно перепечатывалось в журналах и книгах. Тем не менее, я думаю, будет не лишним напомнить содержание этого чрезвычайно важного и принципиального документа.

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотою. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага.

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет вам, ищущим Общего Блага!»

Рерих передал также Чичерину ларец с гималайской землей. В сопроводительной записке имя вождя революции впервые ассоциировалось со священным для всего Востока понятием — Махатма: «На могилу брата нашего Махатмы Ленина». «Не было другого, кто ради общего блага мог бы принять большую тяготу»,— говорилось о Ленине.

Пожалуй, глобальный и сокровенный смысл этого события состоял уже в том, что недосягаемые ранее небеса как бы заземлялись. То, что считалось далеким идеалом, сказкой, мифом, ныне на практике сближалось с политической реальностью нового времени — Советской Страной. Приветствуя от имени Шамбалы Октябрьскую революцию, Махатмы тем самым высвечивали, если хотите, ее космическую роль. Это было столь ошеломляющим, что не все подвижники Рериха на Западе могли бы вместить в свое сознание всю значимость события. Вот почему о миссии Рериха были осведомлены лишь самые ближайшие друзья. Другие же узнали о целях московской поездки Рериха и о письме Махатм с большим опозданием, спустя несколько десятилетий, из публикаций в советской прессе.

В 1927 году в Улан-Баторе — этот год был знаменательным для культурной жизни Монголии: в отсталой стране открылись первые типографии, началось книгопечатание — Рерихи выпустили в свет на русском языке книгу «Община». Она представляла собой записи бесед с Махатмами, с которыми Рерихи встречались во время экспедиции. Первое издание вышло крайне ограниченным тиражом, а последую-

щие — в частности, рижские — содержали весьма значительные пропуски (купюры делались с учетом конкретной ситуации того времени). Поэтому полный текст книги зарубежным последователям Рериха был практически неизвестен. А между тем именно в изъятых местах конкретизировались и развивались мысли, тезисно и лаконично изложенные в письме, адресованном Махатмами Советскому правительству. Вот что, например, говорилось о Ленине:

«Могут спросить: «Какие признаки Учителя ценить?» Вы уже знаете о качестве действий и можете уже приметить новые подходы к действию. Надо предпочесть того Учителя, который идет новыми путями. В этом люди Северной Страны имеют отличный пример — их Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный каменщик новых руд. Нужно принять за основание зов новизны.

Монолитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа. Даже в болезни не покинуло его твердое мышление. Его сознание, как в пещеру, сосредоточилось, и вместо недовольства и жалоб он удивительно использовал последнее время. И много молчаливой эманации воли посылал он на укрепление дела. Его последние часы были хороши. Даже последний вздох он послал народу.

Почтим Ленина со всем пониманием. Явим утверждение Учителя, сохранившего постоянное горение в удаче и в неудаче. Среди чуждых ему сотрудников нес Ленин пламя неугасимого подвига. Учение не прерывалось ни усталостью, ни огорчениями. Сердце Ленина жило подвигом народа. У него не было страха, и слова «боюсь» не было в его словаре. Ярко успел он зажечь своим примером свет. Руша, создавал он сознание народа».

Без особых комментариев ясно, что эти тексты, исполненные суровой и своеобразной поэзии, заключали в себе динамит. То, что Ленин — Махатма, вытекало из самого определения понятия, содержащегося в книге: «Махатма означает великая душа, вместившая явления нового мира». Поэтому авторы книги призывают воспринимать появление Ленина «как знак чуткости Космоса». Естественно также, что они связывают фигуру Ленина с другим космическим понятием — Шамбала, которое для Махатм, как об этом свидетельствуют их собственные слова, вполне осязаемая реальность. («Проследите, как на Востоке произносится слово Шамбала. Попытайтесь хотя бы немного вникнуть в идеологию этого понятия. Пытайтесь понять ритм построения речи о Шамбале, и вы ощутите великую реальность, которая потрясает струны человечества. Пусть разум поможет взвесить ценности, накопленные лучшими устремлениями».) В книге имеется любопытное сообщение о том, что представители Шамбалы посещали Маркса в Лондоне, а спустя полстолетия — Ленина в Швейцарии. «Явно было произнесено слово Шамбала. Разновременно, но одинаково оба вождя спросили: «Какие признаки времени Шамбалы?» Отвечено было: «Век истины и мировой общины». Оба вождя одинаково сказали: «Пусть скорее наступит Шамбала».

Разумеется, трудно судить, насколько данный факт соответствует истине: одни считают, что это правда, другие — что это легенда. Но для нас тут существенно иное. В книге четко и ясно высказано — эта нота звучит с начала и до конца (в приведенном отрывке тоже) — восторженное отношение к Ленину, к нашей революции, к Советской Стране. Причем высказано в трудные для нас двадцатые годы, когда мы были в окружении и изоляции, одни — наподобие острова — среди враждеб-

ного старого мира, ощетинившегося против нас. И высказано самыми высокими духовными авторитетами Востока. Об этом, быть может, следует напомнить именно сейчас — мне представляется, что назрело время для современного издания полного текста книги «Община»,— когда уходящий в прошлое мир объявил крестовый идеологический поход против «страны непонятой» (по выражению Николая Константиновича Рериха), против «страны лучшей» (по выражению Елены Ивановны Рерих).

«Община» — уникальный памятник своей эпохи. Трудно, пожалуй, найти в то время другое зарубежное издание, которое бы столь открыто, столь бескомпромиссно и, главное, столь доказательно утверждало бы историческую неизбежность коммунизма, его космическую (с точки зрения Учителей Востока) целесообразность.

«Тирания и военный империализм уже в зарождении носят признаки разложения. Короли, конституции могут вызывать лишь улыбку сожаления. Все комедии парламентов могут служить лишь назиданием бренности жизни. Все псевдосоциалистические гримасы могут лишь внушить отвращение. Только сознание общины утверждает эволюцию биологического процесса.

Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи».

Книга на редкость логична и последовательна. Приемля новый строй, она приемлет сущность его идеологии и его философии. «Мы материалисты»,— четко заявляют о себе Махатмы. Мы, говорят Учителя Востока, «имеем право требовать уважения и познавания материи». Нам трудно представить себе, каким это было ударом по окостеневшему сознанию благодушных и беспочвенных мечтателей, для которых слова «Махатмы» и «Шамбала» витали где-то в недосягаемой ирреальной высоте, скрытые от простого смертного густыми облаками мистики. Облака развеялись. Истина оказалась суровей, но и богаче. В книге само понятие «материализм», которое пытались и пытаются ошельмовать, принизить, вульгаризировать, опоэтизировано и поднято на уровень величайшего символа.

«Друзья, материя не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества от презирания материи. Построены храмы, где востребована помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны знанию.

Нужно наконец усвоить явление реального материализма, как его учили Маркс и Ленин. А всякая невежественность должна быть решительно обнаружена и удалена из коммуны. Обывательское мифотворство не присуще коммуне.

Олимпы строили империалисты и золотили их капиталисты. С нашей общиной могут идти понявшие реальность и материализм. Нельзя себе представить мистика и метафизика за нашей оградой. Метафизик, получивший удар, кричит — я поражен физически. Мистик протирает глаза от сияния жизни.

Зачем вы живете? Чтоб познавать и совершенствовать. Ничто туманное не удовлетворит вас».

Высказывания Махатм не оставляют никакого места для сомнения. На их знамени написано слово: Материализм. «Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом»,— громогласно провозглашают они. Но вот что важно. Воюя с противниками материализма, они с одинаковой силой воюют и против вульгаризаторов его, ратуя за расширенное понимание всеобъемлющего и всепроникающего термина: «Сущность материализма являет особую подвижность, не минуя ни одного явления

жизни». Книга — сейчас это ясно,— несомненно, опередила время. Как бы предчувствуя век ошеломляющих открытий, век научно-технической революции, на страницах ее высказывается твердое убеждение: «Нужно до такой степени обосновать материализм, чтоб все научные достижения могли войти конструктивно в понятие материализма».

Отсюда — непримиримость к сужению горизонтов познания, к предубежденности. Невежество, если к тому же оно забаррикадировалось догмами, опасный враг, грозящий многими бедами. Махатмы объявляют ему беспощадную войну.

«Мы как опытные материалисты можем видеть вред нетерпимости, основанной на грубейшем незнании. Где же реальность, когда мышление стеснено, вместо тысячи знаков знает лишь пять! Утверждение становится искажением, если заранее скован стереотип условностей. Улыбка знания опрокидывает шлюзы намеренных заграждений. Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно, что материальное воззрение дает самые неограниченные, законные возможности.

Правильно думаете, что без достижения техники невозможен коммунизм. Каждая община нуждается в технических приспособлениях, и нашу общину нельзя мыслить без упрощения жизни. Нужна явленная возможность применять достижения техники, иначе мы обратимся в обоюдную тягость. Как материалисты-практики мы можем смело утверждать это. Мало того, мы можем настойчиво укорить всех ложнореалистов. Их униженная наука и слепота мешают им достижению того, к чему они стремятся.

Точно фарисеи древности, они прячут страх перед допущением того, что другим уже очевидно. Не любим невежд, не любим трусов, попирающих в ужасе возможности эволюции.

Тушители огней, светоненавистники, не все ли равно, с какой стороны вы ползете? Вы хотите затушить пламя знания, но невежественный коммунизм — темница, ибо коммунизм и невежество несовместимы. Не верьте, но знайте.

Не может быть коммунизм, ограничивающий свое сознание, иначе он уподобится женской ноге старого Китая. Тоже тьма обычая вызвала это безобразие.

Какой общинник может прикрыться плесенью суеверий? Ведь никто не употребляет убогий первобытный паровоз, также никто не может остаться при младенческом понимании реальности.

Ленин мыслил широко и понимал материю. Неужели вы не можете хотя бы частично следовать за вождем?

Младенческий материализм является дурманом для народа, но материализм просвещенного знания будет лестницей победы.

Без отрицаний, без суеверий, без страха пойдете к истинной общине. Без чудес, беспоклонно найдете ясную реальность и киркою испытателя будете вскрывать закрытые глубины. Полюбите бесстрашие знания».

«Полюбите бесстрашие знания!» — вот, пожалуй, один из главных лозунгов книги. Знаменательно, что этот лозунг Махатмы подкрепляют и как бы освящают именами Маркса и Ленина.

«Ленин и Маркс заботливо чуяли достижения знания. Коммунист должен быть открыт всем новым возможностям.

Не можем включать в марксизм и ленинизм узость невежества. Если невежда дерзает называть себя марксистом или ленинистом, сурово скажите ему — явное предательство основ общины».

В наш век, когда, с одной стороны, развитие науки и техники вывело человечество на фантастические рубежи, а с другой — над нынешней цивилизацией нависла реальная угроза гибели, с особой силой, очевидно, должен звучать призыв Учителей Востока, обращенный к нам.

«Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением ее.

...Предоставьте старому миру бояться изучения психической энергии. Вы же, молодые, сильные и непредубежденные, исследуйте всеми мерами и примите дар, лежащий у ворот ваших.

Как ученики Ленина, смотрите орлиным взором и львиным прыжком овладевайте сужденной мощью. Не опоздайте!»

Могу поделиться личным впечатлением. Когда я читал это место в «Общине», в моей памяти всплыли слова Алексея Максимовича Горького. В последнем томе «Жизни Клима Самгина» (дело происходит в семнадцатом году, накануне февральской революции) один из персонажей романа — большевик — обращается к своим оппонентам со следующей речью:

«В классовом обществе о космосах и тайнах только для устрашения ума говорят, а другого повода — нет, потому что космосы и тайны прибылей буржуазии не наращивают. Космические вопросы эти мы будем решать после того, как разрешим социальные. И будут решать их не единицы, устрашенные сознанием одиночества своего, беззащитности своей, а миллионы умов, освобожденные от забот о добыче куска хлеба...».

Святослав Николаевич, которому я процитировал Горького, согласился, что это — пророческое предвидение и что оно созвучно мыслям Махатм о том, что грубое «я» должно смениться, как они говорят, творческим «мы».

— В общине, которая, как вы знаете, нередко ассоциируется с коммуной,— это синонимы,— сказал Святослав Николаевич,— так оно и будет. Вот почему община называется Махатмами источником кипящих возможностей и чашей солнечной радости.

Пафос и духовная наполненность книги «Община» таковы, что она воспринимается как своего рода программный манифест современных Учителей Востока. Симптоматична резкая антибуржуазная, антиимпериалистическая направленность этого манифеста. Подлинное единство человечества несовместимо с эксплуатацией. Несовместимо оно также и с любыми узконационалистическими тенденциями (в том числе и с религиозно-националистическими). Надежда на спасение человечества, на обновление мира в книге связывается — это остается незыблемым и по сей день — с Советской Россией, с величественным образом Ивана Стотысячного, олицетворяющим ее.

«Кто-то ждет Мессию для одного народа,— говорится в книге,— это невежественно, ибо эволюция планеты имеет лишь планетарный размер. Именно явление всемирности должно быть усвоено. Красный цвет является символом твердости стремления уничтожить различия рас. Кровь едина течет, и внешний мир не будет больше разделяем расами первичных формаций.

В горне уже закалился клинок. Утверждены явления чудесного нового мира. Ярый Иван Стотысячный приближается. Он знает, что ему доверен сад. Сору еще много, но пепел шлаков есть колыбель клинка. Можно знать все несовершенства, но хула на Ивана будет камнем на пути. Ящер лежит еще живой. Каждый клинок должен подняться из пепла. Не поносите Ивана, если он умеет лишь разить. Хребет Ящера для него закрыл дальние миры. Он полагает, что враг закрыл вход в мир света. Звезды покажутся через расселины хребта.

Трудно рушится домик ветхих предрассудков. Прежде всего запомним, что невозможно удержать роды созревшего плода. Оглянемся на страницы истории: пришло время освобождения мысли, и запылали костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства, и загремели расстрелы, но воспряли народы. Пришло время развития техники, ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии. Все инквизиторы, реакционеры, стародумы и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и реакционеры могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые пригодятся для них же в виде рабочих колоний. Но созревшую ступень эволюции отодвинуть нельзя».

Когда знакомишься с письмом Махатм, равно как и с «Общиной», становится понятным, что никак не могло быть случайностью или недоразумением все то, что произошло потом, на заключительном этапе экспедиции Рериха. Детективная история, разыгравшаяся на северном нагорье Тибета, имела прямое отношение к его поездке в Москву и Улан-Батор. А события, как известно, развивались следующим образом.

В сентябре двадцать седьмого года в нескольких переходах от Лхассы экспедицию остановил отряд вооруженных тибетцев. У путешественников отобрали оружие, паспорта. Им строго ограничили район передвижения: ни вперед, ни назад. До физической расправы дело не дошло, но в условиях начавшейся суровой зимы, да еще на высоте четырех тысяч метров — а у путешественников не было ни теплых палаток, ни теплого белья,— людей обрекли на постепенное вымирание. Ситуация грозила обернуться трагедией. В дневнике Рерих лаконично сообщает: «Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников».

Он шлет в Ганток — столицу княжества Сикким — британским представителям письма с просьбой о помощи. Никакого отклика. До конца жизни для художника так и остались невыясненными мотивы более чем странного поведения тибетского правительства.

Но нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным. В 1969 году в Дели были обнаружены документы, вскрывающие подоплеку этой загадочной истории. Выяснилось, что акция по уничтожению экспедиции Рериха была заранее спланирована и до деталей разработана британской разведкой. Оказывается, «Интеллидженс сервис» давно уже бдительно следила за всеми передвижениями Рериха; не ускользнула от ее внимания и московская поездка; прекрасно здесь были осведомлены и о его политических взглядах. Не являлось секретом и то, каким исключительным авторитетом пользуется художник во влиятельных буддийских кругах. Еще в двадцать четвертом году в Дарджилинге высокопоставленные ламы устроили Рериху триумфальную встречу. Дело в том, что они «опознали» в нем пятого Далай-Ламу, великого реформатора Тибета, жившего в семнадцатом веке. «Опознали» оригинальным образом: по бородавкам на правой щеке художника; их было семь, и своей конфигурацией они напоминали созвездие Большой Медведицы.

Все перепуталось в умах руководителей английской секретной службы. Они пришли к выводу, предопределившему дальнейшие действия: Рерих хочет проникнуть в священную столицу буддизма — Лхасу, с тем чтобы провозгласить себя Далай-Ламой и установить большевистский контроль чуть ли не над всей Азией.

Любопытно и в высшей степени знаменательно то, что руководство операцией поручалось Бейли. Этот опытный английский шпион и разведчик в 1918 году подготовил контрреволюционный мятеж в Ташкенте; был причастен к расстрелу 26 бакинских комиссаров. Теперь он должен был убрать со сцены «большевистского эмиссара» и «агента Коминтерна» Рериха (так именовали художника в письмах-распоряжениях из Лондона).

Но Елена Ивановна недаром называла Англию «страной лукавой». Мировая слава художника, естественно, исключала возможность прямой акции со стороны официальных британских служб. Эту акцию предполагалось совершить руками тибетских властей. Надо сказать, что в то время независимость тибетского государства была чистой фикцией. Англичане распоряжались в стране как хозяева.

Пять с половиной месяцев находились путешественники на положении пленников. Лишь весной двадцать восьмого года из Лхассы наконец-то было получено указание: разрешить оставшимся в живых продолжить маршрут. Узнав об этом, Бейли направляет в Лхассу срочное послание. С нескрываемым раздражением напоминает он о предыдущей телеграмме, где говорилось: «Нам не нужны эти люди в Индии». Но тибетские власти предпочли не вникать в прозрачный подтекст столь многозначительных слов. На открытое убийство они не пошли. Операция сорвалась.

Экспедиция благополучно завершила свою работу. Рерихи поселились в долине Кулу, которая, кстати, по сведениям некоторых древних источников, является ни чем иным, как преддверием Шамбалы.

«Помни: зло никогда тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит ее. И только тогда, когда мелькнет тончайшая трещинка сомнений в твоем сердце, только тогда зло сможет приблизиться к тебе.

Надо носить в себе много зла, чтобы чужая воля могла им воспользоваться. Зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому, что внутри сердца человека уже готов бурлящий кратер, куда зло только выливает свое масло, прибавляя силы его низменным страстям.

Сердце доброго — кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Тяжело раздраженному. Потому что кипение страстей в его сердце не дает ему отдыха. Он всегда в раздражении, всегда открыт к его сердцу путь всему злому. Такой человек не знает легкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они его давят везде и во всем и постепенно становятся его господином.

Человек, не умеющий быть господином самого себя и все время переживающий пароксизмы раздражения, приступы бешенства и мук зависти, это не человек. Это еще только преддверие человеческой стадии, двуногое животное.

Не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бывает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому лично воспринимающему жизнь человеку вся остальная Вселенная с ее законом Жизни, Кармой и следующими за нею по пятам закономерностью и целесообразностью представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают незаслуженные им горести и муки.

Чтобы иметь возможность сделать что-либо для человека, надо не только самому иметь для этого силы. Надо, чтобы и тот человек желал принять подаваемую ему помощь и умел владеть собой, своим сердцем и мыслями, умел хранить их в чистоте и проводить весь свой день так, чтобы приводить весь организм в гармонию. Нельзя и думать принести помощь тем людям, которые не знают радости, не понимают ценности всей своей жизни как смысла духовного творчества, а прини-

мают за жизнь бытовые удобства и величие среди себе подобных, деньги.

Нет людей абсолютно плохих. Никто не рождается разбойником, предателем, убийцей. Но те, в ком язвы зависти и ревности разъедают их светлые мысли и чистые сердца, катятся в яму зла сами, туда, куда их привлекают их собственные страсти. Разложение духа совершается медленно и малозаметно. Вначале ревность и зависть, как ржавчина, покрывают отношения с людьми. Потом где-то в одном месте сердца эта ржавчина проедает дыру. Начинается над ней скопление зловонных отбросов разлагающегося духа, а там начинается капель гноя, дальше потечет его струя. И все, что прикоснется к человеку, так живо разлагающемуся в своих мыслях, все понижается в своей ценности, если не сумеет сохранить себя от заразы. Если же сердце само по себе уже носит зловоние зависти, страха и ревности, оно, встречаясь с более сильной ступенью зла, подпадает всецело под его власть.

Злоба — не невинное занятие. Каждый раз, когда вы сердитесь, вы привлекаете к себе со всех сторон токи зла из эфира, которые присасываются к вам, как пиявки, уродливые красные и черные пиявки с самыми безобразными головками и рыльцами, какие только возможно вообразить. И все они — порождение ваших страстей, вашей зависти, раздражения и злобы. После того как вам будет казаться, что вы уже успокоились и овладели собой, буря в атмосфере вблизи вас все еще будет продолжаться по крайней мере двое суток.

Эти невидимые вами пиявки сосут и питаются вами совершенно так же, как обычные пиявки, сосущие кровь человека. Всякое чистое существо очень чувствительно к смраду этих маленьких животных. И оно бежит тех, кто окружен их кольцом, кто лишен самообладания. Чистое существо, встречаясь с человеком, привыкшим жить в распущенных нервах, в раздражительных выкриках и постоянной вспыльчивости, страдает не меньше, чем встречая прокаженного. Злой же человек, обладающий одним упорством воли, мчится навстречу такому существу, с восторгом видя в нем орудие для своих целей.

Если из жизни земли исключить понимание самой текущей жизни как связи вековых причин и следствий, то она сводится к нулю. Без перспективы света, который можно внести в труд дня, без знания, что свет горит в каждом человеке, жить творчески нельзя. Кто живет, не осознавая в себе этого света, тот примыкает к злой воле, думающей, что она может покорить мир, заставить его служить своим страстям, своим наслаждениям.

Все так называемые темные силы не что иное, как невежественность. Люди, стремящиеся подсмотреть силы природы, при одном напоре одной воли отыскивают их. Обычно это люди, одаренные развитыми более, чем у других людей, психическими способностями. Но так как их цель — знание, служащее только их собственному эгоизму, их страстям и обогащению в ущерб общему благу, они отгораживаются в отдельные группы, называя себя различными умными именами. Они подбирают себе компаньонов, непременно с большой и упорной волей, обладающих силой гипноза.

Это очень длинная история, о ней в двух словах не расскажешь. Тянется она к нам из древних времен, и очагов ее лжи и лицемерия очень много: тут и колдуны, и алхимики, и провидцы, и т. д.

Темная сила несет всему дисгармонию и раздражение. Ее девиз: «Властвуя, побеждай», тогда как девиз детей света: «Любя, побеждай».

Упорство воли темных — то зло, в путаные сети которого они затягивают каждого, в ком встречают возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ

попадаются те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают им мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так окружают разнузданностью страстей, что несчастные и хотели бы иной раз вырваться, но не имеют уже сил уйти из их цепких лап.

Как можете вы распознать, что перед вами темный? Имеют ли все темные отвратительную внешность, которая сразу давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. Вспомните легенды о падшем ангеле: ведь они его отнюдь не рисуют уродом.

Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Но что неизменно обще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте — эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она у него ни была развита; он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение.

Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека. Раздражительность — первый и главный козырь темных в системе овладевания людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, вцепляются бульдожьей хваткой в человека и постепенно — с железным самообладанием и выдержкой — втягивают его волю в орбиту собственного сознания. Это первое*, общее всем темным правило их темного дня.*

Второе *неизменное правило их поведения — вносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему поддержку и помощь.*

Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что он — независимый и абсолютно свободный творец своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям.

Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что мощь его не имеет границ, поскольку он частица Беспредельного. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, темный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе,— все сложи в склады и держи про себя. Если это материальные сокровища, копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир. Если это знания, помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. И чем жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни».

Эти наставления составляют третье *правило учения темных. Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы.*

Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» почти всегда приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и чест-

ным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против своей современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-то деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в железные лапы темных.

Темные могут быть обворожительными по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой «горной» водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, сможет понять, куда он забрел, какое сам своей неосторожностью соткал зло.

Но не думайте, что высшее благородство человека заключается в отгораживании себя от тех, кого мы считаем злыми или своими врагами. Врага надо победить, но побеждают не пассивным отодвиганием от него, а активной борьбой, героическим напряжением чувств и мыслей. Нельзя прожить жизнь одаренному человеку — человеку, назначенному жизнью внести каплю своего творческого труда в труд всего человечества — в счастливом бездействии, без бурь, страданий и борьбы.

Пойми, как глубоки корни несчастья людей, как нельзя их судить, как нельзя расстраиваться недостатками людей. Надо нести им бодрость или стараться пресечь зло, поставив им твердые рогатки там, где люди слабы, чтобы сберечь прежде всего их самих. Пока сам не созрел, не стремись помогать. Увеличишь только зло и внесешь еще большее раздражение в жизнь тех, кому захочешь помочь, если сам не готов, если сам не можешь действовать в полном самообладании.

Думай, как тебе понять, что такое Радость. В первый же раз, как ты ее испытаешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победе любви, а злое уныние — к упорству воли. Упорство же воли — меч зла. Этот меч не может разить там, где живет Радость.

Все люди делятся на знающих, освобожденных от предрассудков и давящих их страстей, а потому добрых и радостных, и на незнающих, закованных в предрассудки и страсти, а потому — унылых и злых. Учись. В жизни есть только один путь: знание. Знание раскрепощает человека. И чем свободнее он становится, тем больше его значение в труде Вселенной, тем глубже его труд на общее благо и шире круг той атмосферы мира, которую он несет с собой.

При встрече с истинным знанием все злые тайны, не представляющие из себя ничего, кроме той или иной силы гипноза, разлетаются в прах.

Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные слова: «Если сердце ваше чисто — никакое зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно».

Первое июня в моем индийском дневнике помечено словами: «Посещение института «Урусвати».

Несколько слов об истории института. Своим возникновением он обязан трансгималайской экспедиции Рериха. Он естественно и органично возник на базе богатейших материалов, собранных русскими путешественниками. Ведь богатейшие коллекции, образовавшиеся на путях многолетнего маршрута,— археологическая, этнографическая, бота-

ническая, древние рукописи, нередко полученные из тайных книгохранилищ, нуждались в систематизации и тщательном научном анализе.

Николай Константинович Рерих называет точную дату основания Гималайского института научных исследований: 24 июня 1928 года, Дарджилинг. Потом институт вместе с семьей Рериха переместился в долину Кулу, в Наггар. Его коллекции все время пополнялись, потому что институт рос, активно действовал, посылал экспедиции в малоизвестные районы азиатского континента. Одну из них, довольно длительную, 1934—1935 годов, опять возглавил Николай Рерих.

Институт с символическим названием «Урусвати», что означает в переводе на русский «Свет утренней звезды», намечал обширные планы по изучению флоры и фауны, а также истории и искусства народов великого материка.

Директором института стал Юрий Николаевич Рерих. Лучшей кандидатуры на этот пост нельзя было подобрать: старший сын художника являлся одним из самых выдающихся востоковедов и буддологов мира. Как известно, впоследствии он вернулся на родину, где ему суждено было прожить неполных три года (1957—1960). Но за этот короткий промежуток времени он, по признанию его коллег по институту Востоковедения Академии наук СССР, дал новый импульс всему нашему востоковедению; в частности, он активным образом способствовал возобновлению работ по переводу и изучению древних философских и литературных памятников Азии (по его инициативе и при его непосредственном участии была издана книга изречений Будды «Дхаммапада»). Юрий Николаевич Рерих обладал исключительными лингвистическими способностями. Он в совершенстве владел двадцатью семью языками, знал многие азиатские диалекты. Без него в принципе была бы невозможна трансгималайская экспедиция. Его блистательное знание как живых, так и мертвых языков Востока было одинаково важно для ее успешной работы.

Вспоминая об «Урусвати», Юрий Николаевич писал:

«Институт гималайских исследований состоял из двух отделений — ботанического и этнолого-лингвистического, которое также занималось изучением и разведкой археологических памятников... Не остался институт чужд и проблемам изучения космических лучей в высокогорных условиях... Была собрана и богатая коллекция тибетской фармакопеи, причем в этих многолетних работах приняли деятельное участие тибетские ламы-лекари».

Все, к чему прикасались Рерихи, приобретало планетарный размах. Так было и с институтом. Главная цель, которую ставили перед собой его руководители, состояла в следующем: объединить и сосредоточить усилия видных ученых мира на неотложных и узловых проблемах (кстати, на тех самых, актуальность которых выросла еще больше в наше время). Назову некоторые из них: изучение световых и магнитных явлений Вселенной, охрана биосферы, повышение урожайности (на первый план выдвигался вопрос о засухоустойчивых растениях), поиски эффективных методов лечения (на основе малоизвестных тибетских препаратов предлагались новые формы борьбы с одним из страшнейших бедствий человечества — раком).

Единство ученых, как видите, должно было носить не декларативный, а конкретный, сугубо деловой характер. И гималайский институт — тут, конечно, сыграло немаловажную роль имя его основателя — преуспел в этом отношении.

Достаточно сказать, что в числе его постоянных сотрудников были лауреаты Нобелевской премии Альберт Эйнштейн и Роберт Малликен, знаменитый шведский путешественник Свен Гедин. Американские и французские научные учреждения посылают в Наггар своих представителей. Через Святослава Николаевича — об этом я уже упоминал — осуществлялась связь с крупным советским генетиком Николаем Ивановичем Вавиловым. В силу территориальной близости (не говоря уже

о других факторах) сразу наладилось сотрудничество с учеными Индии: с выдающимся ботаником Босом, с философами и историками, имена которых ныне нам хорошо известны,— Радхакришнаном, Чаттерджи.

Особо надо выделить контакты между гималайским институтом Рериха и университетом Рабиндраната Тагора в Шантанекетане. Оба научно-культурных учреждения возникли примерно в одно время и ставили перед собой сходные задачи. Создатель экспериментального университета в Шантанекетане Рабиндранат Тагор с гордостью подчеркивал, что в нем царит дух интернационализма, ибо и основан он был во имя благородной цели, чтобы здесь «могли бы учиться люди разных цивилизаций и традиций». Из переписки Тагора и Рериха мы знаем, что институт в Гималаях и университет в Южной Индии постоянно делились друг с другом информацией, обменивались журналами, которые они издавали, книгами. Рабиндранат Тагор шлет пожелания успехов и процветания «культурной колонии в Наггаре». Он приглашает Рериха в свой «ашрам»: «Для меня будет истинным наслаждением показать Вам плоды труда всей моей жизни — Шантанекетан».

Вторая мировая война резко оборвала глобальную деятельность «Урусвати». В сложившихся условиях институт, просуществовавший чуть более десяти лет, пришлось подвергнуть консервации. Она оказалась более длительной, чем предполагалось.

Надеюсь, понятно, с каким внутренним волнением я поднимался по тропинке на высокий склон в неподвижную тишину заколдованного царства. Ныне, как бы по мановению волшебной палочки, оно должно было на какие-то мгновения воскреснуть из небытия.

Институт примерно в полутора километрах от дома Рериха. Это — два двухэтажных здания, построенных все тем же предприимчивым британским полковником. Они стоят в окружении гигантских вековых кедров. Вдыхая острый смолистый запах, я думал, какое это, наверное, наслаждение для ученого — особенно для астронома — очутиться здесь, в отрешенной высоте, в таком приближении к небу и звездам...

И вот — торжественный миг. Двери распахиваются, и мы переступаем порог помещения.

В зале нижнего этажа располагаются коллекции института. Заколоченные ящики, образуя несколько ярусов, громоздятся друг на друге. Застекленные шкафы. В них — пронумерованные и снабженные латинскими наименованиями минералы. В следующем зале — библиотека: более четырех тысяч томов специальной литературы, по словам Святослава Николаевича.

Глаза осваиваются в полумраке, и я замечаю, что «заколдованное царство» имеет вполне упорядоченный вид. Ни пыли, ни паутины. Чувствуется постоянное присутствие человеческих рук.

Святослав Николаевич говорит, что особую гордость института составляет орнитологическая коллекция. Она насчитывает четыреста видов редких птиц. Многие из них, сообщает Святослав Николаевич, теперь уже вымерли.

Он подвел нас к невысокому шкафу в углу комнаты, выдвинул один за другим его ящики. Засушенные растения. Тщательно закупоренные темные пузырьки. Это были тибетские лекарства.

Святослав Николаевич сказал:

— Восточная медицина в лице ее выдающихся представителей считает, что если врач не будет в больном читать его жизнь, а будет искать в книгах, как там описывается лечение болезни, то он никогда не будет истинным врачевателем, доктором-творцом, а будет лишь ремесленником от медицины. Нельзя лечить болезнь изолированно от человека. Нужно лечить больного, применяясь ко всему конгломерату его

качеств и обязательно учитывая его духовное развитие. Не приведя в равновесие всех сил в человеке, его нельзя вылечить.

Очень часто человек болен лишь потому, что засорил свой организм страхом, слезами и раздражением. Иногда сердечный припадок надо было бы назвать не сердечным, а припадком страха и ужаса. Надо бы говорить, что у человека не приступ болн в печени, а приступ корыстолюбия или уныния. Надо учиться побеждать все, что давит дух. Независимость и свобода духа человека — вот основа его истинного здоровья.

Те же авторитеты считают, что людям с повышенной нервной организацией, предрасположенным к развитию психических сил, нельзя делать уколы. Особенно такие, какие вводят в организм большое количество белковых веществ. Для некоторых людей это может оказаться смертельным. И естественно: если рекомендуется заботиться о духовных силах в своем пациенте, то тем более должно развивать эти силы в себе самому врачевателю.

Святослав Николаевич извлек из глубины ящика продолговатую пробирку с кроваво-красной жидкостью. Приоткрыл штору, чтобы на свету мы лучше рассмотрели ее.

— Вот это, например, считается чудодейственным средством. Одна капля его может вывести человека из состояния смертельного шока. Казалось бы, за чем остановка? Дай его людям — и делу с концом. Но вся загвоздка в том, что лекарство действенно не во всех руках. Можете строить какие угодно догадки, но то, что я скажу,— проверенный факт. Препарат проявляет исцеляющее действие лишь в руках у человека с чистыми мыслями и развитыми духовными способностями.

Видите, как все непросто в этой медицине. Сейчас много говорят о нетрадиционных методах лечения, о биополях. Воздействуя на биополя при помощи рук, некоторые пытаются лечить больного. Но представляете себе, какими же чистыми должны быть эти руки! Если этого нет — тогда беда. Даже излечив болезнь (что не всегда бывает), такой горе-врачеватель может посеять семена других болезней, гораздо худших. Сам он, естественно, и подозревать об этом не будет.

Святослав Николаевич закрыл штору, поставил пробирку на место.

— На Востоке говорят: предела развитию человека и его знаний нет. И поэтому тот, кто, по мнению земных умов, мудрец, по мнению мудрецов Вселенной, только начинающий учиться.

Одна из традиционных ошибок науки (во всяком случае, до недавних пор) состояла в том, что она рассматривала Вселенную, как хирург разглядывает распростертое перед ним тело, самонадеянно рассчитывая единственно при помощи своего ножа вскрыть все тайны мироздания.

На Востоке утверждают: кто смог осознать в себе импульс бесконечного, не подвластного измерению, разложению и времени, лишь тот пробивается к истинному знанию. При изменении временных форм надо помнить, что материя видимых вещей не составляет основного фона жизни. И чем яснее, точнее, шире человек постигает, в какой мере и степени он связан со всей единой материей Вселенной (видимой и невидимой), тем дальше он может проникнуть в законы этой вечной материи, главным образом своей интуицией, ибо логические операции здесь отступают на задний план.

Мы поднимаемся на второй этаж. Здесь комнаты для гостей института: они, как уже говорилось, стекались отовсюду (больше всего из Индии). Естественно, был в институте и небольшой штат постоянных сотрудников. Помещения физической и биохимической лаборатории мы уже осматривали. Там даже кое-что осталось от старого оборудования.

Комнаты наверху поразили нас удобной планировкой — она такая же, как в доме Рериха,— уютом. На стенах развешаны литографии: ил-

иллюстрация к «Дэвиду Копперфилду». В холле — пианино красного дерева (инструмент, сработанный еще в прошлом столетии). Все выглядит так, как будто отсюда выехали только вчера и вот-вот — если не сегодня, то завтра уж обязательно — сюда опять нагрянут люди. Во всяком случае, к их приезду здесь готовы.

Как раз в канун нашей встречи Святослав Николаевич беседовал с Индирой Ганди о будущем «Урусвати». Было получено принципиальное согласие на возобновление международной деятельности института. Впоследствии — в 1974 и 1978 годах — Святослав Рерих вел переговоры с нашей Академией наук, затем — с болгарской. Первая группа болгарских ученых уже побывала в Гималаях. Словом, может быть, медленней, чем хотелось бы, дело идет к тому, чтобы рериховский институт согласно воле его основателя снова стал центром, соединяющим Восток и Запад: Индию и Советский Союз — прежде всего.

Возвращались мы несколько иным путем, чем пришли. Святослав Николаевич сделал небольшой крюк, чтобы показать нам строящееся двухэтажное здание. Оно возводится на его средства.

— Здесь будет музей,— сообщил Святослав Николаевич.— Он явится своего рода островком русской культуры посреди Гималаев, ибо в нем разместятся картины моего отца и мои. Обязательно будут также представлены произведения народного искусства долины Кулу.

— Вы заметили или нет,— обратился он к нам,— как часто местные одежды, узоры, вышивки воскрешают наш славянский орнамент. Думается, что такое сходство не может быть случайностью.

Этот день ознаменовался еще нашей стычкой с Ниной Степановной. Я сказал ей — мы сидели вдвоем на веранде, отдыхая от прогулки,— что нам, пожалуй, пора уже и возвращаться. Нагостились мы достаточно. Как говорится, надо и честь знать. Я сообщил, что решил вызвать нашего шофера, чтобы приготовиться к отъезду назавтра.

— Как назавтра?

Нина Степановна, витавшая в тот момент где-то в облаках, вздрогнула, как от удара, настолько ей претила мысль об отъезде. Возвышая голос до крика, она стала настаивать на отсрочке, да еще по возможности длительной. Я пытался ее образумить.

— Не можем же мы оставаться здесь вечно.

Но все было напрасно: казалось, моя спутница утеряла чувство реального времени. Кончилось тем, что она поглядела на меня с ненавистью и вышла, чуть не заплакав.

Но Девика, узнав о нашей ссоре, мигом нас примирила. Мне она заявила внушительно:

— Вы могли еще без разрешения сюда приехать, но уехать отсюда вы можете только с разрешения.

В общем, день отъезда, к удовольствию Нины Степановны (да и к моему тоже), перенесли со второго на третье июня. Рерихи должны были возвратиться пятого или шестого, и мы условились с ними о новой встрече, теперь уже в Дели.

Вечером мы сидели в гостиной, предназначенной хозяевами дома для сокровенных бесед. Я прочитал главу из своей поэмы о Рерихе, где рефреном звучит строка: «Темные тайно и явно сражаются».

И сотрясает твое бытие
До основанья великая битва.
Неотвратимо сегодня в нее
Вовлечена вся земная орбита.
За горизонт уходя, облака
Громом и тучами к нам возвращаются.
Память твою озаряют века:
Темные тайно и явно сражаются!

— Вам как поэту,— сказал Святослав Николаевич,— наверное, будет интересно познакомиться с точкой зрения — ее высказали Учителя Индии еще в древности,— которая различает в человеке два основных энергетических начала: огонь сферы Земли и свет Солнца (плоть и дух, неразрывно связанные). Так вот. Есть миллионы людей, говорят Учителя Индии, имеющих в себе развитым огонь Земли до высоких и даже высочайших пределов, а свет Солнца у них или не развивался вовсе, или тлеет еле заметной искрой. Такие люди могут владеть большим знанием сил природы. Могут ими даже управлять, но в них не горит свет Солнца, а значит, отсутствуют любовь и доброта. Они преданы тьме эгоизма, ими владеют только страсти и желания, только упорство воли.

Учителя подчеркивают, что бывают случаи ужасающей связи человека с темной силой, потухшие сознания, где эгоизм, жадность разложили в человеке те нервы и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их проводники проникает солнечная материя, но проникает она в них лишь настолько, чтобы они могли дышать, есть, пить, действовать, но не творить. Для творчества, для жизни, идущей по ступеням Вселенной, у них этой светящейся материи не хватает.

— Но если есть темные силы и борьба с ними — реальность,— спросил я,— как же быть тогда с принципом ненасилия, который провозглашается теми же Учителями как идеал? Как быть с древним призывом «Не убий!»?

— Неужели вы думаете, что этот призыв оставляет человека совершенно разоруженным в момент опасности? Неужели вы не чувствуете, какая живет диалектика в этих словах — «Не убий!»?

Во-первых, это призыв к сдержанности. Нередко, поддавшись необдуманному порыву, мы сами навлекаем на себя последующие неотвратимые бедствия.

Во-вторых, и это главное, имеется в виду следующее: даже когда не на жизнь, а на смерть сражаешься с темным, ни на миг ты не должен поддаваться личным чувствам: жажде мщения, злорадному удовлетворению, низменной радости. Ты не должен уподобляться противнику, иначе твоя победа не будет подлинной победой. Не убий в себе лучшие чувства, даже когда в силу печальной вынужденной необходимости тебе приходится убивать врага,— так можно сформулировать это.

В качестве примера могу сослаться на картину своего отца «Победа». Помните ее? Как вы знаете, в некоторых восточных преданиях говорится о том, что последняя битва сил света и тьмы произойдет где-то в районе Алтая, предположительно на берегу Катуни. Отражая эти легенды, отец изобразил на фоне Белухи русского воина, богатыря, Ивана Стотысячного, только что поразившего насмерть страшное чудовище. Дракон, Змей Горыныч, крылатый ящер — как угодно можете назвать это чудовище. Все зависит от того, каким именем вы олицетворяете силу зла. Но обратите внимание, какое безучастно-отстраненное выражение на лице у воина. Ни гнева, ни ненависти в лице. Он исполнил свой долг (тяжкий долг!), полностью отрешившись от себя.

В этом вся суть: в борьбе с темными, как и во всех случаях жизни, нельзя применять меру личного восприятия момента. Тогда лишь станут понятными парадоксальные слова Учителя: «Закон мировой пощады требует полного уничтожения гада».

Наш последний день в доме Рерихов, словно потому, что он был последним, выдался хмурым. С гор пополз туман. После обеда зарядил мелкий дождь.

Он мог оказаться предвестником моисуна — периода страшных ливней, сопровождаемых горными обвалами. Дороги тогда становятся совершенно непроходимымн. Биас — в обычное время мирная, спокойная река — выходит из берегов, сносит мосты и близлежащие строения. Местное население привыкло к этому периодически повторяющемуся наводнению, заранее готовится к нему. Говорят, что до сих пор можно наблюдать картину, как жители того или иного селения, разделенные непроходимым потоком, обмениваются друг с другом посланиями при помощи пращей.

В этот день в доме было несколько оживленнее, чем всегда. Рерихи ждали гостей. Они пригласили к чаю министра земледелия своего штата (долина Кулу входит в состав северного штата Гималаи Прадеш). С утра машину гоняли в город. Она вернулась с батареей напитков: оранжад, кока-кола. На кухне пекли какие-то лепешки.

Министр появился точно в назначенный срок. Он был не один. С ним приехали его сын (молодой человек лет двадцати, чрезвычайно застенчивый; он краснел, когда к нему обращались с вопросами, и за все время сказал две-три фразы, не более) и неопределенного возраста индиец, на редкость подвижный и темпераментный. Доктор Синха — так звали последнего; он вручил мне визитную карточку, где значилось, что он член центрального парламента,— ошеломил меня донельзя. Более экспансивного индийца в жизни своей я не видел. Он не мог ни минуты спокойно усидеть на месте, вскакивал со стула, размахивал руками, рубил кулаком воздух; очки на переносице возбужденно прыгали, угрожая свалиться. Едва переступив порог, доктор Синха объявил, что прекрасно владеет русским языком и будет выступать в роли переводчика. Язык он действительно знал сносно, хотя и путался в падежах и не всегда справлялся с ударениями. С ходу он принялся излагать свою биографию. Она оказалась у него необычной.

Необычным было уже то, что традиционные для индуса поиски своего Гуру-Учителя он начал не на Востоке, а на Западе. Шестнадцатилетним юношей Синха приехал в Сорренто и осуществил задуманное: познакомился с Горьким. С непосредственностью, которая отличает индийцев в делах такого рода, он заявил, что выбрал его своим Учителем. Тронутый искренним порывом индийского юноши, Алексей Максимович принял большое участие в его судьбе. При помощи Горького Синха попал сначала в Берлин (здесь он должен был учиться, но планы его вскоре решительно изменились), затем — в Россию.

На всю жизнь сохранил Синха восторженно-благоговейное отношение к своему Гуру. Спустя несколько десятилетий он написал специально для «Огонька» воспоминания о Горьком. Они были опубликованы в журнале.

В России шла гражданская война, и Синха вступает добровольцем в Красную Армию. Участвует в боях с басмачами в Туркестане. Командует кавалерийским взводом. После войны поступает учиться в коммунистический университет народов Востока. Недоучился — бросил. Некоторое время работал на текстильной фабрике в Вышнем Волочке.

Обогащенный жизненными впечатлениями, знаниями, опытом, он по совету Алексея Максимовича Горького решил возвратиться на родину. Правда, его любознательная и активная натура содействовала тому, что это возвращение растянулось на несколько лет. В тридцать пятом году Синха очутился в Абиссинии как раз накануне вторжения войск Муссолини в эту страну. Разумеется, он не мог остаться в стороне и сражался против итальянцев. Были и другие события, которые удлинили его путь.

В конце концов он все же вернулся в Индию. Здесь он, по его словам, «заболел» геологией. На своем спортивном самолете — в промежутке между сражениями и учебой Синха сдал экзамен на звание пилота — он занялся разведкой полезных ископаемых. В Северной Индии ему удалось обнаружить довольно солидные залежи урановой руды.

В результате полетов разбил две машины. Сейчас собирается в Вену, чтобы купить третий по счету самолет. Был знаком доктор Синха и с Николаем Константиновичем Рерихом и написал о художнике несколько статей.

Свой рассказ собеседник вел в быстром, напористом, наступательном темпе. Каскад слов он сопровождал энергичными жестами: махал воображаемой шашкой (когда речь шла о стычках с басмачами) и тому подобное.

Выявилась еще одна особенность доктора Синхи: задавать вопросы и не ждать на них ответов. Вот он обратился ко мне: «Товарищ Сидоров (в отличие от Девики он называл меня не мистером, а товарищем), не находите ли вы, что Россия и Индия — это два проявления одного и того же начала? Не кажется ли вам, что обе страны, оба народа с разных концов решают одну и ту же задачу и что во всех своих аспектах они дополняют друг друга? Это как бы две половины, образующие единое целое: действие — созерцание, насилие — ненасилие, Ленин — Ганди». Или: «Как вы относитесь, товарищ Сидоров, к пророчеству, широко у нас распространенному: ждите момент, когда один миллиард соберется под знаменем духовного обновления — это будет знаком победы света? Не считаете ли вы, что имеется в виду глубинный и сокровенный союз между вашей и нашей страной?» Пока я собирался с мыслями, чтобы ответить, доктор Синха уже переходил на другую тему. Чувствовалось, что вопросы эти риторичны, что это его твердое убеждение, лишь слегка смягченное вопросительной интонацией.

Естественно, что доктор Синха целиком завладел нашим вниманием. Своих попутчиков он явно оттеснил на второй план. Министр — он был в белых штанах, в узорчатых туфлях, загнутых кверху,— величественно молчал. Иногда широко улыбался, не смущаясь отсутствием верхнего ряда зубов.

Но за чаепитием картина решительно изменилась. Выяснилось, что министр, помимо того, что он политический деятель, к тому же еще и поэт. По просьбе Святослава Николаевича я читал ему свои стихи («Книга книг для нас с тобой открыта, и в безмолвье звездном и ночном в языке воскресшего санскрита мы глагол славянский узнаем»). Их общими усилиями тут же перелагали на английский. Министр, забыв на какое-то время, что он министр, читал, а вернее, пел, как это принято повсеместно среди индийских поэтов, свои стихи. Девика то и дело прерывала его пение возгласом восхищения: «Вах!» Мы вслед за нею повторяли то же самое: «Вах!»

Ободренный нашим вниманием, поэт оживился. По-мальчишески подмигнул нам. Сказал:

— А знаете, как я побеждаю на выборах? Я сочиняю песню, высмеивающую противника. Во всех деревнях распевают ее. И голосуют за меня. Так я побеждаю.

И поэт, опять превратившись в министра, засмеялся, довольный своей выдумкой. Засмеялся так заразительно, что все мы невольно присоединились к его смеху.

А потом разговор перешел на тему, от которой сразу посерьезнело лицо министра,— о гибели природы. Нарушение экологического равновесия — повсеместное бедствие. Даже здесь, в Гималаях, жаловался министр, засоряются источники, загрязняется воздух. Если процесс будет продолжаться, то уникальному климату Гималаев грозит величайшая опасность. С горечью он повторил слова английского философа о том, что нынешняя цивилизация сама себя пожирает.

— По поводу современной цивилизации,— сказал Святослав Николаевич,— отец говорил так: «Все нашли, а человека потеряли».

Вы, конечно, знаете, что отцу принадлежит идея Пакта об охране культурных памятников во время войны. Полжизни отдал он борьбе за эту идею, миллионы сторонников появились у нее, и в конце концов — это произошло уже после его смерти — была подписана конвен-

ция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Но мало кто знает, что отец давал более расширенное толкование Пакту, чем это зафиксировано в международном протоколе. Его толкование вытекало из глубинного и глобального понимания самого термина «культура». Он считал, например, что по отношению к этому понятию слово «цивилизация» играет подчиненную роль: оно обозначает некоторые внешние признаки определенной эпохи, так сказать внешний орнамент человеческого бытия. А слово «культура» выявляет внутреннюю, многовековую, непреходящую духовную основу бытия. И, конечно, защита культуры подразумевала и охрану природы, человеческое и разумное отношение к красоте, которая нас окружает. А как же иначе?

И потом, по мысли отца, Пакт должен был действовать не только во время войны, но и обязательно — в мирное время. Более того, он подчеркивал: в мирное время Пакт даже необходимее, ибо и без грома пушек каждодневно совершаются неисчислимые преступления против культуры. Поэтому и нужна особая бдительность.

В свое время отец произнес знаменитую фразу: «Цивилизованный дикарь есть самое отвратительное зрелище». Кстати, эти слова, неоднократно им повторяемые, у некоторых людей вызывали прямо-таки приступы раздражения. В адрес отца появлялись публичные обвинения: дескать, он противник технического прогресса, убежденный враг современной цивилизации. А ничего этого не было и в помине. Он выступал не против цивилизации, а против бездуховности ее, не против технического прогресса, а против того, чтобы он становился самоцелью, тогда действительно все находят, а человека теряют. Помню, как за год до смерти он говорил:

«Культура забыта, и вместо нее кажет когти технократия. А без культуры засохнет духовный сад. Странно наблюдать, как, казалось бы, разумные люди забывают поставить во главе их начинаний именно культуру. Точно бы без нее зубчатая технократия вывезти может».

А знаете, о чем мечтал мой отец, и мечтал очень и очень давно? Об этом он тоже говорил незадолго до смерти:

«Вообще если один, всего один, мировой военный бюджет дать на просвещение, сколько невежества было бы просветлено, сколько цивилизованных дикарей превратилось бы в культурных тружеников. Мало, подобно попугаям, выкрикивать слово «культура», надо, чтобы она обнаружилась на деле».

Как видите, поле культуры было для отца подлинным полем битвы. Поэтому и сотрудников культуры он не называет иначе, как воинами. Прибегая к индийской терминологии, он именует их кшатриями. Отцу принадлежат многочисленные определения культуры. Обращаясь к первозданному смыслу слова, он расшифровывает его как «почитание света» («культ» — почитание, «ур» — свет). Менее известно другое его определение, а оно, на мой взгляд, наилучшим образом подчеркивает боевой, наступательный характер этого понятия: «Культура есть молот будущего». А молот — это то, что и творит, и сокрушает. Не правда ли?

— И все же у нас нет иного выхода, как быть оптимистами.— Доктор Синха по-ораторски взмахнул рукой, давая понять, что вторгается в беседу.— А то, что делал ваш отец,— обратился он к Святославу Николаевичу,— имеет прямое продолжение в наше время. О письме Махатм, которое Рерих привез в Москву, ныне знают многие. Но немногие знают о современных документах такого рода, потому что они широко не публикуются, потому что они не нуждаются в дешевой рекламе. Год назад в Москве был человек, с которым — и это для меня великая честь — я имел возможность познакомиться. Имя его ничего не даст, могу сказать лишь одно: многие, очень многие склонны считать его Махатмой. В обществе советско-индийской дружбы он произнес речь. У меня есть ее стенограмма. Я готовился к нашей встрече и захватил ее с собой.— Доктор Синха вынул из бокового кармана пиджака тонкие листы папиросной бумаги с отпечатанным текстом, сложенные

вдвое. Расправил их.— Мое мнение — это программный документ. Послушайте.

«Идеи Рамакришны[1] и Ленина, Индии и России должны стать моральной основой нового мира. Наш союз — не политический союз. Наш союз — это союз сердца мира. Начало века выдвинуло гигантские духовные батареи. Сегодня мы должны довести идеи духовного обновления до сознания каждого человека.

У каждой нации есть своя задача в мире. Две страны сегодня облечены высокой миссией преобразовать мир. Я счастлив сообщить, что этими странами являются Индия и Россия. Мы живем в прекрасное время. Мы построили мост между нашими странами, мы должны разрезать ленточку и пустить этот мост в эксплуатацию, мы должны соединить два берега.

Мы низко склоняемся перед подвигом России, сокрушившей дракона фашизма. Мы возложим сегодня нашу святую землю Гималаев на могилу Неизвестного солдата. Индия, как молния, должна сегодня зарядить Россию. Принципы, которые положены в основу наших отношений, древние и священные принципы. И не дай нам бог изменить им!

Нет ни одной страны на Востоке, которая не испытала бы вдохновения от революции в России. Революция в России была громом, разбудившим весь Восток.

Культура и подвиг идентичны. Ваша война дала пример массового подвига народа. Сегодня мы подошли к новому аспекту подвига — подвига в духе. Это сложнее, и люди к этому менее подготовлены. Но именно ваша страна имеет примеры такого духовного подвига. В замечательной книге вашего писателя Достоевского мы видим прекрасный образ риши Зосимы. Такие люди — поистине ваше национальное богатство. Когда читаешь поучения этого риши, становится понятным, почему вашей стране поручена миссия духовного обновления мира. Москва пропитана благоуханиями ваших подвижников. Ваш Юрий Гагарин смог подняться в Космос энергией этих мудрых риши.

Ваша страна прошла испытания физической битвы с фашизмом. Сейчас битва перенесена на духовный план, и интенсивность ее так велика, что понадобится мобилизация всех культурных сил, чтобы выиграть ее. Ваша страна должна начать огненную революцию духа.

Пример Америки показал, что техническая революция не есть еще прогресс человечества. Если сейчас мы не соберем под духовные знамена воинов культуры, все достижения человечества могут оказаться перед угрозой уничтожения и забвения.

В тридцатые годы Рабиндранат Тагор посетил Москву. Он написал тогда «Письма о России», где назвал вашу страну духовной державой мира. Послевоенные годы позволили создать базу для нашего совместного сотрудничества. 13 марта 1972 года было подписано соглашение о совместной работе в Космосе. Сегодня мы подошли вплотную к освоению великой энергии — космической энергии. Исследования Вселенной — это особый вопрос. В Космосе происходят сегодня разрушения, которые небезопасны для Земли. Наше всеобъемлющее сотрудничество должно противостоять этому.

Союз Индии и вашей страны имеет поистине космическое значение. Он возвестит начало очистительной грозы, а она оплодотворит землю благодатным дождем новых культурных идей, поможет нашей обновленной земле восстать в ликующем великолепии всех своих цветов и трав, которые понесут в Космос благоуханный аромат. И откроются человечеству пути в сверкающую Беспредельность».

— Так значит,— спросил я,— на могилу Неизвестного солдата была возложена гималайская земля?

[1] Рамакришна (1836—1886) — один из Учителей и духовных реформаторов новой пробуждающейся Индии. Суть его учения раскрыта в трудах Вивекананды и других его учеников. Наиболее полно его биография изложена в книге Ромена Роллана «Жизнь Рамакришны».

— Да,— отвечал Синха.— Могу даже сообщить точную дату.— Он посмотрел на текст стенограммы.— Двенадцатое июня семьдесят третьего года. Могу также сообщить, что была куплена лопата, маленькая детская лопата. Этой лопатой копали землю у обелиска. Потом ее привезли в качестве реликвии в Индию.— Доктор Синха опять сложил листы папиросной бумаги вдвое, спрятал их в карман.— Так что,— заключил он,— мы имеем очень большие основания быть оптимистами.

Три часа от силы заняла наша встреча, а расставались мы как старые добрые знакомые. Мы обменялись с министром книгами. Я подарил ему свой сборник стихов («Урочный час»), а он — довольно объемистую книгу с трогательной надписью: «Русскому брату моему...». Доктор Синха, прощаясь, спросил: «Я хочу прилететь на юбилей Рериха на своем самолете. Как вы думаете, мне разрешат это?» И по своему обыкновению тут же заговорил о другом: стал просить, чтобы, возвратившись, я ему немедля позвонил. «А впрочем, я сам разыщу вас в Дели. Через ваше посольство»,— пообещал он.

Ужин — мы, очевидно, еще не остыли от встречи, да и вообще было немного грустновато — прошел в молчании. Нина Степановна удалилась в свою комнату, а мы — Девика, Святослав Николаевич и я — поднялись ко мне, дабы совершить обряд прощания. Святослав Николаевич шутливо проворчал: «Я отвернусь. Прощайтесь». Девика меня обняла — на глазах у нее были слезы, стала целовать. А потом сказала:

— Мистер Сидоров, это ваш дом. Когда захотите, вы можете приехать сюда жить и работать. Двери его всегда широко открыты для вас.

Встали мы на рассвете. Я спустился к мемориалу Рериха. Взрыхлил лопаткой желтую, влажную от утренних испарений землю. Ссыпал несколько пригоршней в твердый бумажный пакет. Мне хотелось, чтобы кусочек Гималаев постоянно присутствовал в моем доме.

Вишну, его жена, слуги провожали нас с цветами в руках. Цветов было великое множество — розы, тюльпаны. Когда мы погрузили их в машину, она стала напоминать передвижную оранжерею. Мы распрощались со Святославом Николаевичем, троекратно расцеловались по-русски и — в путь.

Шофер радовался возвращению, как дитя, ибо устал донельзя от пребывания в Рест Хаузе. Он, очевидно, наслушался всяких рассказов о привидениях, и по ночам его мучили кошмары. Каждую ночь — естественно, все это происходило во сне — на него нападали полчища злых духов, и, вооружившись саблей, он храбро сражался с ними. Он был счастлив, что полоса сражений сейчас позади. Нина Степановна понимающе, сочувственно кивала ему головой. А мне казалось, что кошмары тут дело десятое: просто-напросто парень соскучился по своей семье.

Обратная дорога прошла без всяких приключений. Вернулись мы в Дели поздним вечером. Снова — отель «Дипломат». Я снял точно такой же номер, как и прежде. Но стоил он теперь не семьдесят семь рупий в день, а восемьдесят восемь. В наше отсутствие подорожал бензин, и соответственно этому моментально поднялись все остальные цены.

«Первое, о чем помните больше всего: внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека — только внимание. Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьет своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого.

Каждый из нас пропускает без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Все упирается в рассеивающееся

внимание или, вернее, в однобоко концентрирующееся внимание, упускающее из поля зрения все, кроме привлекающих дух мыслей.

Обо всем надо помнить, все держать в памяти, хотя бы небо сияло в душе.

В твоей комнате стоит зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, оправляя перед зеркалом складки своего платья, а о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смешон в своей одежде. Запомни, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высоко развитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в их пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высокоразвитому и чистому человеку.

Вторая условность: «Здравствуй», которое говорят люди друг другу. Ты еще глубже должен понять это слово как привет любви, как поклон Огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но остов твоего собственного доброжелательства в момент встречи с человеком.

Начинай через все привычные людям щели их условного общения друг с другом вносить благородство сердца. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют им восприятие твоего собственного образа, а привлекают их.

Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя злющего и строжайшего наставника самому себе, как вы не желаете быть им для других. Душа каждого из нас — тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растет и очищается только силой той доброты, что источает сердцу встречного, а не приказом воли, повиноваться которой без легкости и доброты — и есть путь злых.

Ничего нет во Вселенной, что мог бы сделать человек, стоя в одиночестве. Все в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе до конца, открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб. Будь внимателен к окружающим тебя людям, и ты будешь расширять свое внимание все дальше и дальше. И ты будешь видеть на много верст кругом, как и где нужна твоя помощь. Внимание человека утомляется и суживается потому, что оно много и долго обращено на самого себя. Когда оно перестает сосредоточиваться на себе, оно не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа. Человеку начинает казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца.

Идущие путем сердца не спрашивают себя, хорошо или плохо будет то, что они делают. Они идут и делают. Их ведет простая доброта.

Не ищи понять, как, куда и откуда идет человек, если он встретился тебе. Ищи подать ему помощь в эту минуту встречи. Ибо нет ничего важнее на земле, чем протекающая сейчас эта встреча. Если сумеешь внести в свою встречу мир, твоя задача выполнена. Бдителен будь в своем внимании, и вся жизнь ни на одну минуту не пройдет мимо тебя.

Тот, кто пришел к тебе,— самое главное твое дело. Оно первое по важности, отдавай ему всю полноту сил и чувств и не оставляй каких-то частей духа и разума для дальнейшего.

Дни перед отъездом выдались суматошными. Но в памяти ничего особенного не отложилось. Очевидно, самое значительное уже произошло.

Нина Степановна — мы с ней виделись постоянно — ходила как в воду опущенная. Оказывается, на другой день после нашего отъезда появился Гуру. Он очень досадовал на Нину Степановну за ее исчезновение. Ждал ее несколько дней в Дели, затем уехал, правда, обещал скоро вернуться. Но в пути схватил лихорадку. Слег. Об этом сообщил в телеграмме его чела.

Все это время мы жили в ожидании приезда Рерихов. Мы осведомлялись о них в отеле «Империал». В Дели — об этом мы знали от Святослава Николаевича — они всегда останавливаются именно там.

Седьмого июня, как раз накануне моего возвращения домой — восьмого я улетал,— мы наконец дозвонились до Святослава Николаевича. Было радостно услышать в трубке его приветливый голос. Он позвал нас к себе. Ровно в двенадцать, как условились, мы с Ниной Степановной были у него в номере.

Рерихи — они приехали вчера — успели отдохнуть с дороги. Вид у них был свежий, бодрый, но несколько озабоченный. Здесь они сразу оказались вовлеченными в круговорот столичной суеты. Их атаковали журналисты; им нужно было готовиться к официальным приемам. На сегодня, например, им назначил встречу министр иностранных дел. Они должны были обсудить с ним вопрос о транспортировке картин Николая и Святослава Рерихов в Советский Союз на юбилейную выставку. Поэтому одеты были Рерихи по-праздничному: Святослав Николаевич — в белоснежном кителе, застегнутом наглухо на все пуговицы, Девика — в шелковом красном сари. На руках у нее вспыхивали белыми, желтыми и голубыми лучами бриллианты.

Нас они пригласили разделить с ними ленч. Мы спустились вниз и, миновав киоски и ювелирные магазины, очутились в огромном, прохладном, полусумрачном зале ресторана. Горели приглушенным матовым светом лампы. Оркестр играл вальс Штрауса.

Как всегда, у меня случилось недоразумение с едой. На первое нам подали холодную желеобразную массу. Это был замороженный мясной бульон. Я попробовал. Увидев мое вытянувшееся лицо, Святослав Николаевич сжалился надо мною. Он подозвал официанта, и вот мне принесли тарелку горячего дымящегося китайского супа. В нем плавали останки то ли черепах, то ли змей. Делать нечего. Ел, стараясь не смотреть в тарелку.

Вернувшись в номер, мы подвели итоги наших встреч. Условились на будущее. А потом за журнальным столиком я составил письмо Индире Ганди по поводу юбилея Рериха. Святослав Николаевич тут же перевел его на английский, отдал секретарю отпечатать на машинке. Он взялся передать письмо Индире Ганди, когда она возвратится из своего кратковременного отпуска, это должно было произойти не сегодня-завтра.

«Уважаемая госпожа Премьер-Министр!

В связи с празднованием столетнего юбилея великого русского художника Николая Рериха, чье имя стало символом духовного и культурного единства народов Индии и Советского Союза, я хотел бы задать Вам несколько вопросов, которые интересуют нашу общественность. Не могли бы Вы, уважаемая госпожа Премьер-Министр, рассказать нам о Ваших впечатлениях об искусстве Николая Рериха? Мы были бы очень благодарны, если бы Вы поделились с нами Вашими личными впечатлениями от встреч с Николаем Рерихом. Если обстоятельства Вам позволят, не хотели бы Вы посетить выставки Николая Рериха и Святослава Рериха?

С глубоким восхищением и уважением

В. Сидоров».

По совету Святослава Николаевича я присоединил к письму свой последний сборник стихов. Я полагал, что имею некоторое моральное право на такой подарок: в книге были напечатаны мои первые «индийские» вещи — баллады о Сакья-Муни и Акбаре, а также цикл «Голубые холмы Индостана».

Вскоре по приезде в Москву я получил ответное письмо. Оно было датировано одиннадцатым июня. Вот его текст:

«Дорогой господин Сидоров!

Благодарю Вас за Вашу книгу стихов. Я сожалею, что не знаю русского языка.

Николай Рерих действительно был великим художником и выдающимся человеком. Его картины, изображающие наши горы, красочны и полны глубокого чувства. В них схвачен дух Гималаев и дух самой Индии. Я встречала господина Рериха только однажды, когда мой отец и я были гостями в его доме в течение нескольких дней в 1942 году. Я была под впечатлением его личности. Действительно, вся семья была очень талантлива.

С добрыми пожеланиями.

Искренне Ваша

Индира Ганди».

Письмо было опубликовано в журнале «Огонек» и, конечно, сыграло свою конструктивную роль в подготовке юбилея художника.

И вот я опять прощаюсь с Рерихом. Теперь уже надолго. Святослав Николаевич обнял меня за плечи, сказал — это, пожалуй, прозвучало как напутствие: «Старайтесь всегда идти верхним путем. Когда будет трудно, вспоминайте слова Николая Константиновича: «Чем выше идеал, тем больше псов его облаивает». И добавил — внушительно и серьезно,— что отныне своими мыслями будет поддерживать и защищать меня.

А мне предстояло в этот день еще одно необходимое, но весьма хлопотливое мероприятие. У меня оставались деньги, и в предельно короткий срок мне нужно было обязательно обежать магазины, чтобы купить подарки для родных и пополнить запас сувениров для знакомых. В сопровождении Нины Степановны я отправился на тибетский базар. И здесь произошла следующая история. Только мы вошли в тибетскую лавочку, только уселись, а перед нами хозяин высыпал на прилавок безделушки, как вдруг на пороге магазинчика выросла фигура человека в шляпе и с перекошенным от изумления и ужаса лицом. Это был мой однокашник по университету, а ныне переводчик арабской и индийской поэзии (он, в частности, перевел на русский язык книгу лирики Назрула Ислама) Михаил Курганцев.

Тут надо дать небольшое пояснение. От Миши Курганцева я знал, что он включен в состав писательской группы, которая направляется в Индию. Я же готовился к поездке в Индию по другой «линии» — от журнала «Огонек»,— но держал это втайне от своего приятеля. Лелеял мысль поразить его впоследствии сюрпризом: сроки наших поездок примерно совпадали. Но случилось так, что писательская делегация опередила меня на целую неделю. Они выехали столь неожиданно, что я не успел предупредить друга о своих планах. Поэтому можно представить степень его удивления.

Он увидел меня со спины и последовал за мною («посмотреть на человека, который так похож на тебя»). Вначале не поверил своим глазам. «Подумал: мираж, призрак. Залететь за столько тысяч километров от Москвы и вдруг увидеть тебя здесь, в Дели, спокойно восседающего в тибетской лавочке. Я решил, что у меня от индийской жары просто-напросто свихнулись мозги».

Но мгновения растерянности и удивления прошли. Я представил Курганцева своей спутнице. Та чрезвычайно обрадовалась, что я встретил знакомого: она получила возможность, так сказать, сдать меня с рук

на руки, а сама могла отправиться к друзьям-индийцам, чтобы навести справки о своем Гуру.

А я — теперь уже вместе с Курганцевым — продолжил рейд по торговому центру столицы.

Однако не успели мы сделать и нескольких шагов, как — новая встреча. Нас остановил возглас: «Товарищ Сидоров!» Кричал индиец в белом полотняном костюме. Я не сразу даже сообразил, что это доктор Синха. В посольстве он узнал мой адрес. Звонил несколько раз мне по телефону, но не заставал меня. Мне потом передавали от его имени записки. Но я возвращался к себе столь поздно, что считал неудобным ему звонить. И вот теперь он сам передо мною, сияющий, возбужденный. «Какой я счастливый!» — восклицал он, выражая бурный восторг по поводу встречи.

Втроем — цель все та же: покупки — мы помчались, ускоряя темп шагов, по магазинам. Времени было в обрез: в половине седьмого они закрывались. Но появление Синхи упростило задачу. С его помощью я почти моментально истратил все деньги. Единственная покупка, на которую он наложил решительное вето,— чай. «Ни в коем случае не покупайте, товарищ Сидоров. Я презентую вам чай особого рода».

Он пригласил нас к себе в гости. Дом — здесь живут члены парламента, сообщил нам Синха,— был неподалеку от торгового квартала. После ходьбы и уличной сутолоки мы с удовольствием вытянулись в креслах. Доктор Синха громко хлопнул в ладоши: «Кришна!» Слуга, носящий имя великого бога, безмолвно и почтительно вырос на пороге комнаты. Достал из холодильника кока-колу, содовую. Пока мы утоляли жажду и наслаждались отдыхом, доктор Синха пересказывал свою биографию. Она произвела на моего товарища такое же оглушительное впечатление, как и на меня.

Курганцев возвращался в Москву ночным рейсом, я — утренним. Распрощались. Он направился к себе в гостиницу, а я — к себе, сопровождаемый, конечно, доктором Синха. Кстати, он преподнес мне обещанный дар: большую пачку чая полукилограммового веса. На ней крупными английскими буквами было напечатано: «Только для членов парламента». Могу признаться, что более вкусного и более ароматного чая я не пробовал. В Москве я берег его для торжественных случаев, для гостей.

В свою очередь, когда мы очутились у меня в номере, я отдал ему все оставшиеся московские сувениры: деревянные грибы, расписные матрешки, бутылку водки. Так как я общался с непьющим народом, то она без толку пролежала у меня в чемодане.

— Я не пью,— сказал доктор Синха,— но подарю ее своему знакомому летчику, летающему в Непал, в Катманду. Он большой любитель русской водки.

— Товарищ Сидоров,— обратился ко мне Синха,— а не хотите ли вы вместе со мною сходить в ашрам Вивекананды? Он не так далеко отсюда. Правда, встать надо очень рано, чтоб успеть вам попасть к самолету.

Я поблагодарил, но отказался.

— Нет сил, да и времени тоже,— признался я.

— Я вас завтра обязательно приду провожать,— заявил доктор Синха, когда уходил.

Он действительно пришел меня провожать. Пришел первым. Потом уже появились Нина Степановна, Юрлов. Сделал трогательный подарок.

— Так как вы не попали в ашрам Вивекананды,— сказал доктор Синха,— то возьмите вот эту книжечку.

Он протянул мне маленькую брошюру, испещренную карандашными пометками: «Message of Vivekananda» («Послание Вивекананды»).

— Эта книжка всегда сопровождала меня во время полетов. Стала как бы амулетом. Пусть теперь она будет у вас.

Очки на переносице доктора Синха убыстренно задвигались. Значит — его осенила новая мысль.

— Товарищ Сидоров! Приезжайте в Индию месяца-на три. Вместе с семьей. Я буду сам возить вас на своем самолете!

На этот раз я увидел Гималаи сверху. Небо было прозрачным, и под нами медленно плыли горные хребты, сверкающие белизной снегов. Трудно, как я уже говорил, выразить ощущение от Гималаев. О них написано много, а будет еще больше, ибо тема — неисчерпаема. Но, на мой взгляд, нечто самое сокровенное затронул Ромен Роллан в своей книге «Вселенское евангелие Вивекананды».

«Переведем дух! Залижем наши раны! Вернемся в гнездо Гималайских орлов! Оно ждет нас! Оно — наше! Мы, орлята Европы, не должны отказываться от своей истинной природы. Наша истинная природа — в этом гнезде, из которого мы когда-то вылетели, она — в тех, кто сумел сохранить ключи нашей башни — нашего Высшего Я. Мы вовсе не должны в ней замыкаться. Нам нужно лишь освежить свои усталые члены в великом внутреннем озере. Потом, успокоив лихорадку, с мускулами, налитыми новыми силами, вы вновь, если пожелаете, будете продолжать ваши Нашествия, друзья мои. Пусть, если таков Закон, начинается новый круг! Но сейчас необходимо, подобно Антею, прикоснуться к земле, прежде чем продолжать борьбу! Обнимите ее! Пусть наша мысль возвратится к Матери! Пейте ее молоко! Ее сосцы могут еще напитать все народы земли».

Этими словами я, пожалуй, и заключу свой рассказ.

Вместо эпилога

Лотос Брамы

Мысль прикасается, но трепетно и зыбко,
К великой тайне чакрамов твоих.

В индийских источниках чакрамами именуются невидимые центры человека, своеобразные воронки, втягивающие в себя солнечную и космическую энергии. Этим центрам, как правило, соответствуют органы физического тела (сердце, солнечное сплетение и др.). Давно уже замечено, что поэтическая интуиция (вспомним древние сказания, мифы, легенды) опережает строгую, придирчивую, подчас недоверчивую логику научного мышления. Но наступает счастливый миг расширения человеческого сознания, когда наука и поэзия сходятся в одной точке. Проблема биополя, энергетических излучений человека, недоступных ранее нашему восприятию, а ныне фиксируемых чувствительными приборами, проблема, которая волнует умы ученых всего мира, непосредственно подводит нас к таинственным чакрамам индийских преданий. Великий американский поэт Уолт Уитмен говорил: «Я весь не умещаюсь между шляпой и ботинками». То, что недавно казалось поэтической гиперболой, ныне становится реальностью, подтверждаемой тщательно проверенным экспериментом.

Вот этой реальности — семи сокровенным чакрамам человека — и посвящены стихи, объединенные названием «Лотос Брамы».

Их тема и структура подсказаны индийской традицией, и в известном смысле их можно считать вольными переводами. Это — стихи-медитации, иными словами, стихи, носящие характер внутренней беседы.

Вступление

Семь сфер Огня ты должен
пронзать.
Седьмое небо — это Лотос Брамы.

—

Стихиею незримого Огня
Ты окружен, когда уходишь
в чакрам.

—

Движенье чакрамов есть очищенье
духа
И очищенье тела и души.

—

Из вихрей из мертвящих
воскресаешь,
Когда твой чакрам начинает жить.

—

А чакрамы — прожекторы.
Включаем —
Свет прорезает тьму вовне
и в нас.

—

Невидимые чакрамы твои
Стать органами действия
стремятся.

—

Они живут, вращаются и властно
Преобразуют помыслы твои.

—

Коль чакрам действует — процесс
необратимый
Начался. Дух звучит теперь
в тебе.

—

Огонь ты извлекаешь
из пространства,
Коль чакрам действует, коль дух
заговорил.

—

Включивши чакрам, ты уже
не можешь
Сам по себе тот чакрам отключить.

—

А чакрамы, в которые уходишь,
Есть тело света. Лишь в него
облекшись,
Ты можешь стать творцом
и сотворцом.

—

А чакрамы — суть органы твои,
Которые сегодня устраняют
Кривозеркальность мира твоего.

—

Звучит в тебе великое Единство.
Все чакрамы сливаются в одно.
Различья есть. Но главное —
Единство.

—

Ты в чакраме любом соединен
Со всеми теми, кто работал также
Или работает.

—

Здесь встреча начинается твоя
С Единой Жизнью и Единым
Светом.

—

Развитье центров для того и нужно,
Чтобы полней воспринимать
любовь,
Идущую от Жизни.

—

А чакрам — это генератор счастья,
Родник воды воистину живой.

—

Едины чакрамы. Но есть различья
все же
В строении, тональности и цвете.
И потому, коль ты настроил чакрам,
То действуй в этот день в его волне.

—

Работа с чакрамом — постройка
цитадели,
В которой будешь ты несокрушим.

—

Ритм чакрама пускай определяет
Твои дела, твое участье в них.

—

О чакраме весь день ты должен
помнить
И уходить в него, когда нахлынут
И суета, и хлопоты твои.

—

Твой каждый чакрам — это щит
незримый
И меч разящий, если нападут.

—

Вершина горная — вот что такое
чакрам.
Взошел на гору. Так дыши всей
грудью,
О дольнем мире в этот миг забудь.

—

А чакрам лишь вначале островок.
Потом он — континент, планета,
Солнце.

—

Напоминает каждый чакрам
Солнце.
Когда он действует, оно восходит
в нас.

—

И каждый чакрам связь имеет
с Солнцем
Прямую. И когда в работе чакрам,
Энергией он насыщает мир.

—

Включенье чакрама высвечивает
вас.

Вниманье Космоса к себе ты
привлекаешь.

—

Работа с чакрамом и делает
созиданье
Космическим. Из жителя Земли
Становишься ты жителем
Вселенной.

—

Ритм Космоса становится твоим,
Когда работать начинает чакрам.

—

Познанье через чакрам это есть
Познанье, отключающее чувства.

—

Оно — над чувством
и над восприятьем.
Через безмолвье познаёшь
звучанье,
А через вечность время познаёшь.

—

Всегда готов к работе каждый
чакрам.
Имей лишь мужество в движение
привесть
Рычаг незримый.

Глава первая

Есть такая формулировка: «Сердце на всех — одно». В пояснение этой мысли говорится:

«Сосредоточившись на чакраме сердца, ты отбрасываешь все свои личные мысли, а значит, личное «я». На какое-то мгновение становишься человеком вообще, как бы воплощающим в себе все человечество. Так происходит с каждым, работающим над чакрамом сердца. Вот и получается, что сердце на всех — одно».

Бушующее море, океан,
Вначале неподвластные безмолвью.

—

По ниточке над бездною иду.

—

Мысль — хрупкий мост и невесомый
мост
Меж сердцем и меж мною.

—

А вот теперь я вижу красный цвет
И облака, наполненные светом.

—

Когда вниманье прикуешь свое
Ты к чакраму, то он горит сильнее,
То он звучит — мне кажется —
сильней.

—

Перемежаются и холод и тепло.
А сердце красное. А чакрам сердца
белый.
А красный цвет уходит в белизну.

—

Оцепененье нарушая сна,
В который вас мир плотных форм
ввергает,
Дух начинает пробуждаться ваш.

—

Грань между сном и явственным
условна.
То и другое сочетая в духе,
Ты в третье состояние обязан
Себя ввести.

—

Смерть предвещает жизнь.
Смерть равнозначна жизни.
Очнувшись от Безмолвья, вновь
и вновь
Рождаюсь я.

—

Теряешь «я» — приобретаешь мир
И новое очищенное «я».

—

А внешние заманчивые формы —
Условность. И меняются они.
Они нужны, чтобы тебя направить
На путь и подвиг духа твоего.

—

Все волшебство, все феномены мира
Ничто в сравненье с устремленьем
сердца.

—

Но устремленность не должна быть
жесткой,
А мягкой, незаметной быть должна.

—

Канонов нет. Все правила нелепы.
Для каждого — свой собственный
закон.

—

Иди вперед не по чужому следу.
Ищи свой путь. Ищи свою тропу.

—

Физическое тело — аппарат,
Который дух настраивает ныне.

—

Не ты, твой дух сигналы подает.
«Я здесь. Я здесь»,— несется
в Беспредельность.

—

И регулярность этого сигнала
В любых условьях жизни так важна.

—

Но ведь и ты сигналы принимаешь,
Но только неосознанно пока.

Завеса, отделяющая вас
От высших планов,— лишь в самом
тебе.
Она — в неверье, страхе и сомненье.

—

Будь чист душою и будь духом
тверд,
Дабы могла пройти через тебя
Волна любви, Космической любви.

—

А Голос духа ты услышать можешь
Лишь через сердце. Нет других
путей.

—

Безмолвный Голос — это голос
сердца.
Понятия тождественны сии.

—

Грядущее и прошлое твое
Встречаются, когда уходишь
в сердце.

—

Контакт, который раскрывает душу,
Вершится сердцем. Только через
сердце
Ты можешь боль чужую ощутить
И радость тоже.

—

В известном смысле путь развитья
сердца —
Единственный ведущий к Свету
путь.

—

Без подключенья сердца
соблазнишься
И грех гордыни может захватить.

—

Любовь есть сила духа твоего,
Которая преобразует мир
Застывших форм и неподвижных
форм.

—

Любить — ведь это значит
познавать
И в каждом видеть искру Абсолюта.

—

Вдруг вырваться из временно́го
в Вечность —
Какая радость и какой простор!

—

Огонь пространства вызываешь ты.
Огнь духа и космический Огонь
Соединяются, когда включаешь
сердце.

—

Сердце в себе концентрирует
память,
Но не простую —
Предвечную память,
Вечность есть тайна.
Предвечное — тайна из тайн.

Глава вторая

Чакрам сознания иногда называют третьим глазом. Считается, что физический орган, соответствующий этому чакраму, расположен во лбу.

Ни темноты, ни света. Ничего.
Немного ломит лоб.

—

Как будто вызов посылаю я
И жду ответа, отключив прожектор.

—

Но, боже мой, энергия какая!
Как будто луч, исшедший из меня,
Способен все пронзить и все
прорезать.

—

А тяжесть, что слегка давила грудь,
Исчезла сразу — стоило уйти
Мне в область мысли.

—

Луч, бесконечность пронизав на миг,
К тебе же возвращается.

—

И волны, волны веют на меня,
Как будто кто-то ласково ко лбу
Незримою рукою прикоснулся.

—

Дыханье неба и дыханье света
Сливаются с дыханием моим.

—

Как будто бы во лбу образовалось
Отверстие, куда струится свет.

—

...И умираешь ты для временно́го.

—

Ты должен быть предельно
обнаженным,
Как будто ты родился нищ и гол.

—

Дыши свободно воздухом свободы.
Все книги, все учения забудь!

—

Контакт, уже налаженный тобою,
Не должен ты сомненьем прерывать.

—

Не отрицанье мира твоего,
А утвержденье мира происходит
И как бы освящение его.

—

Ты в этот миг преобразуешь Карму.

—

Коль Солнце загорается во лбу —
Тьма отступает,

—

Твой третий глаз, твой потаенный
взор
Тогда лишь действует, когда
спокоен дух
И в равновесье и душа, и тело.

—

Да не закроют третий глаз сомненья
И пелена житейских мелочей!

—

А третий глаз чувствителен и чуток.
Он чувствует прикосновенье
мысли.

—

Вся информация о прошлом и
грядущем
К тебе идет, не загружая мозг.
Но в должный час вдруг вспыхнет
озаренье
И станет ясным, что затемнено.

—

А третий глаз не видит, а предвидит,
Поскольку видит будущее он,
Поскольку прошлое ему открыто
тоже.

—

Своеобразной линзой третий глаз
Мне представляется. Здесь все
оттенки спектра,
Но цвет оранжевый здесь самый
главный цвет.

—

Свет, возникающий в сей линзе,
необычен.
Он выметает все дурные мысли
В самом тебе да и вокруг тебя.

—

И он к себе притягивает свет,
Идущий из великого пространства,
Идущий из глубин твоих незримых,
И фокусирует весь этот свет в огонь.

—

Усильем духа создаешь ты сетку.
Она — преграда для ненужных
мыслей.
И только мысль, прошедшая
Безмолвье,
Безмолвьем озаренная придет.

—

А мысль твоя, сквозь чакрамы
пройдя,
Дыхание второе обретает,
Дыхание Безмолвия несет.

—

Почувствуй освежающий поток,
Идущий сверху в этот миг
прозренья.

—

Не для себя я ощущаю Свет.
Не для себя я устремляюсь к Свету.

—

Источник Света, если дан тебе,
С единственною целью, чтоб ты
видел
Единое во всем, что окружает.

Глава третья

В отличие от других чакрам воли не имеет воплощения на физическом плане. Считается, что он расположен симметрично чакраму сердца.

А с правой стороны я ощущаю
Второе сердце.

—

Я чувствую — второе сердце кровь
Струит по жилам, наполняя силой.

—

Здесь — Голос духа, и здесь —
Сердце духа.

—

Не упусти, не упусти мгновенье.
Готовь себя к великому прыжку.

—

Приказ и зов не прозвучат здесь
дважды.

—

Пробейся, Голос, сквозь мои
невзгоды
И огорченья мелкие мои!

—

А чакрам твой опорный пункт для
духа.
Через него тебя наполнит дух.

—

Себя отвергни — и войдешь сюда,
И меч в руках почувствуешь
тотчас же.
Но до конца себя отвергнуть
должен.

—

Ты сам мечом разящим отсеки
Свои сомненья, страхи и желанья,
Коль оживут и зашипят они.

—

А меч потом да превратится в посох,
Жезл направляющий.

—

Но Ад и Рай ты раздели в себе.
Лишь с этого момента и начнется
Твой путь через Чистилище твое.

—

Что значит Ад? Иллюзия и призрак.
Что значит Рай? Реальность бытия,
Сквозящая сквозь призрачные
формы.

—
Твои ошибки — это испытанье.
Они важны не сами по себе,
А как ты к ним относишься.

—
Свободу воли превращаешь в гнет,
Когда в самом себе ты не уверен,
Когда подвержен токам темноты.

—
Но вырастает радость из страданья,
Но торжествует радость
над страданьем,
Когда ты знаешь, кто ты и зачем.

—
Любой твой чакрам, чакрам воли
тоже —
Твоя защита. Растворяйся в нем
Во время испытанья и невзгоды.

—
Здесь тишина энергию таит
Такую, что представить невозможно.

—
Вся тяжесть мира, внешней суеты
Здесь усмиряется незримою волною.

—
Здесь цвет гармонии — цвет желтый,
золотой.
Он все себе оттенки подчиняет.

—
А импульс воли — это импульс
сердца,
Свободного от страха и тревог.

—
И не суров зовущий Голос воли,
А радостен и внятен слуху он.

—
А воля — это выявленье сил,
В тебе самом таящихся до срока.

—
Стремление постичь незримый мир
Есть мост, миры связующий друг
с другом.

—
Ты учишься сегодня выходить
Из своего физического тела.

—
Из тела выйти надобно легко,
Без всякого усилья и нажима.

—
Теперь уже над чакрамом работай
Не только в одиночестве — в толпе.
Сумей найти свободное мгновенье
Для утвержденья духа своего.

—
А что такое воля? Выявленье
В тебе самом Космической любви.

—
К одной и той же цели все
приводит —
К раскрытию Космической любви.

—
Нет, воля не смыкается с насильем.
Она — порыв Космической любви.

—
Гармония космических процессов
(Большой Вселенной и Вселенной
малой)
Есть результат духовного
стремленья,
Есть результат безмолвья твоего.

—
Свобода воли для того дана,
Чтоб, выросший из детских
распашонок,
Ты стал творцом и сотворцом
с Единой
И Вечной Жизнью.

—
Время искать.
Время к истокам своим
возвращаться.
Время —
Предвечный Огонь ощутить.

—
Дерзай, человече,
И знай, человече:
Обратный твой путь
Не во времени —
Над.

Глава четвертая

На физическом плане чакраму творчества и жизни соответствует солнечное сплетение.

Да будет Свет! — вот постоянный
клич,
Когда дерзаешь взяться за творенье.

—
Да будет Свет! — все время
повторяй,
Чтоб ни на миг в пути не уклониться.

—
Твори себя и мир вокруг твори
С таким же чувством, как творят
молитву!

—
Огонь пространства и Огонь во мне
Соединились, превратившись
в пламя.

—
Из кожаной одежды извлекаешь
Ты сам себя, когда уходишь
в чакрам.

—
Энергия, рожденная на Солнце,
Через него идет, через него!

—

А творчество есть утвержденье
связи
Меж миром внешним и незримым
миром.

—

Мир внешний и мир внутренний
сомкнулись.
Здесь — точка единенья двух миров.

—

Здесь точка удаленья от себя.
Здесь точка приближения к себе.

—

Здесь орган интуиции твоей,
Над чувствами парящей и над
мыслью.

—

Срединный чакрам. Здесь
пересеченье
Всех токов: как и низших, так
и высших.

—

Здесь встречные потоки образуют
И вихрь и бурю. Только дух
и может
В гармонию их стычки превратить.

—

Распятье творчества — великое
распятье.
Лишь добровольно на него идут.

—

Крест творчества и есть соединенье
Основы низшей с вашим высшим «я».

—

Их единенье есть преображенье.
Без этого нет жизни. Нет тебя.

—

Ты распинаешь похоть, жадность,
зависть
И страх пред жизнью и самим собой.

—

Но отверженье самого себя —
Не выполненье долга или мука,
А радость величайшая твоя.

—

Себя ты утверждаешь сим крестом,
Освободив светящееся тело.

—

Жизнь Космоса и творчество его
Ты через чакрам ощущаешь ныне.

—

Вступай в контакт с планетами
иными,
Светилами безбрежного
пространства.
Ты через чакрам можешь их узреть.

—

Два Космоса скрестились:
Макрокосмос
И Микрокосмос, образуя крест,
Крест огненного творчества и жизни.

—

В согласие два Космоса привесть —
Задача человеческого духа.

—

Материя светящегося духа
Не в рамках временного существует.
Другие формы и другие числа
Определяет непостижный ритм.

—

При помощи духа включай
аппараты,
Которые действуют в нашем мозгу.

—

Творческий дух
Все пронизывать должен.
Воля быть творческой только
должна.
Творческим — ум.
Ну а творчество сердца
Носит названье,
Роднящее всех нас,—
Любовь.

Глава пятая

Центральному чакраму соответствует срединная часть грудной клетки. Нередко чакрам изображают в виде Чаши, из которой исходит луч, соединяющий с чакрамом, расположенным в области горла. Тем самым подчеркивается, что два чакрама — центральный и горловой — связаны между собой особым образом.

А Чаша жжет физическое тело.

—

Она есть синтез всех твоих начал,
Преображенных в чакрамах
духовных.

—

Все то, что переплавлено в тебе,
Огнем незримым наполняет Чашу.

—

Ты прикасайся к Чаше, как
к святыне.

—

Не закрывай от взора своего
Священную сверкающую Чашу.

—

Из этой Чаши полной мерой черпай
И силу, и бесстрашье, и любовь.

—

А Чаша отливает аметистом.
Свет фиолетовый струится
в тишине.

Хранитель Чаши — собственный
твой дух.
Тебя он причащает этой Чашей.

—

А грудь моя мне кажется сейчас
Открытой нишей. В этой нише —
Чаша.

—

А Чаша эта как бы в полумраке.
Свет от нее не ярок, а скорее —
Таинствен он, мягок, приглушен.

—

Слепящий луч, из Чаши исходящий,
Соединяет с Солнцем. Связь прямая
Идет через Него.

—

Круг солнечный содержит тоже
Чашу.
Лучом с той Чашей ты соединен.

—

Ты ощущаешь ритм и пульсы
Солнца,
И через чакрам Солнца постоянно
Его сигналы получаешь ты.

—

Огонь и свет, скопившийся в тебе,
Вверх устремясь, подъемлются
над Чашей.

—

...И мысленно людей благословляй
Ты этой Чашей.

—

Прожекторами чакрамов сегодня
Поднята Чаша радости твоей.

—

Великое доверие к тебе
Проявлено, коль ты благословлен
Испить из Чаши радости Вселенской.

—

Творенья Света, ты и я, и все мы
Должны хотеть почувствовать
Творца.

—

Творенье и Творец нерасторжимы.
Их связью сокровенной жив твой
дух.

—

Творец уверен, что его творенье
В конечном счете вспомнит о Творце.

—

Начало новой эры человека —
Творенье возвращается к Творцу.

—

Обетованье вечности твоей —
В священной Чаше.

—

То Чаша Жизни огненной твоей,
Единой, непрерывной и бессмертной.

—

Все воплощенья прошлые твои
Слились в одно, соединились в Чаше.

—

Свет воплощений будущих твоих,
Как тонкий луч, пронизывает Чашу.

—

Тела уходят. Чаша остается.
Ее к Престолу Вечности несешь
Через миры, века и манвантары.

—

Над кругом времени ты поднял эту
Чашу!

Глава шестая

Горловой чакрам — реализатор наших мыслей и чувств. Очищенные и преображенные духовным усилием, мысли и чувства человека во внешнем мире кажутся необычными, царственными. Может быть, поэтому чакрам олицетворяется величественным образом Престола.

Священной Чашей причащает тот,
Кто на Престоле духа восседает.

—

Подняться ввысь к подножию
Престола
Возможно лишь, вооружась
бесстрашьем
И каждой клеткой Вечность
возлюбив.

—

Но не ползи по-рабски по ступеням.
Сорвешься вниз, отброшенный назад.
Открыто, независимо, свободно
По лестнице, ведущей вверх, иди!

—

...И вот стою перед Престолом духа,
Его готовый выполнить наказ.

—

«Мой царь, мой повелитель! Дай
мне отблеск
Сиянья негасимого высот.

—

Благослови, сидящий на Престоле,
Во имя Света дух мой устреми!»

—

Не некто на Престоле восседает,
Что чужд тебе и отдает приказы,
А это ты, преображенный духом.

—

Здесь ты такой, каким ты должен
быть,
Когда свершится Путь
Преображенья.

—

Не раздвоенье это — осознанье
Извечного и истинного «я».

—

Лишь цепи рабства сбросивший
невек,
Лишь осознавший царственный свой
дух
Идет путем единства с Абсолютом.

—

Но царствовать ты должен
над собой,
Над чувствами и мыслями
с уменьем
И величайшим тактом.

—

В минуты униженья и смятенья
Представь себя сидящим
на Престоле.
Припомни, кто ты, и гляди
спокойней
На мир страстей.

—

Ты независим, ибо твой Престол
Не могут колебать ветра и волны,
Ничто Его не может пошатнуть.

—

Все человечество ты сам в себе
несешь,
Его страданья, взлеты и паденья.
От воплощений прошлых и грядущих
Не отчужден. Твой дух сверкает
в них.

—

К источнику бессмертья припадая,
Ты освежайся волнами его.

—

Слились в безмолвье тело и душа
И устремленный дух. А это значит,
Что чакрам твой раскрылся и звучит.

—

Работа с чакрамом — преображенье
мира.
Не фраза это, а закон, который
Новейшая наука вам откроет,
Экспериментом четким подтвердит.

—

Материя в энергию вот здесь
Преобразуется. Незрима, невесома.
Электризует всех людей, весь мир.

Перекрещенье внутренних и внешних
Лучей собою образует чакрам,
Сияющий, как горная вершина,
Величественный, будто бы Престол.

—

В основе мира простота лежит.
И механизм единства с Абсолютом
Предельно прост.

—

Все чакрамы, соединившись
в Солнце,
Во внешний мир неодолимо рвутся
И прорываются.

—

Сидящий на Престоле озарен
Тем Солнцем восходящим.

—

Вдали, внизу,— дымящаяся бездна.
И время исчезает, как туман,
Пред солнцем духа.

—

А завтра дальше ты пойдешь, туда,
Где Лотос Брамы лепестки раскрыл
Для импульсов предвечных
Абсолюта.

Глава седьмая

Чакраму Брамы соответствует орган, расположенный в головном мозгу. Считается, что это — самый таинственный и самый сложный из всех наших чакрамов. Для облегчения работы с ним он разбит на семь основных секторов, в разных источниках, носящих разные названия. Чтобы не сосредоточивать внимание на специфических терминах, я обозначаю их цифрами.

Символом чакрама Брамы, прочно укоренившимся в индийской традиции, является тысячелепестковый лотос — Лотос Брамы.

1

Когда сольются в унисон звучащий
Вселенский пульс и твой ритмичный
пульс,—
Тогда творцом ты ощутишь себя
И сотворцом с Единой Вечной
Жизнью.

—

Не раз, не два был сотворцом ты
с Нею.
Не раз, не два ты заключал себя
В круг времени. Но, прорывая
круг,—
Осуществлял единство с Абсолютом.

—

Не в памяти все это отложилось —
В великой интуиции твоей.

—

Необходимость первая твоя:
Наладить, как проснешься, только,
связь

зовется,
И не терять ее в теченье дня.
—
Земля есть небо, если Лотос Брамы
Пришел в движенье, осенил тебя.
—
Через другие чакрамы на связь
Выходишь ты через сиянье Солнца.
Здесь — связь прямая с Космосом
бессмертья.
—
Здесь Вечность контролирует тебя.
Здесь Космос с Микрокосмосом
слиянны.
—
Здесь приблизительны любые
описанья.
Условны формулы. Виденья
неточны.
—
Одно здесь безусловно —
растворенье
В дыханье Абсолюта и любви.
—
В отрезок времени себя не замыкай.
Носитель Вечности ты в этом
бренном мире.
—
Твой дух взлетает в мир
надзвездный, чтобы
Великим Светом озарить себя
И воскресить дыханьем Абсолюта.
—
...И Солнце Солнц восходит над
тобою.

2

Ты входишь в царство истинной
свободы.
Оно тебе принадлежит от века.
—
Зависимость от внешних
обстоятельств —
Иллюзия. Ее преодолей
Безмолвьем, медитацией,
безмолвьем.
—
...Последний всплеск житейской
суеты —
И небо открывается пред вами.
—
Не из надземной — из надзвездной
сферы
Ты должен Глас великий различать.
—
Ты в Космосе, но Космос — часть
тебя,
Коль ты соединился с Абсолютом.
Пред ликом Абсолюта светозарным
Тускнеют все незыблемые догмы
И замолкают имена Земли.
—
Из Царства духа изошли и ныне
Вы снова возвращаетесь туда.
—
Быть в духе — значит быть
самим собой.
Так обретайте истинную сущность
Не только в медитации — везде.
—
А семя духа все в себя вмещает.
Когда приходит это осознанье,
То небеса ликуют и трепещут.
—
Стократ благословенно воплощенье,
Когда цветет и набирает силу
То Дерево Познания, о коем
Легенды человечество творит.
—
А образ Лотоса суть дела
раскрывает.
Уходит семя в почву, чтоб
вернуться,
Обогатившись соками земными
И превратившись в огненный цветок.
—
Искать чудес, имея Лотос Брамы,
Узнав о нем, надеяться на что-то,
Смешно, грешно. Он — чудо всех
чудес.

3

Вихрь образуется, бушует
вкруг тебя,
Когда твой дух вторгается
в пространство,
В мир временных и преходящих
форм.
—
Твой дух — магнит. В его орбиту
входят
Частицы невесомые, из коих
Куется тело духа твоего.
—
Вихрь мира страшен. Только
вихрем Света
Тот ураган возможно укротить.
—
По воле Жизни и с согласья духа
Вихрь Света устремляется на землю.
И этот вихрь несущийся есть ты.
—
Твой путь вершится через чакрам
Брамы.
На нем сосредоточься. Развивай

Его аспекты. И придет познанье.
Придет раскрытье истины самой.

—

Под Деревом Познанья посиди.
Пускай объемлет Океан Безмолвья
Тебя, твои мятущиеся мысли...

—

Чтоб воспринять идущий сверху
Свет,
Ты должен отключиться на
мгновенье
От всех забот, от самого себя.
Ну, а потом, тот импульс восприняв,
Ты должен действовать.

—

Ты научись свободно и легко
Активный план сменять пассивным
планом.
В слиянье их, в их плавном
сочетанье
Победа заключается твоя.

—

Не перепутай и не сбейся в ритме.
Не действуй, когда нужно
воспринять.

—

Слиянье с Космосом сначала ощути,
Дабы потом над Космосом
подняться.

—

А Лотос Брамы — это Чаша Света.
Приникни к ней и жажду утоли!

—

Первичный звук мы называем АУМ.
Но мы уходим дальше, глубже,
выше,
Коль Лотос Брамы раскрываем мы.

—

Покровы Майи сброшены. Забыты.
Обнажена сверкающая суть.

—

Мистерия космических стихий
Здесь совершается. Мы ловим
смутный отзвук
Мистерии в великой тишине.

—

Здесь над подвижным царствует
недвижность.
Здесь, словно тени, формы исчезают
В сиянии неведомых лучей.

4

А проявленьем истинной свободы
И было воплощение твое.
Твой дерзкий дух не устрашился
тягот,
Ошибок, заблуждений неизбежных,
Но с твердой верой в миссию свою
Он устремился в мертвенные вихри.

—

Дух сделал выбор. Он не мог иначе.
Ведь истина должна быть
воплощенной.
Она должна явиться во плоти.

—

Свободный дух свободный сделал
выбор,
И путь его светящийся пролег
Пока пунктиром в мире плотных
планов.

—

Понять во времени, что было
до него,
Возможно лишь бестрепетному духу.

—

Ты должен как бы умереть для
мира,
Дабы воскреснуть истинно живым.

—

Усилье это сожигает Карму.

—

Замкнется круг. Тогда замкнутся
токи.
И человек — над бездной вознесен.

—

Тончайший вид энергии — духовный,
Сильнейший вид энергии —
духовный,
И потому всепобеждающ он.

—

Законы воплощенья не просты.
Их много. Основной —
Преображенье.

—

Дух во плоти, преобразуя плоть,
Рычаг великой силы получает.

—

Над воплощеньем и развоплощеньем
Ты должен стать хозяином. Ты
должен
Постичь законы двух своих миров.

—

А медитация духовная, безмолвье —
Частичное твое развоплощенье.
Понаблюдай, как это происходит,
Со стороны сам на себя смотри.

—

Не смерть, не мука — воплощенье —
радость,
Когда задачу выполнил свою.

—

Не смерть, а радость —
и развоплощенье,
Когда задачу выполнил свою.

—

Венец чудес — жизнь духа во плоти.

Незримое светящееся семя
Уходит вглубь, чтоб Лотосом взойти.

—

Рост Лотоса и есть стремленье ввысь,
Которое влечет неудержимо
Порою даже вопреки всему.

...Но, поднимаясь духом в небеса,
Мы ни на миг не забываем Землю.

—

Низы и верх светящейся чертой
Соединяет Воля Абсолюта.

—

Соприкоснувшись с тайной Абсолюта,
Ты не имеешь права прежним быть.

—

5

В известном смысле воплощенье — смерть,
Ограниченье светлого для духа.
Но Свет проснется, и проснешься ты,
И радость несказанную узреешь.

—

Распятье временем кончается, когда
Ты вечное зерно в себе почуешь,
Но не умом, а существом своим.

—

Быть посвященным — значит раскрывать
Усильем духа тайны мирозданья,
И пусть в усилье этом растворятся
И мысль твоя, и чувство, и душа.

—

Дух напрягай, чтоб память воскресить.
Реальность истины должна тебя наполнить.

—

Твое воспоминанье будит волны
Тех тонких сфер, откуда ты пришел.

—

И Посвященье есть сигнал к возврату,
Сигнал далекой Родины твоей.

—

Путь возвращенья — путь подъема в гору,
И потому здесь бдительность нужна
Особая, чтоб не сорваться в пропасть.

—

Реальность Абсолюта безусловна.
В сравненье с той реальностью есть сон
Все то, что окружает.

—

Един, троичен, множественен Он.
Он многолик, троичен и единствен.

—

Жизнь в Абсолюте — это озаренье.
Одно мгновенье — это цикл земной.

—

6

Единый принцип. Он же Абсолют.

—

Единство есть синоним Абсолюта,
Его Закон.

—

Через единство с Абсолютом только
Возможно единенье с людьми,
Проникновенье в тайны мирозданья,
Познанье сокровенное миров.

—

Ты чаешь воскресения из мертвых.
Оно — в твоем слиянье с Абсолютом.
А трубный Глас есть внутренний твой голос,
Зовущий к возвращенью тебя.

—

А знать, что Лотос Брамы существует,
Одно уж это значит, что сейчас
Ты получил возможность возвращенья
Реальную.

—

Не упусти возможности своей!

—

Через Огонь мы все должны пройти.
Иначе и не будет возвращенья.

—

Желать Огня, просить, чтоб Он сожег
Все низменное, грязное, чужое,—
Таков Закон Дороги возвращенья.

—

Дух воплощенный все несет в себе
Для измененья плоти и сознанья.
Необходимо только — не забыть.
Необходимо только — помнить, помнить.

—

Доверье к духу и духовной жизни —
Так начинается твое Преображенье.
Сперва — доверье, а потом — любовь.

—

Мистерия Преображенья — это

Есть Жизнь, в себя включающая
Космос.
Не полужизнь, а в полном смысле —
Жизнь!

—

И жизнь, и смерть в тебе изменены.
Ты вознесен над жизнью
и над смертью
Бестрепетным порывом к Абсолюту.

—

Ты исчезаешь для земных вибраций,
Чтоб, возвратившись, их
преобразить.

—

...И возникает пред тобою мир
Застывших форм, окаменевших
форм.
Ты должен искры высечь из него,
Зажечь огни, невидимые взору.

—

7

Не отрицанье смерти — Воскресенье.
Но утвержденье Всеединой Жизни.
Перед Единой Жизнью равнозначны
В известном смысле жизнь твоя
и смерть.

—

Не отрицанье смерти — пониманье,
Что значит смерть,— несет нам
Воскресенье.
А жизнь и смерть — ведь это смена
ритмов
Бессмертной Жизни, Всеединой
Жизни.

—

И, воплотясь, ты должен овладеть
Великой тайной смены этих ритмов.
И в этом путь возврата заключен
И воскресенья духа человека.

—

Не перед смертью страх преодолей.
А перед Жизнью. Смерть лишь
измененье
Единой Жизни.

—

Из мутного потока выходи
Во время медитаций и безмолвья.
Пусть Вечность укрепит твой дух
и мысль.

—

Над временем приобретая власть,
Что равнозначно власти над собою,
Ты воскресаешь из небытия.

—

А Воскресение твое — свобода
От страхов, от сомнений,
от иллюзий,
Свобода от всего, что есть не ты.

—

О радости не думают, а в ней
Живут всем сердцем, всей душой,
всем телом.
Что значит радость? Высшее
познанье.
Она вращает чакрамы твои.

—

А Лотос Брамы — самый дальний
пункт
Твоей незримой связи с Абсолютом.

—

Путь человеческий здесь четко
обозначен:
Нисход, Преображенье, Высота.

—

Огнь Вечности несете в мрак
столетий,
И в нем преображаются они.

—

Дух, воскресая, изменяет все.
И он — другой. И все вокруг —
другое.

—

Путь завершен. Но это
завершенье —
Лишь подготовка к Новому Пути.

1974—1981. Москва — Дели — Наггар — Семилуки — Москва.